

42

30

72

78

54

92

РОДИНА

Учредители:
Правительство Российской Федерации
Администрация Президента
Российской Федерации
Журнал основан в 1879 году
Издатель ФГБУ
«Редакция «Российской газеты»

№3, март 2015

Генеральный директор
ФГБУ «Редакция «Российской
газеты» **П.А. Негоица**

Главный редактор
В.А. Фронин

Заместитель главного редактора, шеф-редактор журнала
«Родина» **И.А. Коц**

Редакционный совет:

Г.В. Вилинбахов,
председатель
Геральдического совета при
президенте РФ, замдиректора
Государственного Эрмитажа

С.В. Девятков, советник
директора ФСО РФ
А.Н. Кирпичников, доктор
исторических наук

А.А. Коваленя, академик-
секретарь отделения
гуманитарных наук
и искусств НАН Беларуси

М.А. Колеров, кандидат
исторических наук

А.С. Кулешов,
замначальника управления
Главного управления
специальных программ
президента РФ

А.К. Левыкин, директор
Государственного
Исторического музея

Н.А. Макаров, академик
РАН, директор Института
археологии РАН

Г.Ф. Матвеев, профессор
исторического факультета
МГУ им. Ломоносова

С.В. Мироненко, директор
Государственного архива РФ

К.В. Никифоров, директор
Института славяноведения
РАН

В.А. Никонов, доктор
исторических наук

А.Е. Петров, ответственный
секретарь Российского
исторического общества

Ю.А. Петров, директор
Института российской
истории РАН

Е.И. Пивовар,
член-корреспондент РАН,
ректор РГГУ

О.А. Рафальский,
научный руководитель
Института политических
и этнонациональных
исследований НАН Украины
им. И.Ф. Кураса

Л.П. Решетников, директор
Российского института
стратегических исследований

И.И. Сирош, член
президиума Совета
Российского исторического
общества

П.В. Стегний, Чрезвычайный
и Полномочный Посол РФ

Д.О. Швидковский, ректор
МАРХИ, вице-президент
Российской академии
художеств

С.Е. Щерблыгин, член Совета
Федерации Федерального
Собрания РФ

А.О. Чубарьян, академик
РАН, директор Института
всеобщей истории РАН

В.Л. Янин,
академик РАН

Наш сайт в Интернете: rodina.rg.ru

ФОТОАЛЬБОМ РОДИНЫ

83 Александр Колчак и его команда

РОДНАЯ РЕЧЬ

86 Высоцкий и война: это было, было, было...

90 Письмецо в конверте: погоди, не рви...

92 Оседлавший Конька

94 Семейная книжная полка

96 Кроссворд

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА «РОДИНЫ»

98 Корни четвертой власти

106 Тайная война на Пруте

110 «Теперешние события надо взвешивать в масштабе десятилетий, столетий...»

116 Крестьянская сага

Подписаться
на журнал «Родина»
можно по каталогам:
«Роспечати» (индекс
73325), «Почта России»
(индекс 63436),
Объединенному
(индексы 40687,16398)

Адрес редакции:
125993, Москва,
ул. Правды, 24, стр. 4

Тел. (499) 257 40 46

E-mail:
rodinainfo@rg.ru

ФГБУ «Редакция
«Российской газеты».
Все права защищены.
Рукописи
не возвращаются.

Зарегистрировано
Министерством
печати и информации
Российской
Федерации.
Свидетельство № 291
от 24 августа 1994 г.

ISSN 0235-7089

Тираж 8500 экз.

Отпечатано
ОАО «Можайский
полиграфический
комбинат»

Заказ № 777

143200, г. Можайск,
ул. Мира, 93.

Тел.: (495) 745 84 28,
(49638) 20 685

www.oaompk.ru,
www.oaompk.ru

Александр Колчак и его команда

Эту поразительную фотографию — как и множество других из минувшего века — писатель-маринист Николай Черкашин нашел на блошином рынке.

В центре, заложив руку за борт кителя, сидит командир парохода «Вайгач», один из инициаторов ГЭСЛО (Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана) капитан 2-го ранга Александр Колчак. Он счастлив: сбылась заветная мечта — выйти на штурм Арктики...

Кто мог предсказать, что через десять лет его, как и сидящего по левую руку судового врача Арнгольда, ждет расстрельная пуля?..

Автор рубрики «Благодаренье снимку» Николай Черкашин восстановил имена всех соратников будущего адмирала. Бесстрашно смотрят они навстречу черным судьбам своим. 1910 год. Французский порт Гавр. Палуба «Вайгача».

на стр.
72

Чему научили меня встречи с медведями?

1. Любить и ценить жизнь.
2. Осторожности и осмотрительности.
3. Знать, кто в лесу хозяин.
4. Что они очень умные и что у них очень развита интуиция.
5. Пониманию, что на их земле мы гости.
6. Что не я такая сильная.
7. И, что ангел-хранитель меня бережет. Во всяком случае пока.

В Онеге про нее легенды ходят среди охотников. Удивление попеременно с уважением. Как часто вам приходилось видеть женщину, идущую с ружьем на волка? Женщину, для которой встреча с медведем в лесу, как для вас с маршруткой возле работы?

Наш корреспондент побывал в Онеге и записал потрясающий монолог Людмилы Киприяновой, бухгалтера из северного поселка.

Как разрубила его Красная Армия на пороге Великой Победы

ТЕКСТ **Елена КОЛОСКОВА**

Из всех стран, на территории которых сражалась в 1944 – 1945 гг. Красная Армия, самые тяжелые бои ей пришлось вести — не считая, понятно, Германии, — в Венгрии. Именно в ней (и в лежавшей за ней Австрии) находились последние нефтяные месторождения, которыми, после потери в августе 44-го румынских, располагал Гитлер. И за Венгрию вермахт цеплялся свыше полугода.

Освободив осенью 1944 г. восточную Венгрию, форсировав Тису и Дунай, 2-й и 3-й Украинские фронты маршалов Советского Союза Р.Я. Малиновского и Ф.И. Толбухина втянулись в тяжелые бои за Будапешт — ов-

ладеть которым удалось лишь 13 февраля 1945-го. А 3-му Украинскому дважды — в январе и в марте 45-го — приходилось еще и отражать мощные контрудары немцев, пытавшихся сбросить его в Дунай. Здесь враг в последний раз за войну бросил в бой массы танков — среди которых были и сверхтяжелые «королевские тигры». Только во второй половине марта, после ввода в бой стратегических резервов Ставки, войска Толбухина и Малиновского вновь двинулись вперед и 4 апреля 1945 г. завершили освобождение Венгрии.

О зимних и весенних боях 45-го на венгерской земле рассказывают редкие фотографии из фондов Российского государственного архива кинофотодокументов.

2.

3.

4.

1.

1. Советские штурмовики над Будапештом. Январь 1945 г. Фотограф неизвестен. РГАКФД. Арх. № 0-164619

2. Советские части на переправе через Дунай, соединяющей Буду и Пешт. Будапешт. Март 1945 г. Фотограф неизвестен. РГАКФД. Арх. № 0-167454

3. Читать по-русски!

4. Советский связист передает донесение на командный пункт. Будапешт. Февраль 1945 г. Фотограф неизвестен. РГАКФД. Арх. № 0-144258

5.

5 • Колонна советской механизированной пехоты на марше в районе Будапешта. Декабрь 1944 г. Фотограф Л. Бернштейн. РГАКФД. Арх. № 0-251200 а, б

6 • Немецкое орудие на одной из улиц Будапешта. 1945 г. Фотограф Е. Халдей. РГАКФД. Арх. № 0-95505

7 • Высадка советских частей с кораблей Дунайской военной флотилии. Январь 1945 г. Фотограф неизвестен. РГАКФД. Арх. № 0-164624

8 • В восточной части Будапешта после его овладения советскими войсками. Внизу на площади — брошенная немецкая техника. 14 февраля 1945 г. Фотограф неизвестен. РГАКФД. Арх. № 2105124

6.

7.

8.

«ПОДВИГ НАРОДА»: рядовой Бушев и еще 30 миллионов весточек с войны

БЛАГОДАРЯ
УНИКАЛЬНОМУ
САЙТУ НАШ
КОРРЕСПОНДЕНТ
ЗА ПЯТЬ МИНУТ
УЗНАЛ ОБ ОТЦЕ-
ФРОНТОВИКЕ
БОЛЬШЕ, ЧЕМ
ЗА ВСЮ ЖИЗНЬ

● Святой день для Федора Ивановича Бушева (он в центре) и его однополчан. 9 мая. Сквер у Большого театра.

ТЕКСТ

Александр БУШЕВ

О сайте «Подвиг Народа» я услышал случайно — в какой-то из телепередач. Следуя скорее профессиональному любопытству, зашел на портал. И впечатал в поисковик фамилию, естественно, отца — без всякой надежды, потому как всегда скептически относился к пафосным названиям. А что может быть пафоснее словосочетания «подвиг народа»?!

И тут началось поразительное...

Поисковик мгновенно выдал три фронтовые награды моего бати. Конечно, я знал о них, все они бережно хранятся в нашей семье в специальной шкатулке, обшитой красным бархатом. Но на дисплее открылись цветные копии подлинных наградных листов и приказов о награждении автоматчика разведроты 6-го гвардей-

ского механизированного Львовского Краснознаменного корпуса 4-й гвардейской танковой армии 1-го Украинского фронта!

Наградные листы, заполненные перьевой ручкой с фиолетовыми чернилами! Моя рука на «мышке» задрожала...

«Товарищ Бушев, действуя в составе разведроты по захвату контрольного пленного (на солдатском жаргоне это называлось «добыть языка»). — **Авт.**) в районе деревни Бенау, Германия, первым разведывая деревню, установил наличие огневых точек противника... Действуя с напарником, уничтожил 2 солдат, взял в плен немецкого офицера и ценные документы. Поставленная задача благодаря дерзкому налету была выполнена, пленный дал ценные сведения для части... Достоин награждения орденом Красной Звезды».

ИЗ ДОСЬЕ «РОДИНЫ». Портал «Подвиг Народа» Министерство обороны запустило в тестовом режиме в апреле 2010 года, объявив целью проекта «увековечение памяти всех героев Победы независимо от звания, масштабов подвига, статуса награды...»

В недавнем интервью «Российской газете» начальник Центрального архива Минобороны РФ Игорь Пермяков назвал цифры: на хранении в ЦАМО и его филиалах находятся почти 80 миллионов карточек, которые относятся к периоду Великой Отечественной войны. Уже оцифровано около 30 миллионов. И эта поразительная работа продолжается ежедневно. Те, кто еще не нашел на сайте фамилии своих родных, имеют все шансы на это в обозримом будущем.

Датировано 16 февраля 1945 года. Подпись командира разведроты младшего лейтенанта Таманцева. Наверное, наградное представление не потянуло на орден, отца наградили медалью «За отвагу», которой гордился он чрезвычайно.

Второй наградной лист датирован 25 марта того же победного года. У отцовской разведроты уже другой командир — гвардии лейтенант Дарбинян. Уже никто мне не ответит, что стало с лейтенантом Таманцевым...

«В наступательных боях бригады с 15 марта по 20 марта 1945 года товарищ Бушев участвовал в 13 разведывательных операциях. 19.03 при отражении контратаки противника в районе рощи... автоматным огнем уничтожил 7 гитлеровцев, изъяс документы у убитых и доставил в штаб...»

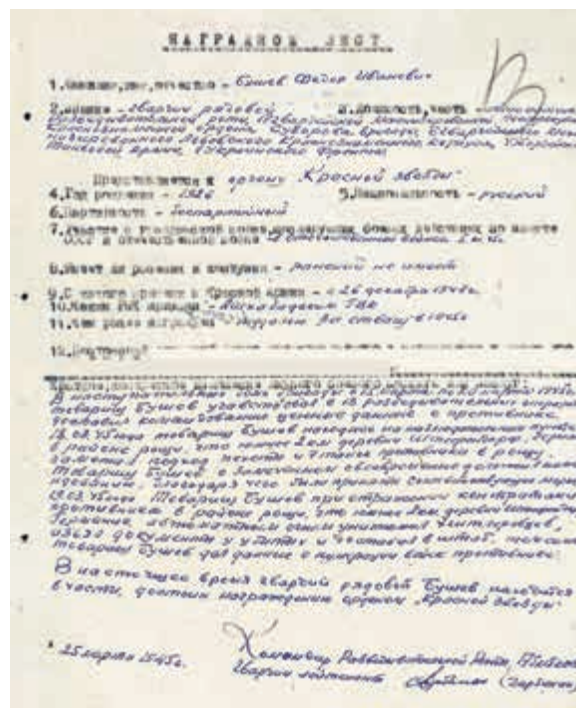
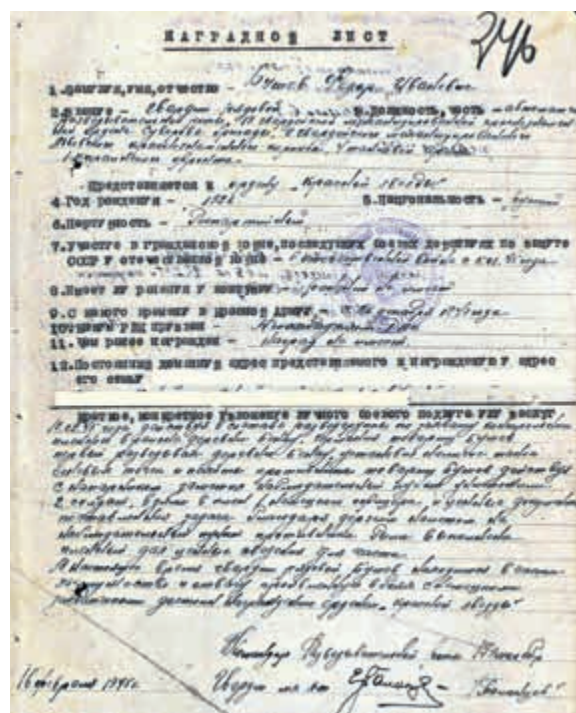
Чего скрывать, слеза покатила по моей щеке. А память отчетливо нарисовала картинку из юности. Накануне 9 Мая 1975 года отца вызвали в горвоенкомат Ашхабада, где мы жили. Вернулся он чуть «под мухой» и с новеньким орденом Красной Звезды на лацкане пиджака. Тем самым, из весны 1945 года. Не полученным тогда ввиду ранения, госпитализации...

Я вижу, как батя, гордый, добавив еще 100 граммов «наградных», сажает меня, студента, перед собой и начинает очередной рассказ «о войне». Я внимаю вполуха, потому что много раз все это слышал — и про «немецких языков», которых мой 17-летний отец по ночам «таскал на горбу» из-за линии фронта, и о том, как он «чуть не стал» военным летчиком, и какая она «на самом деле страшная», эта Великая Отечественная, и как они пили водку под Прагой в победную ночь на 9 мая...

Только сейчас я отчетливо осознаю масштаб своей глупости. Я не запомнил ни единой детали из тех рассказов, никакие подробности не отложились в моей юной и ветреной голове. Только сейчас я понимаю, что обязан был это слушать внимательнее самой важной университетской лекции или любовного шепота подруги. Я обязан был дотошно записывать имена и фамилии боевых товарищей отца, живые впечатления от боев, от окопного быта, от поведения обреченных «языков»...

Но кто в 20 лет слушает своих подвыпивших отцов?

... Распечатав святые документы, я позвал своих отпрысков. Показал наградные листы, предложил обрамить их и повесить на стенах наших квартир. Дети вежливо, но как-то отстраненно слушали. И я вдруг снова увидел себя 40 лет назад. И подумал: видимо, не время. Кто в 20 лет слушает своих подвыпивших отцов?..

КАК НАЙТИ СВОЕГО ФРОНТОВИКА?

Ресурс очень прост в использовании. Для начала нужно зайти по ссылке: rodvignaroda.mil.ru и далее — в раздел «Люди и награждения».

В открывшуюся поисковую строку введите фамилию, имя, отчество и год рождения вашего фронтовика. Следует учесть опыт нашего корреспондента: когда он ввел год рождения отца, то результата не добился; очевидно, во фронтовых документах год был записан неверно. Поэтому сын оставил только фамилию, имя и отчество отца.

После этого на мониторе открывается личная страничка награжденного, где, пощелкав по ссылкам, можно найти цветные копии наградных листов, приказов о присуждении наград с подписями командиров и точного названия воинского подразделения, где служил дорогой ваш человек.

Размышления историка на полях «Дневников императора Николая II», впервые опубликованных в полном объеме

Николай и Александра

*И всюду страсти роковые,
И от судеб защиты нет.*

А.С. Пушкин

Большую часть своей научной карьеры я занимался изучением петербургского, или императорского, периода истории государства Российского. И, каюсь, всегда воспринимал царя как исключительно малосимпатичную и примитивную историческую фигуру. Капитальное издание «Дневников императора Николая II»¹, недавно вышедшее в свет, меня, без преувеличения, поразило... В течение нескольких месяцев, с перьевой ручкой в руках, я штудировал

этот удивительный и объемный — 2709 страниц! — трехтомник. Издатели совершили настоящий научный подвиг. Они опубликовали и прокомментировали дневниковые записи императора, снабдив их отменным, не имеющим аналогов научным справочным аппаратом. Он позволяет понять мельчайшие нюансы событий вековой давности — от этикета и придворных чинов до охотничьих терминов, от списка прочитанных Николаем II книг до перечня спек-

Безоглядная любовь на обломках империи

таклей, которые он посетил. Перевернув последнюю страницу, могу честно признаться: я радикально изменил свое отношение к Николаю II. Не буду утверждать, что я его полюбил, нет, но последний русский царь предстал предо мной как персонаж трагедии античного Рока, и я ощутил сострадание к Николаю Александровичу Романову.

ТЕКСТ **Семен ЭКШТУТ**,
доктор философских наук

ЦАРСКОСЕЛЬСКИЙ ПАРК ДЛЯ ДВОИХ

«19-ГО ИЮНЯ 1897 ГОДА. Четверг. Стоял тёплый день. С утра ещё до докладов ко мне лезли и приставали, сокращая и без того ограниченное время для прогулки».

«16-ГО АВГУСТА 1897 ГОДА. Суббота. Были обычные два доклада. Принимали во Дворце делегатов от двух конгрессов — геологического и статистического. И развелось же их, что нерезанных собак!».

«19-ГО ЯНВАРЯ 1898 ГОДА. Понедельник. Хороший солнечный день с санным путем. До докладов был граф Шереметьев, который отнял у меня прогулку».

Работа в ущерб прогулкам... Подобный ход мысли был в принципе невозможен для любого из предшественников Николая II. Но сызмальства убежденный в божественном происхождении своей самодержавной власти, Николай Александрович никогда не стремился к популярности. И не считал нужным прилагать хоть какие-нибудь усилия, чтобы создать этой власти привлекательный образ. Вспомним один из канонических портретов Александра I Благословенного. Победитель Наполеона и освободитель Европы запечатлен опирающимся на толстый том, на корешке которого крупными буквами написано «Закон». Царь царей изображен в образе галантного кавалера в генеральском мундире — с любезной улыбкой на устах. Александр Павлович знал, как следует себя вести, чтобы одной удачно сказанной фразой вызвать восторг подданных.

А Николай даже не задумывался, что его регулярные прогулки с обожаемой супругой подчиненные могут истолковать превратно. Каждый час с ненаглядной Аликс был у него на счету. Потому и всякий незапланированный высококордный визитер, которому нельзя было отказать в приеме, вызывал досаду императора. Ведь супруги так любили эти совместные прогулки по большому Царскосельскому парку. Здесь, в Александровском дворце, они провели свой медовый месяц; здесь у них были излюбленные, только им ведомые уголки. В одном они собирали первые весенние цветы:

«Гуляли, собрали букет ландышей из знакомого нам только места и катались в лодке».

В другом — любовались весенними березами:
«Аромат от распускающихся берёз поразительный».

В третьем — наслаждались благоуханием сирени:
«Амбрэ стояло удивительное от распускающейся сирени!»...

• Одна из последних семейных фотографий. Стоят слева направо: цесаревич Николай Александрович, великий князь Георгий Александрович, великая княжна Ольга Александровна, великая княжна Ксения Александровна. Сидят: императрица Мария Федоровна и император Александр III. Впереди великий князь Михаил Александрович. Крым. 1893.

«НУ ПОЛКОВНИЧЕК, И БОЛЬШЕ НИЧЕГО...»

Во время Великого поста министерских докладов не было, и царь от всей души радовался своей свободе, уподобляясь гимназисту, который веселится, когда прекращаются занятия и наступают каникулы. А возвращение привычной череды докладов навевало на него грусть и тоску. Мысли о том, что у императора — ненормированный рабочий день, что ни он сам, ни императрица не имеют права на частную жизнь, как не может быть частным делом семьи Романовых образ монарха и образ жизни его семьи, — эти очевидные истины не были усвоены Николаем Александровичем. «Ну полковничек, и больше ничего»², — как язвительно констатировала одна великосветская дама.

Чиновник ходит в присутствие по присутственным дням и в присутственное время, полковник служит лишь в урочные часы, а император — фигура круглосуточная. Управление громадной империей не может иметь разрывов во времени. Не приняв это за аксиомы своей системы ценностей, очень трудно быть императором...

При этом Николай II никоим образом не был ни ленивцем, ни сибаритом. Ему не было свойственно желание манкировать своими обязанностями, он никогда не занимался делами спустя рукава и всегда считал нужным вникать во все детали. Недовольство

● Лауритс Туксен.
Бракосочетание
Николая II и
великой княгини
Александры
Федоровны.
Фрагмент.

императора проистекало из настойчивого нежелания жертвовать своей частной жизнью ради утомительных придворных церемоний. И то сказать: на Пасху, 13 апреля 1897 года, например, во время христосования Николаю II пришлось облобызывать 570 человек, в то время как императрица Александра Федоровна, сидя в кресле, раздавала пасхальные яйца, а на следующий день «началось большое военное христосование — всего с начальством 909 человек». Тяжело, однообразно, нудно...

То, что царственной чете были в тягость бесконечные дворцовые процедуры, не являлось секретом для придворных. Они нередко с неудовольствием замечали, что Николай и Александра спешат покинуть церемонию. А супруги даже не подозревали, что «жадной толпой стоящие у трона» навсегда запомнят это невнимание и никогда его не простят.

А вот вдовствующая императрица Мария Федоровна держала себя иначе: она демонстрировала и сыну, и невестке, как должно себя вести царствующим особам. Мария Федоровна не воспринимала придворные церемонии исключительно как утомительную доуку, ибо они были неотъемлемой частью ее жизни. Придворные нередко с неудовольствием замечали, что Николай и Александра спешат покинуть церемонию, в то время как Мария Федоровна демонстративно в течение нескольких часов с неиссякаемой любезностью и с не сходящей с ее лица пленительной улыбкой продолжала расточать знаки монаршей заинтересованности в делах верноподданных. Но этот урок не был усвоен ни Николаем, ни Александрой.

Меж тем высший петербургский свет уже вынес свой суровый и не подлежащий обжалованию приговор Александре Федоровне: «Это гордячка, никого знать не хочет: куда ей до Марии Федоровны!..»³

«ЗАВТРАКАЛИ ОДНИ...»

А какие были ожидания от этой блестящей пары! 14 ноября 1894 года, в день бракосочетания монаршей четы, в дневнике петербургского сановника Александра Александровича Половцова появилась выразительная запись: «Императрица Александра Фёдоровна ослепила всех своей красотой, достоинством, вниманием, приветливостью. Восторг, очарование, надежды всеобщие. Дай Бог, чтобы неизбалованное исторической судьбой Отечество нашло в личности ее залог гражданского успеха, мирного счастья»⁴. У 22-летней Александры Федоровны были все шансы завоевать любовь подданных, приложи она к этому хоть малейшие усилия. Увы...

Николай и Александра находились в плену иллюзии, что сан самодержца сам по себе предполагает безграничную любовь подданных. И помазанникам Божиим нет нужды расточать свои милости. Как же они ошибались! Им и в голову не могло прийти, что фотографической карточкой с портретом царя и его автографом царедворцы дорожили больше, чем дорогим подарком из Кабинета императора; что любезное приглашение к столу всегда расценивалось как проявление августейшей милости. Но император Николай продолжал вести себя как обычный корректный начальник («Ну полковничек, и больше ничего»): в урочное время принял подчиненного, выслушал доклад, отпустил.

«12-ГО МАЯ 1895 ГОДА. Пятница. Душный день. Утром приезжал Победоносцев и задержал нас от прогулки. После докладов был небольшой прием. Завтракали одни».

Вдумаемся в короткую дневниковую запись. В Царское Село приезжает из Санкт-Петербурга Константин Петрович Победоносцев, обер-прокурор Святейшего Синода и ближайший советник императоров Александра III и Николая II. Однако крупнейшего столичного сановника и в прошлом известного профессора-юриста (в свое время он преподавал им, отцу и сыну, законоведение) не приглашают разделить завтрак вместе с монаршей четой. Николай Александрович сожалеет лишь о том, что визит Победоносцева сократил его прогулку по Царскосельскому парку, и не дает себе труда задуматься над тем, что пожилой человек, имевший очень высокий чин действительного тайного советника (II класс Табели о рангах), мог рассчитывать на элементарное человеческое участие со стороны бывшего ученика. Не удостоились получить приглашение к столу ни прибывшие с докладами министры, ни дежурившие в этот день генерал- и флигель-адъютанты...

Николай и Александра так сильно любили друг друга, что не желали уступать кому-либо даже минуты, которую могли провести вдвоем. Да, это удручающее непонимание законов жизни императорского двора, да, вопиющая бестактность. Но если бы это было только их семейной проблемой...

Летом 1894 года, когда цесаревич Николай Александрович и принцесса Алиса Гессенская были еще женихом и невестой, Аликс сделала в дневнике своего дорогого Ники такую запись по-немецки: «Есть нечто чудесное в любви двух душ, которые воедино сливаются и которые не единой мысли друг от друга не таят; радость и страдания, счастье и нужду переживают они вместе, и от первого поцелуя до последнего вздоха они о любви лишь поют друг другу». Запись оказалась пророческой. Николай и Александра сумели пронести свою любовь от первого поцелуя до последнего вздоха. В этом и заключался бессердечный Рок: их личное счастье стало несчастьем для страны.

ИМПЕРАТРИЦА БЕЗ СОПЕРНИЦ

Наследник российского престола встретился с принцессой Алисой, внучкой самой королевы Великобритании, когда девочке было 12 лет. «Я сидел с маленькой двенадцатилетней Аликс, которая мне ужасно понравилась...» Казалось, можно лишь радоваться, что цесаревич влюбился в девочку, которая принадлежала к владетельному дому. Но долгое время Александр III и Мария Федоровна делали все, чтобы этот брак не состоялся. Почему? Они страшились, что Аликс Гессенская может передать будущему наследнику престола гемофилию — наследственную болезнь, которая поражает мужчин, но передается по женской линии.

И все же в конце концов родителям Ники пришлось уступить. Выяснилось, что отличавшийся богатырским здоровьем Александр III смертельно болен и, значит, цесаревичу очень скоро предстоит взвалить на плечи тяжелейший груз ответственности. Нужна женщина, которая способна этот груз с ним разделить. И таковой могла быть только Аликс.

Правда, оставалась, казалось, неустраняемая препона: нежелание Алисы перейти в православие. Первая серьезная проверка их любви...

«5-ГО АПРЕЛЯ 1894 ГОДА. Вторник. Боже! Что сегодня за день!..

Нас оставили вдвоем и тогда начался между нами тот разговор, которого я давно сильно желал и вместе очень боялся. Говорили до 12 часов, но безуспешно, она все противится перемене религии. Она, бедная, много плакала».

● В гостях у английской королевы. Стоят слева направо: Николай II, принц Уэльский Альберт Эдуард (будущий король Эдуард VII). Сидят слева направо: императрица Александра Федоровна с дочерью Ольгой на руках, королева Виктория.

Судьба династического брака висела на волоске. Но после нескольких дней мучительных раздумий принцесса дала согласие принять православие. День, когда это произошло, подчеркнут в дневнике цесаревича тремя чертами:

«8-ГО АПРЕЛЯ 1894 ГОДА. Пятница.

Чудный, незабвенный день в моей жизни — день моей помолвки с дорогой ненаглядной моей Аликс».

Существует множество выдуманных и невыдуманных историй о том, как страстная любовь заканчивалась гибелью возлюбленных. Но все они меркнут на фоне истории Ники и Аликс. И это не притянутая фигура речи: не будь этой безмерной любви, могло не случиться ни революции, ни Смуты.

А ведь им было на кого равняться, чтобы избежать роковых ошибок. Семейную жизнь родителей Ники, Александра III и Марии Федоровны, уж никак нельзя было назвать безупречной: у супруги любовник, да какой — флигель-адъютант Владимир Алексеевич Шереметев, командир конвоя Его Императорского Величества, иными словами, начальник личной охраны императора. Однако все участники данного романтического трио вели себя столь тактично, что сумели сохранить любовную интригу в тайне.

До нас не донеслось ни слухов, ни сплетен. И Александр III, и Мария Федоровна были наделены каким-то врожденным внутренним тактом, в коем природа отказала Николаю и Александре.

И хотя Александр III большую часть своего царствования провел в Гатчине, за что и был прозван «Гатчинским пленником», хотя он значительно сократил число чинов государевой свиты, его изолированность от высшего света не шла ни в какое сравнение с изолированностью Николая II, которому плохо удавалось даже чисто внешнее сближение с верхушкой столичной аристократии. Кавалергард граф Алексей Алексеевич Игнатьев, наблюдая за последним русским царем во время большого бала в Зимнем дворце, сделал психологически тонкое замечание: «Николай II чувствовал себя не хозяином, а скорее гостем, отбывающим по традиции какую-то повинность».

Но зато все годы своего царствования он не переставал обожать супругу. При этом Николай Александрович всегда обращал внимание на красавиц — будь то юные провинциальные монахини или великосветские львицы. Если бы этот интерес проявлялся не только на страницах дневника, жизнь придворных приобрела бы наконец смысл: есть что обсуждать, о чем злословить, с кем и против кого интриговать. Можно выражать сочувствие императрице или шептаться у нее за спиной, можно сплетничать по поводу новой фаворитки, можно попытаться провести в царские любимицы свою креатуру. Придворная жизнь — школа злословия и ярмарка тщеславия — обрела бы вождя, как сказали бы сейчас, «движуху», которой так не хватало все годы правления Николая II.

Но в его сердце у императрицы не было соперниц.

ВИНОВАТЫЕ ВОРОНЫ

Александра Федоровна была человеком замкнутым и застенчивым. Каждодневная суэта двора, дворцовый протокол и хитросплетение интриг — все это было ей органически чуждо. У императрицы не было ни друзей в придворной среде, ни желаний с этой средой общаться. В дни официальных приемов она лишь исполняла свою обязанность первой дамы империи и спешила вернуться к семье. Августейшая чета месяцами жила не в Санкт-Петербурге, а в Царском Селе, Петергофе или Ливадии, где фактически не было связи с внешним миром. Очень точный анализ сложившейся ситуации дал великий князь Александр Михайлович: «Молодая императрица делала ошибки, незначительные сами по себе, но равносильные страшным преступлениям в глазах петербургского высшего света. Это замучило ее и создало известную натянутость в ее обращении с окружающими»⁵.

Разлад императрицы с высшим обществом с каждым годом усиливался — по мере того как Александра Федоровна никак не могла разрешиться от бремени наследником престола и одну за другой рожала дочерей. Николай II внешне оставался совершенно невозмутимым и никак не показывал обуревавшие его чувства. Отрицательные эмоции выплескивались на ворон Царскосельского парка, раздражавших царя своим карканьем.

«4-ГО МАЯ 1897 ГОДА. Воскресенье. Гулял два часа; сегодня удалось дойти до 50 убитых в парке ворон — из монтекристо исключительно».

По поводу несчастных ворон уже в недавние времена было опубликовано множество язвительных комментариев. При том, что Николай Александрович был действительно отменным охотником. Представителю движения «зеленых» лучше не читать записи в его дневнике:

● Император метко стрелял не только по воронам.

«29-ГО АВГУСТА 1900 ГОДА. Вторник. В последний раз выехали на охоту в Беловеже. День стоял чудный, тихий и тёплый. Успели взять, как было сказано в программе, все 7 загонов и завтракали в лесу. ... Интересен общий итог за 12 дней охоты: убито 680, а с подобранными после облав 704 штуки. Из этого мною убито 48: 6 зубров, 1 лось, 27 козлов, 3 даниельки, 4 кабана и 7 лисиц.

1-ГО СЕНТЯБРЯ. Пятница. Замечательно повезло, удалось убить 6 оленей и кабана, все из нашей чудной 3-х линейной винтовки. Вернулся домой в самом лучшем настроении.

8-ГО СЕНТЯБРЯ. Пятница. Удивительно удачный для меня день в смысле охоты. Поехал в 5 часов на оленей с подъезда. Убил четырёх. ... в 3 1/2 поехал с Аликс на пюрш и убил ещё четырёх оленей. Всего сегодня восемь».

Но ворон-то зачем?..

Объяснение простое и психологически очень понятное: он расстреливал их, когда сдавали нервы и хотелось просто выпустить пар. Массовым истреблением пернатых сопровождалась каждая беременность императрицы. (Запись о 50 убитых в парке воронах сделана за три с половиной недели до рождения великой княжны Татьяны. Монтекристо — это малокалиберное патронное ружье, заряжающееся с казенной части.

Отрицательные эмоции выплескивались на ворон Царскосельского парка, раздражавших царя своим карканьем.

Об истории создания легендарной винтовки-трехлинейки Сергея Мосина на стр. 27

Мечта любого подростка того времени.) Впрочем, доставалось не только воронам. Однажды царь убил кукушку, как-то раз — большого черного дятла, а уж о перебежавших ему дорогу черных кошках и говорить нечего.

После появления на свет четвертой великой княжны даже королева Виктория не захотела скрыть своего разочарования и написала об этом внучке. Российская империя стояла на пороге династического кризиса, с легитимным преемником Николая II возникли непреодолимые проблемы. Они не исчезли и после рождения долгожданного наследника Алексея Николаевича: цесаревич унаследовал-таки гемофилию. Малейшее кровотечение могло оказаться для него смертельным.

Что это, если не Рок, висевший над Домом Романовых...

Николай и Александра прекрасно осознавали не только драматизм сложившейся патовой ситуации, но и свою личную ответственность перед страной и династией. Смятение из-за долгого отсутствия наследника, тревога за здоровье долгожданного сына (супруги называли его своим маленьким «сокровищем») — все это переплеталось в их сознании с беспокойством за возможность возникновения в Доме Романовых династического кризиса, а значит, и питательной среды для новой Смуты...

Они самозабвенно любили друг друга, всецело отдаваясь чувству и без остатка растворяясь в нем. Они смотрели на мир — столь несовершенный и грешный — сквозь призму своей неземной любви ... и подобная оптика

Они смотрели на мир — столь несовершенный и грешный — сквозь призму своей неземной любви ... и подобная оптика сильно искажала реальность, мешая ориентироваться во времени и пространстве.

• Типичная карикатура тех дней: император пляшет под дудку Распутина.

сильно искажала реальность, мешая ориентироваться во времени и пространстве. Именно потеря ориентировки стала для этой любящей пары самым настоящим Роком: он увлек за собой не только царственную пару, но и их империю.

На фоне жесточайшего внутреннего раздора монаршей четы и появился на исторической сцене Григорий Распутин.

РАСПУТИН

Болезнь наследника была важнейшей государственной тайной. Традиционная медицина оказалась бессильна. И тогда родители стали хвататься буквально за все: любой, кто мог, как им казалось, помочь маленькому «сокровищу», оказывался желанным гостем в интимных покоях, куда годами не было доступа главным сановникам империи. Надо ли объяснять, как воспринималось это ревнивыми царедворцами...

Из зубодробительных отзывов современников о «старце» Григории Ефимовиче Распутине можно составить обширную антологию. Николай и Александра сделали все, чтобы и светское общество, и высшая столичная бюрократия дружно возненавидели этого, как его называл царь, «человека Божия». Внимательно читаем только одну дневниковую запись Николая II:

«29-ГО МАРТА 1909 ГОДА. Светлое Христово Воскресенье. Обедня окончилась без 5 мин. два; простояли её легко. Разговливались с нашими дамами. Легли в 3 1/2. Проснулись в 9 3/4. Отвечал на телеграммы. В 11 1/2 началось христосование со всеми людьми — 770 чел. ... После чая наверху в детской посидели с Григорием, который неожиданно приехал».

Итак, ни один из 770 сановников, пришедших поздравить царя, не удостоился чести быть приглашенным в интимные покои Николая и Александры, а вот неожиданно появившийся «старец» провел в этих покоях весь вечер.

Какой повод для злословия и мотив для ненависти!

Перелистаем страницы дневника за 1909 год:

«5-ГО АВГУСТА. Среда. Видели Григория».

«8-ГО АВГУСТА. Суббота. После обеда долго посидели с Григорием».

«13-ГО АВГУСТА. Четверг. Вечером имели удовольствие видеть Григория».

«15-ГО АВГУСТА. Суббота. Вечером долго беседовали с Григорием».

«17-ГО АВГУСТА. Понедельник. Вечером снова имел утешение видеть Григория».

Все эти дни царь принимал доклады министров, никого не пригласив к обеду или ужину, никого не одарив теплым словом в дневнике. Даже самым благонамеренным сановникам такое поведение казалось вызывающим. Знали ли Николай и Александра об этих настроениях? Да, знали. Митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский Антоний, испросив высочайшей аудиенции, попытался поговорить с царем о Распутине. Митрополит был первенствующим членом Святейшего Синода и членом Государственного совета. От слов особы такого ранга нельзя было просто отмахнуться. Но Николай всего лишь сухо заметил владыке, что его, императора, взаимоотношения с Распутиным есть дело семейное, которое никоим образом не касается митрополита. Тем не менее Антоний имел мужество возразить, что «старец» много времени проводит

с наследником — будущим повелителем Российской империи. А когда Николай вновь попытался одернуть владыку, тот, волнуясь, ответил: «Слушаю, государь, но да позволено будет мне думать, что русский царь должен жить в хрустальном дворце, доступном взорам его подданных»⁶.

О Григории Ефимовиче Распутине существует обширная литература. Я не собираюсь ни обличать «старца», ни его оправдывать. Для меня значимо иное: Николай и Александра были убеждены в своем праве на частную жизнь, их подданные думали по-другому. Близость неграмотного мужика к царской семье казалась им противоестественной. И порождала самые фантастические слухи и грязные инсинуации. Все столичные скандалы перемывались в провинциальных закоулках. Молва утверждала, что императрица находится в интимных отношениях с Распутиным. А пресса, несмотря на прямое запрещение писать о Распутине, сознательно шла на конфликт с властью: слухи о «человеке Божиим» с жадностью перепечатывались в провинциальных газетах и поднимали тиражи. Увы, Николай и Александра не понимали ни этого нового мира, ни новой информационной реальности.

Ни об одной из русских императриц не ходили такие грязные сплетни, как об Александре Федоровне, хотя именно она своей добродетельной семейной жизнью меньше всего их заслуживала.

В годы Большого террора Михаил Сергеевич Рощаковский, офицер флота и дипломат, принадлежавший к ближайшему окружению Николая II, на вопрос лагерного собеседника Льва Эммануиловича Разгона о царице возмущенно ответил: «Ну, сударь мой, — что же вы вслед за этими, за репортерщиками будете гадости про нее говорить? Что она, с Распутиным, что ли, спала? Государыня была глубоко несчастной женщиной... Понимаете, рождаются одни девочки, одни девочки... Престол русский уходит из семьи, впервые прерывается прямое престолонаследование, считает себя в этом виноватой... И истеричка при этом бегаёт по монастырям, бьет поклоны, выпрашивает у Бога наследника... А когда рождается наследник, выясняется, что он вроде и не жилец! Она не только Распутину, черту с рогами могла душу заложить, чтобы спасти сына!.. Вот так, батенька»⁷.

«МОЯ ЛЮБИМАЯ ПТИЧКА»

Конечно, Николай и Александра могли бы царствовать очень долго. Разлад с высшим обществом и падение престижа царской власти сами по себе не могли привести к гибели монархии. Но вмешалась Первая мировая война, на которой царская семья вела себя очень достойно. Николай II почти не бывал в столице: либо ездил по фронтам, либо руководил войсками из Ставки; его императорский поезд исколесил примерно 100 тысяч верст. На личные средства Николая и Александры был организован великолепно оборудованный санитарный эшелон, доставлявший раненых с фронта для лечения в тыловых госпиталях и лазаретах. Уже 6 ноября 1914 года Александра Федоровна и две ее старшие дочери Ольга и Татьяна успешно выдержали экзамен, получили свидетельства на звание сестры милосердия и в этом качестве стали работать в Дворцовом лазарете на Госпитальной улице Царского Села. Сестрами милосердия стали и обе сестры императора — Ксения и Ольга, на собственные средства устроившие фронтовой лазарет...

Именно из-за постоянного отсутствия императора в Петербурге Александра Федоровна, которую нежный супруг

Все дети царской четы

Ольга

Татьяна

в письмах называл «моей любимой Птичкой», и стала восприниматься как олицетворение верховной власти: к ней в спорных ситуациях начали адресоваться руководители гражданских министерств и ведомств. Влияние императрицы на ход государственных дел заметно возросло. И это тоже рождало активное осуждение — в том числе и со стороны членов Дома Романовых. Ведь со времен императора Павла I вторжение супруги царствующего императора в сферу государственного управления было скорее редчайшим исключением, чем правилом: державные прерогативы императрицы ограничивались сферой женских воспитательных учреждений и благотворительности.

Однако даже такого опыта у Александры Федоровны не было.

Женщина, долгие годы ведущая исключительно семейный, уединенный образ жизни, не имевшая никакого кругозора, выходящего за пределы семьи, была поставлена перед необходимостью принятия решений, от которых зависели судьбы империи.

Сама того не понимая, императрица оказалась игрушкой в руках придворных группировок, о существовании которых даже не подозревала. Решения императрицы были продиктованы эмоциями и иными быть не могли. В пресловутой «министерской чехарде» последних лет царствования Николая молва не без

● Николай II в форме капитана I ранга и императрица Александра Федоровна на борту придворной яхты «Штандарт».

основания винила императрицу, зачастую действовавшую под воздействием «старца» Распутина. А Николай II, привыкший всегда и во всем доверять жене, не имел достаточной силы воли, чтобы вмешаться. Лишь 9 сентября 1916 года царь в исключительно деликатной форме попытался указать Александре Федоровне на неуместность ее обращений: «Идеи нашего Друга о людях иногда бывают сомнительными, как ты знаешь, — так что мы должны быть осторожны особенно при назначении на высокие должности. ...Это все должно быть тщательно обдуманно! Все эти перемены очень мучительны для головы. Я считаю, что они происходят слишком часто. Это, несомненно, нехорошо для внутреннего положения страны, потому что каждый новый человек вносит изменения в управление».

Но было уже слишком поздно. 1 ноября 1916 года великий князь Николай Михайлович, сознательно взявший на себя роль глашатая великокняжеской оппозиции, направил царю исключительно резкое письмо: «Неоднократно ты мне говорил, что тебе некому верить, что тебя обманывают. Если это так, то же явление должно повторяться и с твоей супругой, горячо тебя любящей, но заблуждающейся, благодаря злостному, сплошному обману окружающей ее среды. Ты веришь Александре Федоровне... Но что исходит из ее уст — есть результат ловкой подтасовки, а не действительной правды. Если ты не властен отстранить от неё это влияние, то, по крайней мере, огради себя от постоянных систематических вмешательств этих нашептываний через любимую свою супругу...»⁸. (Замечу в скобках, что убийство Распутина великий князь назвал «полумерой», полагая, что «надо обязательно покончить и с Александрой Фёдоровной». После изобличения убийц Распутина великий князь в последний день уходящего 1916 года еще более резко отозвался о государыне: «Александра Фёдоровна торжествует, но надолго ли, стерва, удержит власть?!»⁹)

Царь показал это письмо императрице. Александра Федоровна была в бешенстве и потребовала от мужа наказать

Мария

Анастасия

Алексей

• Александра Федоровна с детьми на борту яхты «Штандарт».

фрондэра. Великий князь Николай Михайлович, имевший косвенное отношение к убийству Распутина, попался ссылкой в свое имение, из которой вернулся накануне Февральской революции.

РОКОВОЕ НАЗНАЧЕНИЕ

Вмешательство императрицы в государственные дела — «женщина на корабле» — имело катастрофические последствия. Уже к концу 1916 года ни для кого не было секретом, что в стране назревает кризис власти. 8 февраля 1917 года по личному распоряжению Николая II Петроградский военный округ был выделен из Северного фронта, а недавно назначенный командующий округом генерал-лейтенант Сергей Семенович Хабалов получил широкие полномочия.

В экстремальной ситуации было трудно придумать более нелепое назначение.

Столичный гарнизон состоял из почти двухсот тысяч недавно призванных и необученных солдат, ожидавших отправления на фронт. С этой плохо управляемой массой надо было уметь совладать. Но генерал фактически не имел опыта строевой службы, кроме цензового годичного командования ротой после окончания Николаевской академии Генерального штаба и четырехмесячного командования батальоном. Генерал-лейтенант Хабалов имел репутацию опытного администратора, но солдат не знал, реального боевого опыта не имел и занимаемой должности не соответствовал.

Первоначально на ключевой пост командующего столичным военным округом предполагалось назначить генерал-майора Константина Николаевича Хагондокова (Хагундокова), активного участника Русско-японской и Первой мировой войн, Георгиевского кавалера, имевшего опыт подавления восстания в Маньчжурии. Однако именно Александра Федоровна, прослышав, что генерал нелюбезно отозвался о Распутине, заявила, что «лицо у него очень хитрое». Назначение, которое могло спасти империю, так и не состоялось. Когда в Петрограде начались волнения, переросшие в Февральскую революцию, генерал Хабалов проявил бездействие власти и не смог справиться с ситуацией.

КРОВЬ НА СТУПЕНЯХ ТРОНА

В феврале 1917 года в Петрограде внезапно распространились слухи о грядущем ограничении суточного отпуска хлеба: взрослым — по одному фунту, малолетним — по полфунта. В столице началась ажиотажная скупка, части населения хлеба не хватило. Слухи были абсолютно беспочвенными. Никто не собирался вводить никаких ограничений: городские склады были с избытком снабжены продуктами. Но 23 февраля на почве спровоцированных слухов в столице вспыхнула забастовка, сопровождавшаяся уличными беспорядками.

В первый день бастовали около 90 тысяч рабочих, во второй их число возросло до 160 тысяч, а 25-го бастовали почти 200 тысяч. Толпа начала избивать полицейских. Войска отказались применять оружие и начали переходить на сторону восставших. При этом часть офицеров была перебита. Уже 27 февраля военный министр стал опасаться «движения революционной толпы из Петрограда на Царское Село». Императрица приняла решение покинуть Царское Село и вместе с детьми поехать навстречу государю, который находился в Ставке в Могилеве. Этот поспешный отъезд из резиденции мог бы спасти монархию.

Но снова вмешался Рок.

В это время четверо детей Александры Федоровны болели корью: высокая температура и сильный кашель. Когда об этом доложили царю, Николай сказал: «Ни в коем случае... Больных детей возить поездом... ни за что...» Николай II принял решение покинуть Ставку и как можно скорее ехать в Царское Село.

Дальнейшее хорошо известно. Поезд оказался заблокирован: Николай II не мог ни вернуться в Ставку к верным войскам, ни проехать в столицу и попытаться водворить там порядок. Оставалось одно — отречение. И Николай II, помазанник Божий и «Хозяин Земли Русской», не сделав ни малейшей попытки удержать престол действием личного мужества, с необыкновенной легкостью подписал отречение от престола.

Так в судьбоносный для России час беспокойство Николая Александровича Романова за свою семью снова пересилило чувство ответственности государя за свою империю.

Николай I, венценосный тезка царя и его прадед, в сходной ситуации рассуждал и действовал иначе. В роковой для России день 14 декабря 1825 года Николай Павлович сумел найти единственно верное решение, переломившее ситуацию и позво-

- Простые солдаты любили своего императора.

Я хотел бы иметь гарантию, что вследствие моего ухода и по поводу его не было бы пролито ещё лишней крови

- Николай II и цесаревич Алексей в окрестностях Могилева. 1916 год.

лившее избежать Смуты. «...Я видел, что или должно мне взять на себя пролить кровь некоторых и спасти почти наверно все; или, пощадив себя, жертвовать решительно государством»¹⁰.

Николай II не боялся пасть на ступенях трона, но больше всего на свете страшился пролития крови соотечественников: «Я хотел бы иметь гарантию, что вследствие моего ухода и по поводу его не было бы пролито ещё лишней крови».

Снять войска с фронта и бросить их против восставших означало, по мнению и Николая, и командующих фронтами, развалить фронт, с позором закончить войну и в конечном счете превратить страну в развалины. В день своего отречения, 2 марта 1917 года, Николай II приказал вернуть войска, направленные к Петрограду с Западного фронта, и отменить посылку войск с Юго-Западного фронта.

Николай Александрович Романов отказался от насильственного усмирения начавшейся революции и отрёкся от престола, желая уклониться от пролития крови. Но, осознанно приняв это решение, он так и не сумел избежать ни пролития крови, ни Смуты и развала армии и страны, ни собственной гибели и трагической смерти всей своей семьи. Страстная любовь, соединившая Николая и Александру, любовь, которую они пронесли до своего смертного часа, из величайшего жизненного блага для монаршей четы по воле жестокосердного Рока превратилась в величайшее зло для России.

Царский поезд был остановлен на станции с почти мистическим названием «Дно».

● Первая фотография с великой княжной Ольгой. Император Николай II, великая княжна Ольга, императрица Александра Федоровна. Май 1896 года.

¹ Дневники императора Николая II. 1894–1918. Т.1. 1894–1904 / Отв. ред. С.В. Мироненко. М. 2011.; Дневники императора Николая II. 1894–1918. Т.2. Ч. 1. 1905–1913 / Отв. ред. С.В. Мироненко. М. 2013.; Дневники императора Николая II. 1894–1918. Т. 2. Ч. 2. 1914–1918 / Отв. ред. С.В. Мироненко. М.

² Игнатъев А.А. Пятьдесят лет в строю. Т. 1. М. 1959. С. 71.

³ Там же. С. 71–72.

⁴ Половцов А.А. Дневник. 1893–1909. СПб. 2014. С. 99.

⁵ Александр Михайлович, великий князь. Воспоминания. М. 1993. С. 184.

⁶ Родзянко М.В. Крушение империи // Гибель монархии. М. 2000. С. 102.

⁷ Цит. по: Разгон Л.Э. Рошаковский // <http://readr.su/lev-razgon-roschakovskiy.html?page=4#ixzz3NHvxhe00>

⁸ Гибель монархии. С. 466.

⁹ Николай Михайлович, великий князь. Записки // Гибель монархии. С. 71.

¹⁰ Записки Николая I // Николай I. Муж. Отец. Император. М. 2000. С. 62.

ДОКТОР ПАР

КУКЛОВОД РЕВОЛЮЦИИ?

*Большевики
охотно пользовались
его деньгами
и талантом
организатора,
но и на пушечный
выстрел
не подпустили
к власти*

ТЕКСТ **Вадим ЭРЛИХМАН**,
кандидат исторических наук

В советскую эпоху историки тщательно вымарывали имя Александра Гельфанда-Парвуса из своих трудов. Но его слоноподобная фигура выпирала отовсюду. И сегодня она вызывает не меньший интерес, чем сто лет назад, в марте 1915 года, когда был написан знаменитый «Меморандум Парвуса».

ДЕТСТВО С ЩЕДРИНЫМ, ЮНОСТЬ С МАРКСОМ

Загадка личности Парвуса во многом вызвана нехваткой источников — незадолго до смерти он сжег большую часть своего архива, а оставшиеся документы разбросаны по разным странам и малодоступны. Те, кто писал о нем, пользовались прежде всего книгой чешского эмигранта Збынека Земана и немца Винфрида Шарлау «Парвус — купец революции», изданной

ВУСУ

в 1964 году: пафос ее был направлен на обличение большевиков, будто бы совершивших переворот на деньги Германии при непосредственном участии Парвуса. Эти обвинения были подхвачены множеством авторов, от Солженицына до Александра Яковлева, которые сообща сделали из Парвуса зловещего кукловода русской революции...

А ведь многие выводы чешско-немецкого тандема весьма спорны. Воспоминания самого Парвуса, включенные в его книги, тоже полны противоречий и умолчаний. Правда, они как минимум проясняют особенности его яркого авантюрного характера. Вот как поэтично он описывает пожар, уничтоживший его родное местечко Березино близ Минска: «Я, маленький мальчик, ни о чем не подозревая, играл в углу своей комнаты. Вдруг я заметил, что оконные стекла окрасились в изумительный багровый цвет — мне это очень понравилось... Моя мать бежит по улице, я спешу за ней, крепко уцепившись за ее руку, спотыкаясь, ничего не понимая, в недоумении глядя на мечущихся вокруг людей»¹.

Потеряв в огне все имущество, семья уехала в Одессу, откуда был родом отец будущего революционера, слесарь-надомник Лейзер Гельфанд. Мальчика, родившегося 27 августа 1867 года, записали в метрику как Израила Лазаревича, но позже он переименовал себя в Александра. В многоязычной и многокультурной Одессе начался его путь космополита, свободно говорящего на пяти языках и равнодушного к национальным и религиозным «предрассудкам». Позже, скитаясь по Европе, он спрашивал знакомых, где можно «приобрести Родину задешево», и в итоге выбрал Германию.

Но сформировала его русско-украинская культура, о чем Парвус вспоминал в изданной в 1918 году по-немецки книге «Борьба за правду»: «В моей памяти неразрывно сплелись в единое целое украинские песни и сказки и те небывлицы, что я слышал от друзей отца из среднерусских губерний... Михайловский, Щедрин и Успенский сыграли важную роль в моем духовном развитии»². Парвус прошел типичный путь русского гимназиста своего времени. Запрещенные книжки под партой, споры с учителями и даже «хождение в народ»: в 17 лет вместе с другом Шаргородским он устроился в слесарную мастерскую, пытаясь проповедовать рабочим революционные идеи. Видимо, опыт разочаровал его, поскольку в 19 лет он уехал в Швейцарию.

КАРЛ, КЛАРА И ЗАСАЛЕННЫЙ «СЛОН»

Поступив (непонятно, на какие деньги) в Базельский университет, Парвус защитил у известного политэконома Бюхера докторскую диссертацию о работах Маркса. И с этим «пропуском» 24-летний борец за светлое будущее (как позже выяснится, в том числе и свое) пожаловал в штаб-квартиру Социал-демократической партии Германии в Берлине, где был принят весьма благосклонно. Ему симпатизировали и признанный теоретик партии Карл Каутский, и стойкая защитница женских прав Клара Цеткин, и ее молодая соратница Роза Люксембург. И не мудрено: «партайгеноссе» Парвус оказался душой компании; остролов и весельчак развлекал непрерывными шутками скучные партийные мероприятия. Рано растолстев и облысев, он получил кличку Доктор Слон (кстати, именно от этого слова — *Elefant* — произошла его фамилия Гельфанд). Слоновий статус комично контрастировал с его партийным псевдонимом Парвус, что означает на латыни не только «маленький», но и «выскачка», «парвеню», коим и был всю свою жизнь Александр.

А еще он привлекал внимание ветхой, засаленной одеждой: эмигрант отчаянно нуждался, имея на попечении жену Татьяну Берман, привезенную из России, а потом и сына Евгения. В поисках заработка он писал на любые темы, сверкая остроумием и не стеснясь в выражениях. Нападки на прусских парламентариев привели к высылке пламенного публициста из Берлина в Дрезден, где он занялся обличением уже своих партийных товарищей — они плохо, на его взгляд, защищали интересы рабочих...

Август Бебель возмущался: «Он выставил ведущих деятелей партии на всеобщее обозрение почти что нагишом!» Надо ли говорить, что этим Парвус сильно подпортил свою партийную карьеру, и вскоре ему пришлось покинуть Дрезден.

Но главные его приключения были впереди.

ВПЕРЕДИ ЛЕНИНА И ТРОЦКОГО

Рассорившись с немецкими социалистами, Парвус обратился к русским. Вожди их радикального крыла Ленин, Мартов и Потресов как раз задумали в 1900 году выпускать за границей газету «Искра» и тайно переправлять ее в Россию. Парвус гостеприимно предложил им для этого свою мюнхенскую квартиру, получив взамен членство в редакции и право публикации собственных статей на первой полосе. В это же время с ним познакомился бежавший из ссылки Лев Троцкий, назвавший Парвуса «несомненно выдающейся марксистской фигурой» и в то же время отметивший: «В нем всегда было что-то сумасбродное и ненадежное».

А еще Троцкий (и не только он) заметил в новом знакомом неожиданную для революционера тягу к роскоши. Толстяк-жизнелюб ничтоже сумняшеся пускал деньги «Искры» на модные костюмы, дорогие рестораны и любовниц. Одна из них родила ему сына Леона (Льва), что стало причиной расставания Парвуса с женой. Но товарищи, стиснув зубы, терпели «аморалку» соратника, Доктор Слон был им необходим: обстановка в России быстро накалялась.

Справедливости ради надо заметить: гуляка Парвус успевал и теорию марксизма развивать. Когда царский режим начал «маленькую победоносную войну» с Японией, он опубликовал в «Искре» серию статей, утверждавших: война станет прологом революции. Именно в его сочинениях впервые были высказаны теория «перманентной революции», приписанная Троцкому, и идея о России как «слабом звене» капиталистического мира, откуда должна начаться мировая революция (позже эта мысль была отдана Ленину).

ПОБЕГ ИЗ ССЫЛКИ

События 1905 года так обрадовали Парвуса, что он решил лично поруководить революционными массами.

● 4 сентября 1906 года. Отправка заключенных из Петропавловской крепости в Сибирь. Парвус и Дейч в центре.

В октябре Доктор Слон вместе с Троцким приехал в охваченный волнениями Петербург, где энергичная парочка быстро создала Совет рабочих депутатов (во главе его для вида поставили социалиста «из народа» Хрусталева-Носаря). Попутно сподвижники арендовали заштатную «Русскую газету», быстро превратив ее в сверхпопулярное издание тиражом 500 тысяч. Парвуса в буквальном смысле носили на руках, несмотря на вес; в него влюблялись романтические дамы, а социалистка Екатерина Громан поселилась у него, оставив мужа.

В декабре активность революционеров пресек арест, но благодаря своей известности Парвус вместо «стольпинского галстука» получил всего три года ссылки в Сибирь. Его сопровождал ветеран партии Лев Дейч, большой специалист по побегам; возле Красноярска они напоили конвойных, переоделись в крестьянскую одежду и сели на поезд, идущий на запад. Парвус вспоминал, что в вагоне третьего класса ему чуть не стало дурно от вони и грязи — тут бы он себя и выдал, но все обошлось.

В Москве он добыл у товарищей подложные документы и выехал в Германию. Немецкое правительство выдавало беглых революционеров русским властям, и Парвусу пришлось укрыться под именем Петера Кляйна. В этом качестве он помог своему другу, социалисту Хенишу, избраться в рейхстаг и благодаря ему нашел работу журналиста в Дортмунде, где одновременно

ЛИЧНОЕ ДЕЛО
ИЗРАИЛЯ
(АЛЕКСАНДРА)
ЛАЗАРЕВИЧА
ГЕЛЬФАНДА
(ПАРВУСА)

27 августа 1867 года — родился в местечке Березино близ Минска.

1884 год — устроился в Одессе в слесарную мастерскую, пытаясь проповедовать рабочим революционные идеи.

1886 год — уезжает в Швейцарию, где поступает в Базельский университет и защищает докторскую диссертацию о Марксе.

1891 год — первый визит в берлинскую штаб-квартиру Социал-демократической партии Германии; знакомство с Карлом Каутским и Кларой Цеткин; получил партийный псевдоним «Парвус» (по-латыни — «маленький», но и «высочка»).

1900 год — участие в выпуске газеты «Искра» (Мюнхен); знакомство с Львом Троцким.

1904 год — первым развивает в своих статьях теорию «перманентной революции».

Октябрь 1905 года — приезд вместе с Троцким в охваченный волнениями Петербург; активное участие в создании Совета рабочих депутатов.

Декабрь 1905 года — побег из поезда на пути в сибирскую ссылку.

писал красочные мемуары о революции и серьезную монографию о колониальной политике империализма.

Одиночество ему скрашивала Роза Люксембург, нашедшая в его объятиях утешение от поражения революции.

«НА ДНЕ» И НА ГРЕБНЕ УСПЕХА

В мирных условиях товарищи стали менее терпимо относиться к таким «шалостям» Парвуса, как присвоение партийных денег. В 1908 году разразился громкий скандал: Максим Горький обвинил Доктора Слона в растрате средств от немецкой постановки пьесы «На дне» — деньги должны были пойти в кассу партии большевиков. Узнав, что Парвус потратил 130 тысяч его кровных марок на путешествие в Италию с некой блондинкой, взбешенный Горький посоветовал немецким социалистам «хорошенько надрать уши» обманщику. Суд над Парвусом возглавили Бебель и Каутский; в итоге он был исключен из обеих партий, российской и германской. Симпатизировавший ему Карл Радек подытожил: «Этот страстный тип эпохи Ренессанса не мог вписаться в рамках спокойной германской социал-демократии... Ему нужно было или крупное дело, или новые ощущения»³.

Опозоренный Парвус как в воду канул — и вынырнул только в 1910 году в Константинополе, где неожиданно стал советником недавно пришедшего к власти правительства младотурок. А вскоре — главным агентом по поставкам в страну продовольствия и оружия концерна Круппа. Есть разные версии, как пробился наверх международный авантюрист. Так или иначе, Парвус наконец разбогател, обзавелся роскошным особняком и гаремом красавиц, который возглавила приехавшая из России Екатерина Громан.

Но миллионера съедала скука — он тосковал по газетным боям и политическим интригам. Надо ли объяснять, почему начало Первой мировой войны Парвус встретил с энтузиазмом.

20 СТРАНИЦ, КОТОРЫЕ ПОТЯЖИЛИ МИР

В балканских газетах появилась статья Парвуса, как всегда эпатажная: «Торжество социализма может быть достигнуто только победой Германии над Россией, так как только Германия является носителем высокой культуры...». Это не осталось незамеченным немцами: посол в Константинополе Курт фон Вагенгейм общался в Берлин, что «известный русский социалист д-р Парвус» может быть полезен, поскольку «с начала

1908 год — обвинен Максимом Горьким в растрате 130 тысяч рублей из партийной кассы большевиков, вырученных от немецкой постановки пьесы «На дне»; исключение растратчика из партии.

1910 год — работает главным агентом по поставкам в Турцию продовольствия и оружия; разбогател, обзавелся роскошным особняком и гаремом красавиц.

9 марта 1915 года — представил в германский МИД записку на 20 страниц — план победы над Россией («Меморандум Парвуса»).

Май 1915 года — встреча в Цюрихе с Лениным.

Февраль 1917 года — организация транспортировки руководителей большевиков из Швейцарии в Петроград («пломбированный вагон»).

Три неподтвержденных факта из жизни Парвуса

1. Утверждают, что Парвус вместе с Розой Люксембург, обладавшей завидной способностью быстро и прочно увлекать мужчин, совершил романтическое путешествие по Италии. Море, цветы, солнце, Ривьера — это во все времена стоило недешево. Предприимчивый Парвус, чтобы добыть денег на путешествие с барышней, якобы запустил руку в партийную кассу. И присвоил порядка 100 тысяч немецких марок — гонорары от представления пьесы Максима Горького «На дне» на протяжении четырех лет в германских театрах. Парвус имел доверенность на сбор гонораров, большую часть которых должен был перечислять именно в парткассе.
2. Существует колоритная байка о том, как в разгар Первой русской революции 1905 года Парвус, явившись по поддельному паспорту в Петербург, издал сборник своих статей отдельной книгой. Она стала бестселлером и принесла баснословный доход. На полученный гонорар Парвус вместе с Троцким якобы кутили так, что перещеголяли самого Григория Распутина. «Божий человек» был уязвлен и осведомился у своих прихлебателей: «Кто такие? Пусть подойдут». Расторопный официант принес ответ «пламенных революционеров»: «Просили передать, что ежели вы не желаете сидеть голым задом на самоваре, подойдите сами, обещаю пятак выдать».
3. В те же поры, утверждала молва, без Троцкого и Парвуса не открывались самые популярные политические салоны, где Александр Львович дважды в сутки менял поклонниц. Наутро после очередного кутежа Троцкий и Парвус вместо своих кратковременных подруг нашли записку, в которой некий господин весьма мирно просил оставить в покое его супругу. К записке прилагалась коробка прекрасных сигар и адрес винной лавки, с возможностью отовариваться даром.

P.S. Историки скептически относятся к подобным байкам. Однако применив к слухам и сплетням из жизни Александра Львовича Парвуса «коэффициент искажения», мы получим неожиданный позитивный результат: ощутим биение пульса времени, увидим осязательный тип прошлой эпохи. А в «сухом остатке» перед нами предстанет исключительно колоритный образ кукловода революции.

Ноябрь 1917 года — Ленин запрещает Парвусу приезд в Россию: «Революцию нельзя делать грязными руками».

1918 год — купил виллу в Швейцарии, откуда выдворен как «агент большевиков»; переезд на озеро Ванзее близ Берлина.

12 декабря 1924 года — скончался от сердечного приступа.

войны занимает явно прогерманскую позицию⁴». Что касается бывших товарищей доктора, они, разумеется, отозвались гневными отповедями. Троцкий в газете «Наше слово» написал «Некролог живому другу», завершив его словами: «Парвуса не существует. По Балканам шатается политический Фальстаф, который клеветает на своего двойника»⁵.

В январе 1915 года Парвус напросился к немецкому послу на прием и заявил: победить Россию можно, только устроив в ней революцию и расколов на несколько государств. Фон Вагенгейм сообщил об этой встрече в Берлин, где инициатива «известного социалиста» вызвала большой интерес. И вскоре Парвус через Вену выехал в Берлин, где в марте представил в германский МИД записку на 20 страницах. С легкой руки ее первых публикаторов Земана и Шарлау она вошла в историю как «Меморандум Парвуса» (**избранные места из него — на соседней странице**).

Парвус отмечал, что помощь должна достаться прежде всего большевикам: только они способны поднять массы на революцию. Такая оценка немногочисленной, загнанной в подполье партии, лидеры которой прозябали в эмиграции, — еще одно доказательство прозорливости Доктора Слона.

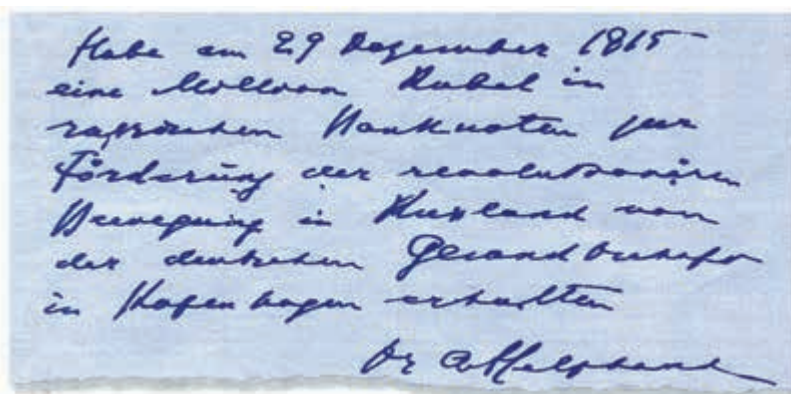
Парвус назвал и цену своего плана: пять миллионов марок. Немцы согласились только на миллион. Опытных дипломатов не впечатлили нарисованные Парвусом радужные картины; они подозревали, что он преследует свои интересы. И были правы: их целью было военное поражение России, его — всероссийская, а в конечном итоге мировая революция. Своему другу Хенишу он излагал мечту о «союзе прусских штыков и кулаков российских пролетариев». Завладев громадными ресурсами России, немцы должны были, по его плану, свергнуть кайзеровский режим и повести все человечество к бесклассовому счастью.

Возможно, Парвус обманывал и Хениша — да и был ли он искренен хоть с кем-нибудь?

РЕЙС ПЛОМБИРОВАННОГО ВАГОНА

Сначала он начал издавать в Мюнхене журнал с герценовским названием «Колокол» (Die Glocke). Потом отправился в нейтральный Копенгаген, где основал «Институт по изучению мировой войны». Верный своим привычкам, поселился в лучшем отеле и завел любовницу — некую Марию Шиллингер, которая позже родила ему сына Александра. Прежняя возлюбленная, Роза Люксембург, с негодованием отвергла его предложение сотрудничать, как и другие видные социалисты.

Конечно, главной целью Парвуса был Ленин, которого он соблазнял крупными суммами на революцию и даже ездил к нему в мае 1915 года в Цюрих — эта встреча живописно, но не слишком достоверно описана Солженицыным в «Красном колесе». На самом деле Ленин, по свидетельству Радека, без долгих объяснений указал гостю на дверь и заявил, что никаких общих дел у них быть не может. В статье «У последней черты» он писал о Парвусе: «В шести номерах его

● Расписка Парвуса в получении 1 млн рублей на организацию революции. «Получил 29 декабря 1915 один миллион в банкнотах на потребности революционного движения в России от посланника Германии в Копенгагене. Др. А. Гельфанд»

журнальчика нет ни единой честной мысли, ни одного серьезного довода, ни одной искренней статьи. Сплошная клоака немецкого шовинизма, прикрытая разухабисто намалеванной вывеской: во имя будто бы интересов русской революции!»⁶

И все-таки Александр Лазаревич дождался своего часа: в феврале 1917-го стихийные волнения в столице привели к падению царского режима. В образовавшийся политический вакуум устремились эмигранты со всех концов света. Но те, кто больше всего рвался в Россию — большевики, — оказались заперты в Швейцарии, посреди воюющей Европы. Ленин выходил из себя и говорил, что готов заключить сделку с самим дьяволом, чтобы оказаться в Петрограде.

Дьявол явился в лице Александра Парвуса. Он снова понадобился большевикам.

Парвус сумел убедить германского министра иностранных дел Брокдорфа: нужно ускорить и спонсировать приход большевиков к власти; марксисты уступят Германии все, что только можно. Граф в свою очередь вложил эту идею в голову начальника генштаба Эриха фон Людендорфа. Троцкий позже писал: «Со стороны Людендорфа это была авантюра, вытекавшая из тяжелого военного положения Германии. Людендорф говорил себе: Ленин опрокинет патриотов, а потом я задушу Ленина и его друзей...»⁷

Парвусу выделили еще пять миллионов марок, и он тут же начал через ленинского посредника Ганецкого переговоры с лидерами большевиков. Будущими пассажирами знаменитого «пломбированного вагона»...

Все они — 30 человек — подписали обещание не выходить из вагона и не общаться с немцами, но на всякий случай три из четырех дверей были опломбированы. 9 апреля вагон отправился в путь из Цюриха и почти без остановок добрался до станции Засниц, где пассажиры пересели на пароход и 13 апреля высадились в Швеции.

На пристани их встретил большевик Ганецкий, передавший просьбу Парвуса о встрече. Но Ленин отказался, отправив вместо себя Радека...

Считая Ленина недалеким догматиком и надеясь использовать его в своих целях, Парвус начисто проиграл ему борьбу за власть. Ильич использовал его

Меморандум Парвуса*

избранные места

• **К весне надо подготовить в России массовую политическую забастовку под лозунгом: свобода и мир.** Центром движения будет Петербург, а в нем — Обуховский, Путиловский и Балтийский заводы. Забастовка должна охватить железнодорожные коммуникации Петербург—Варшава, Москва—Варшава и Юго-Западную железную дорогу...

• **Это дело может быть осуществлено только под руководством российской социал-демократии.** Ее радикальное крыло уже приступило к действиям. Но надо, чтобы к ним присоединилась и фракция умеренного меньшинства. До сих пор такому объединению более всего препятствовали радикалы. Однако две недели назад их лидер Ленин сам открыто поднял вопрос об объединении с меньшинством...

• **Следует уже сейчас приступить к непосредственной агитации.** Через Болгарию и Румынию можно установить связи с Одессой, Николаевым, Севастополем, Ростовом-на-Дону, Батумом и Баку.

• **Перспективы восстания черноморского флота можно оценить лишь после установления тесного контакта с Севастополем.**

• **В Баку и в районе нефтяных приисков забастовку можно организовать относительно легко.** Если дойдет до забастовки, то надо попытаться, как в 1905 г., поджечь нефтяные скважины и хранилища. Также возможны забастовки в угледобывающей области на Донце. Особенно благоприятны условия на Урале. Там социалистическая партия большевиков имеет много сторонников. Политические забастовки горняков можно легко организовать, располагая некоторой суммой денег, так как население там очень бедное.

• **Особое внимание надо уделить Сибири.** В Европе она известна лишь как место ссылки. Но вдоль великих сибирских трактов, вдоль железных дорог и рек живет крепкое крестьянство, гордое и независимое, которое больше всего хотело бы, чтобы его не беспокоило центральное правительство.

• **Одновременно общая линия этого дела должна быть усилена внутри российских социалистических партий посредством дискуссий в печати, в брошюрах и т. д.**

Брошюры на русском языке можно печатать в Швейцарии...

• **Если... русская армия потерпит какое-нибудь серьезное поражение, то движение против режима может быстро приобрести невиданный размах.** Во всяком случае, если будут приведены в действие все силы согласно начертанному выше плану, можно рассчитывать на то, что весной дело дойдет до массовой политической забастовки.

• **Важным сопутствующим феноменом этих процессов, как и в 1905 г., может стать крестьянское движение.** Условия жизни крестьян в России с тех пор не улучшились, а наоборот — ухудшились. В глазах русского крестья-

нина весь вопрос — в земле. Поэтому он вновь начнет захватывать помещичьи земли и угрожать помещикам.

• **Образование независимой Украины будет одновременно выглядеть как освобождение от царского режима и как спасение от хаоса крестьянской смуты.**

• **Финны ... прежде всего могут обеспечить сообщение русских революционеров с Петербургом.**

• Если революционное движение достигнет большого размаха, то даже если царское правительство удержит власть в Петербурге — **будет создано временное правительство**, которое поставит на повестку дня вопрос о прекращении военных действий и о заключении мира.

Позже Парвус отпечатал на другой машинке вторую часть меморандума, содержащую поправки и добавления.

• **Предпринятые нами меры скоро дадут еще лучшие результаты.** Теперь важно начать следующую работу:

• **Финансовая поддержка большевизмской фракции российских социал-демократов**, которая всеми средствами ведет борьбу с царским правительством. Ее лидеров можно найти в Швейцарии.

• **Поддержка тех российских литераторов-революционеров**, кто выступает за продолжение борьбы против царизма также и во время войны.

• **Снаряжение экспедиции в Сибирь** со специальным заданием взорвать важнейшие железнодорожные мосты, чтобы помешать поставкам оружия из Америки в Россию. Эту экспедицию надо также снабдить достаточными денежными средствами, чтобы дать возможность множеству политических ссыльных совершить побеги в центр страны.

ТЕХНИЧЕСКИЕ ПРИГОТОВЛЕНИЯ К ВОССТАНИЮ В РОССИИ:

• **Подготовка точных карт российских железных дорог** с обозначением наиболее важных мостов, которые надо разрушить в целях парализации транспорта.

• **Точные указания количества взрывчатки**, необходимой для достижения цели в каждом случае.

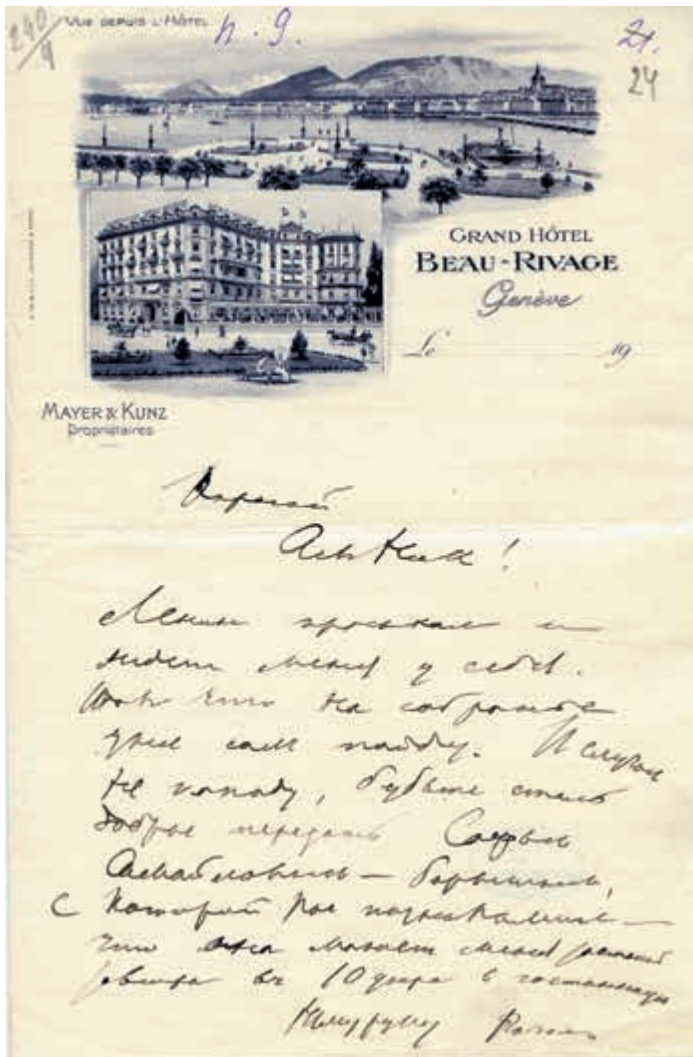
• **Ясные инструкции по обращению со взрывчаткой** при подрыве мостов, больших зданий и т. д.

• **Простые рецепты изготовления взрывчатых веществ.**

• **Разработка плана сопротивления восставшего населения Петербурга** вооруженным силам с особым учетом рабочих кварталов, обороны домов и улиц, сооружения баррикад, защиты от кавалерии и от проникновения пехоты.

* Этот документ хранится в архиве германского министерства иностранных дел: Auswärtiges Amt, Weltkrieg, 11 с. secr. Band 5, A 8629. Меморандум не датирован, но зарегистрирован в журнале министерства с датой 9 марта 1915 г. Текст печатается в переводе З.Г. Антипенко и М.В. Назарова с немецкого оригинала по его первому изданию в книге: Scharlau W.B., Zeman Z.A. Freibeuter der Revolution. Parvus-Helfand. Eine politische Biographie. Köln. 1964. S. 361-374.

● «Дорогой Ал.Ник! Ленин приехал и ждет меня у себя...» — письмо доктора Парвуса на бланке шикарного женеvского отеля. А в других он и не останавливался.

идеи, его организационные способности, его деньги — и закрыл перед ним дверь российской политики. После Октябрьского переворота Парвус приехал в Стокгольм и попросил у большевистских эмиссаров разрешения приехать в Россию. Ленин не без удовольствия отказал, передав Парвусу, что запрещает ему появляться в России и что «революцию нельзя делать грязными руками».

На этом роль Доктора Слона в русской истории закончилась — тот, кто казался многим всемогущим кукловодом, сам оказался куклой.

«МИДАС НАОБОРОТ»

Революция в Германии все-таки случилась, и отданные в Бресте земли вернулись в Россию. Это пресекло на корню новый проект Парвуса: выпуск и распространение на оккупированной территории журналов и газет, разъясняющих политику немецкого правительства. Впрочем, выделенные на это 20 миллионов марок вкупе с доходами от прошлых предприятий позволили ему безбедно провести остаток жизни.

В 1918 году Александр Лазаревич купил виллу на берегу Цюрихского озера, но скоро швейцарские власти выдворили его как «агента большевиков». В итоге он поселился в Шваненвердере на озере Ванзее близ Берлина — по иронии судьбы там, где 22 года спустя нацисты приняли решение о поголовном уничтожении евреев...

Жизнь, проведенная так бурно, подходила к концу — он страдал от целого букета заболеваний, которые усугубил душевный кризис. В тоске он писал одному из друзей: «Окружающий мир полон ненависти... Вся эта мерзость угнетает меня прежде всего потому, что я оказался за бортом интеллектуальной жизни. Мне необходимы перемены, мне нужна жизнь, но вокруг я вижу лишь упадок и разложение»⁸. В другой раз он самокритично назвал себя «Мидасом наоборот: все, к чему я прикасаюсь, превращается в дерьмо». Разочарование в жизни, впрочем, не помешало ему по своей привычке обзавестись на новом месте новой любовницей. Это была молодая баварка, нанявшаяся к нему в секретарши; она родила Парвусу дочь Эльзу, а незадолго до смерти он женился на ней и завещал все свое имущество.

12 декабря 1924 года Александр Гельфанд-Парвус скончался от сердечного приступа. На прощании с ним в Вильмерсдорфском крематории собралось не больше 50 человек.

Старший сын Евгений, взявший псевдоним Гнедин, работал в то время в Наркомате иностранных дел СССР. Там же он был арестован в годы Большого террора, дожил до реабилитации и умер в 1983 году. Другие родственники Парвуса бесследно сгинули в бурях XX века.

≡

¹ Земан З., Шарлау В. Парвус — купец революции. Нью-Йорк, 1991. С. 13–14.

² Там же. С. 16.

³ Радек К. Силуэты: политические портреты. М., 1991. С. 251.

⁴ Николаевский Б.И. Тайные страницы истории. М., 1995. С. 238.

⁵ Яковлев А.Н. Сумерки. М. 2003. С. 114.

⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 83.

⁷ Троцкий Л.Д. Моя жизнь. М., 2001. С. 187.

⁸ Земан З., Шарлау В. Указ. соч. С. 313.

Многие до сих пор считают Доктора Слона одной из самых загадочных и могущественных личностей минувшего века. И едва ли не главным виновником разрушения Российской империи и прихода большевиков. Но глупо думать, что такие дела по плечу одному человеку, будь он даже гением зла.

А Парвус был всего лишь одним из многих лилипутов, которые подталкивали падающего гиганта и радовались его падению, не задумываясь о том, сколько бед оно принесет их современникам и близким.

Отечественные оружейных дел мастера навечно вписали свои имена в историю великих побед русских воинов. Василий Дегтярев, Георгий Шпагин, Игорь Стечкин, Николай Макаров, Михаил Калашников...

Но нашу новую рубрику, в которой мы расскажем о выдающихся конструкторах и их любимых детищах, по праву открывает легендарная винтовка-трехлинейка Сергея Мосина.

«ТРЕХЛИНЕЕЧКА РОДНАЯ, ДО ЧЕГО Ж ТЫ ХОРОША!»

ХРОНИКА СОЗДАНИЯ

1882 ГОД

Главное Артиллерийское управление ставит задачу разработать многозарядную винтовку. Образована «Комиссия по испытанию магазинных ружей».

1889 ГОД

Сергей Иванович Мосин предлагает на конкурс трехлинейную (7,62 мм) винтовку, выработанную на основе его же однозарядной. В конкурсе также участвует бельгиец Леон Наган.

1891 ГОД

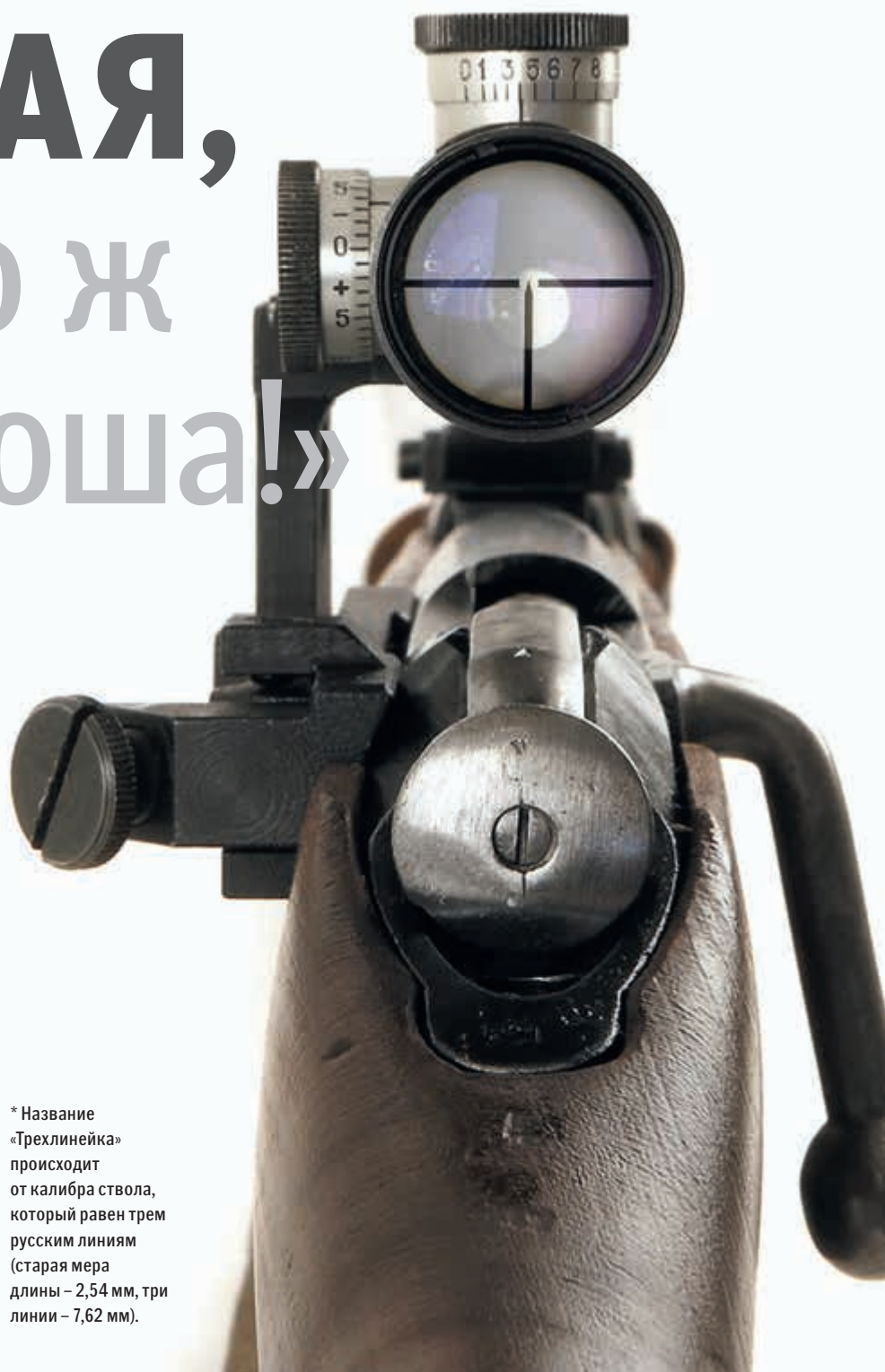
По результатам войсковых испытаний принята винтовка Мосина с дополнениями, позаимствованными из конструкции Нагана.

16 АПРЕЛЯ 1891 ГОДА

Император Александр III утверждает образец, вычеркнув слово «русская». Винтовка принята на вооружение как «трехлинейная*» винтовка образца 1891 года.

1924 ГОД

Винтовке возвращена фамилия конструктора.

* Название «Трехлинейка» происходит от калибра ствола, который равен трем русским линиям (старая мера длины – 2,54 мм, три линии – 7,62 мм).

• Сергей Мосин

ЦЕНА ВОПРОСА

Деньги, полученные за создание винтовки, Сергей Иванович Мосин потратил на откуп своей возлюбленной Варвары Николаевны Арсентьевой. За 50 тысяч рублей ее муж согласился дать развод.

БОЕВОЙ ОПЫТ

«За каждым выстрелом кто-то сваливался...»

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ГЕНЕРАЛА ПЕТРА ГРИГОРЕНКО*

Вскоре венгры пошли в атаку на высоту. Тимофей Иванович (Кожевников — охранник генерала. — Прим. ред.), который сосредоточенно распахивал по карманам обоймы патронов, обратился ко мне: «Разрешите пойти в траншею — помочь. Там сейчас каждый человек нужен. А здесь делать нечего».

Мы вышли. Кожевников уверенно повел меня... Через несколько минут венгры поднялись и пошли вверх по склону.

— Ну вот, что вам делать с вашим автоматом. До противника не менее 200 метров. Только неучи и трусы стре-

* Петр Григорьевич Григоренко. Из книги «В подполье можно встретить только крысы...»

Всего выпущено
около **40 000 000** экземпляров

Фотографии РГАКФД

ляют из автомата на такое расстояние, а я из своей винтовки вот того офицера сейчас сниму.

И не успел я как следует рассмотреть фигуру, на которую он указывал, как она свалилась.

«А теперь вот этого... и вот этого... и еще этого...» За каждым выстрелом кто-то сваливался. Вставляя новую обойму, он как важнейший секрет сообщил мне: «Не успею дострелять эту обойму, как та часть цепи, что я обстреливаю, заляжет. Редкий винтовочный огонь без промаха нагоняет панический страх». И действительно, вторая обойма положила значительный участок цепи. Офицеры бегали вдоль нее, кричали, поднимали людей, но пошла в дело третья обойма, и начали падать эти офицеры. Весь участок цепи, находящейся в зоне обстрела винтовки Кожевникова, вжался в землю.

Поставлялась более чем в двадцать стран

— Сколько же вы, Тимофей Иванович, наделали сегодня вдов и сирот, — раздумчиво произнес я.

— А ни одного.

— Как так?

— А я их не убиваю. Я только подстреливаю. В ногу, в руку, в плечо.

Зачем мне их убивать? Мне надо только, чтоб они ко мне не шли, чтоб меня не убили. А сами пусть живут. Пуля штука нежная, чистая. Так что раны не тяжелые — быстро заживают и последствий не оставляют — не то, что от грубого и грязного осколка.

ХАРАКТЕРИСТИКИ

Масса, кг:	4,5	Длина ствола, мм:	800 (пехотная)	Скорострельность, выстрелов/мин:	10
Длина, мм:			729 (драгунская и обр. 1891/30)	Начальная скорость пули, м/с:	865–870
со штыком / без штыка			510 (карабин)	Прицельная дальность, м:	2000 м
	1738 / 1306 (пехотная)	Патрон:	7,62/54 мм R	Вид боепитания:	неотъемный магазин на пять патронов, снаряжаемый обоймами
без штыка	1500 / 1232 (драгунская)	Калибр, мм:	7,62	Прицел:	открытый или оптический
	- / 1020 (карабин)	Принципы работы:	скользящий затвор		

Снята
с производства
в 1965 году

*Тульская винтовочка —
Славная обновочка,
С тульской винтовочкой в бою не пропадешь.
Если целишь метко —
Промахнешься редко,
Если целишь правильно — в точку попадешь!*

*Трехлинейка родная,
До чего ж ты хороша!
Как беру тебя я в руки —
Загорается душа.
Как прижмешь к любимой штык,
Враг от страха побежит!
За цевье ее как взял —
Словно девушку обнял.*

**КАХОВКА, КАХОВКА — РОДНАЯ ВИНТОВКА,
ГОРЯЧАЯ ПУЛЯ, ЛЕТИ!
ИРКУТСК И ВАРШАВА, ОРЕЛ И КАХОВКА —
ЭТАПЫ БОЛЬШОГО ПУТИ.**

*Я других таких не знаю,
Не найдешь среди бела дня.
Расхорошая, родная
Есть подружка у меня.
Хороша у ней сноровка,
Эх, подружка у стрелка.
Наша русская винтовка
Немца бьет наверняка!*

ЭТАПЫ БОЛЬШОГО ПУТИ

- 1904–1905**
Русско-японская война
- 1914–1918**
Первая мировая война
- 1917–1922**
Гражданская война в России
- 1936–1939**
Гражданская война в Испании
- 1939**
Конфликт на Халхин-Голе
- 1939–1945**
Вторая мировая война

**ЭХ, БЕЙ, ВИНТОВКА, МЕТКО, ЛОВКО,
БЕЗ ПОЩАДЫ ПО ВРАГУ!**

Фотографии семьи Бринера кто-то прикрепил на развалинах дома на берегу бухты Сидими, где жил молодой Борис Бринер с семьей. Память жива. И жив таежный Дальнегорск, навсегда связанный с их судьбой.

Фото Н.Островской

последний олигарх СССР

Удивительная судьба советского капиталиста Бориса Бринера, чей отец-швейцарец стал почетным гражданином Владивостока, а сын — голливудской звездой из культового фильма 60-х «Великолепная семерка»

текст **Наталья ОСТРОВСКАЯ**

В конце XIX века Европа отправилась за счастьем в Россию. На самый что ни на есть Дальний Восток. Сегодня трудно такое представить, но были времена, когда массовая эмиграция из Германии, Швейцарии, Скандинавии в нашу страну была обычным явлением.

На край земли, к Тихому океану, переселенцы-европейцы шли морем. К примеру, знаменитый в Приморье путешественник, мореход, китобой, вольный шкипер Фридольф Гек привел к далеким берегам из родной Финляндии целый парусный бриг с соотечественниками. Кого только не было на борту! Крестьяне, ремесленники, инженеры, торговцы... И даже (видимо, чтоб осмыслить происходящее) один магистр философии.

• Все, что осталось от фамильного склепа Бринеров в бухте Сидими. Фото Н.Островской

● Семья Юлия Ивановича Бринера. Крайний справа — будущий олигарх Борис. 1910 г. (фото из фондов Приморского краеведческого музея им. В.К.Арсеньева).

АВАНТЮРИЗМ «УНИКАЛЬНОГО ДЕДУШКИ»

Тогда же, в середине 70-х годов XIX века, во Владивосток прибыл молодой иностранец Юлиус Йозеф Бринер. Ему, швейцарцу по рождению и по паспорту, будет суждено обрусеть — принять православие и российское подданство. И стать Юлием Ивановичем Бринером — почетным гражданином Владивостока, основателем крупнейшей на Дальнем Востоке торгово-промышленной империи и большого (шестеро детей) семейства Бринеров.

Весь мир знает его внука, знаменитого американского актера Юла Бринера (помните Криса из «Великолепной семерки»? Правда, Юл Бринер в 1945 году стал Бриннером, у Бродвея свои эстетические предпочтения). Но кинематографистам и не снились те эпические сюжеты, которые определили судьбу его любимого деда...

Говорят, судьбу не обманешь. Дед Юлиуса служил кучером у фабриканта тканей. Отец — прядильщиком. Казалось, Жюлю (так звали его в детстве) было предназначено скромно идти по жизни. А он круто повернул семейную линию, став одним из богатейших людей царской России.

Сведения о том, как он начинал, скудны и туманны. Внук-голливудец Юл, к примеру, утверждал в многочисленных интервью, что «уникальный дедушка» был редким авантюристом: 16-летним парнишкой сбежал из дома без гроша в кармане, ходил в море на пиратских судах, промышлял в Шанхае, торговал шелком в Японии... Проверить невозможно, но ясно, что дедушка был с характером и амбициями. Как там у Вознесенского в поэме «Юнона и Авось» про графа Рязанова? «Он хотел, закусив удила, свесть Америку и Россию...» Лишь «закусив удила», можно было преобразовать гиблое азиатское Приморье с китайскими фанзами и опиокурительнями в родной дом для европейца. Да не просто дом, а модный, богатый. Чтоб «как в лучших домах» Европы. Мечта! Чем не «стартовый капитал»?

А еще Юлий Бринер умел рискнуть, оказаться в нужное время в нужном месте среди нужных и верных товарищей. Причем слово «товарищ» — не оговорка.

Его первый дальневосточный бизнес был юридически оформлен как «товарищество на вере».

● Борис Бринер с Ниной, родственницей своих друзей Старцевых, начало 1910-х гг. Фото из архива Д.А. Старцева

Говорят, судьбу не обманешь. Дед Юлиуса служил кучером у фабриканта тканей. Отец — прядильщиком. А он круто повернул семейную линию, став одним из богатейших людей царской России.

В 1891 году во Владивостоке задули ветры больших перемен, началось строительство Транссиба. Сам будущий российский император Николай II, тогда еще цесаревич Николай Александрович, присутствовал на церемонии закладки и лично высыпал тачку земли на полотно будущей железной дороги. Вот тогда-то крупнейшие владивостокские купцы с Бринером во главе объединились в многопрофильную торгово-промышленную компанию, владевшую решительно всем, что имело отношение к экономике территории — золотые прииски, угольные копи, строительство, лес, судоходство, торговля...

Этим рискованно-честолюбивым купцам до всего было дело. Первые европейские дома во Владивостоке, первые порты и дороги, первая промышленная нефть на Сахалине — это всё они, «товарищи» Бринер, Кузнецов, Старцев, Янковский, Пьянков. В «товариществе на вере» каждый из вкладчиков отвечал по обязательствам всем своим имуществом. Или пан, или пропал!

Сравните с нынешними АО, ЗАО, ООО. И, как говорится, почувствуйте разницу...

Бесспорно, Бринер был самым целеустремленным из товарищей. Во всяком случае никому, кроме хитрого швейцарца, не удалось на исходе XIX века уго-

• А это киноактер Юл Бриннер — герой фильма «Великолепная семерка». США. 1946 г.

ворить китайцев продать секрет — где именно в тайге, в каком укромном уголке долины реки Тетюхе, они тайком от российских властей добывают серебро?

Известно, что в обмен на секрет Бриннер пообещал китайцам пожизненные «пенсии». Исполнил ли обещание? Как бы то ни было, он снарядил экспедицию, и геологоразведка «застолбила» серебряно-свинцовое месторождение близ нынешнего Дальнегорска — россыпи из серых, желтых и красно-бурых блестящих глыб. Руды оказалось много, на века вперед, залегала она неглубоко. И потекли в тайгу капиталы Юлиа Бринера и привлеченной им немецкой компании «Арон Гирш и сын».

Как считает владивостокский историк Наталья Марьясова, из подобных перспективных сделок, ставших возможными благодаря тому, что царское правительство разрешило ввоз зарубежного капитала, в конце XIX — начале XX века произошло большое экономическое чудо: отсталая патриархальная Россия стала превращаться в современную капиталистическую страну.

КАПИТАЛИСТ И ЕДИНОМЫШЛЕННИК ДЗЕРЖИНСКОГО

Недавно в Дальнегорске открывали памятник Юлию Бринеру, основателю города и горнопромышленного общества «Тетюхе» (ныне — ОАО «ГМК Дальполиметалл»). Торжество в честь крупнейшего дальневосточного фабриканта, сосредоточившего в начале XX века

в своих руках треть экономики Южно-Уссурийского края, проходило в скверике на улице 50 лет Октября. Как будто кто-то невидимый давал понять: что при царизме, что при социализме дело Бринера живет и побеждает.

В Тетюхе (так назывался Дальнегорск) после Октябрьской революции случилось и еще одно экономическое чудо. А, скорее, политическое. Крупнейшая в стране горнорудная компания, невзирая на власть рабочих-крестьян и тотальную экспроприацию, осталась частной. Причем не год и не два, а целых семь лет (советская власть была окончательно установлена в Приморье в 1924 году). И только в 1931-м компанию, наконец, национализировали. Есть основания полагать, что к тому времени в СССР уже не оставалось ни одного предприятия с частным капиталом.

Сказку сделал былью самый «долгоиграющий» советский олигарх, средний сын Юлиа Бринера — Борис.

Был ли он самым любимым из трех сыновей, архивы не подскажут. Но это Бориса отец отправил учиться на горного инженера, а значит, именно на него делал ставку в своем главном бизнесе. Знал бы Юлий Иванович, что в 1924 году сын решительно разведет большую и дружную семью Бринеров по разные стороны баррикад. Во-первых, тем, что «подпишется» на дружбу с Советами. А, во-вторых, Борис безжалостно разрушит казавшееся вечным личное счастье — оставит жену Марусю с двумя малыми детьми на руках (дочкой Верой и сыном Юлом — тем самым, что в будущем покорит сердца миллионов зрителей и Голливуд) и женится (традиционно для себя — по большой любви) на актрисе МХАТа Екатерине Корнаковой...

Последние годы Юлиа Ивановича были, как сказали бы сейчас, инфарктными. Первая мировая война, необходимость отказаться от немецкой компании-инвестора, неудачи с продажей «вражеских» германских акций поставили предприятие «Тетюхе» на грань разорения еще до прихода большевиков. Новая власть должна была окончательно похоронить детище русских швейцарцев, что Советы и постарались сделать. В начале 1918-го по постановлению общего собрания рабочих и служащих работы на тетюхинских рудниках были остановлены, производство законсервировано.

10 марта 1920 года остановился, не выдержав потрясений, и главный мотор всего дела — сердце Юлиа Бринера. По улицам Владивостока, как и по всей стране, гулял большой револю-

Крупнейшая в стране горнорудная компания, невзирая на власть рабочих-крестьян и тотальную экспроприацию, осталась частной.

• Рудник Верхний. 1911-1912 гг. Фотофонд Приморского государственного объединённого музея им. В.К. Арсеньева. НВ 1618-21.

ционный хаос. Белогвардейцы сменяли интервентов, интервентов — большевики...

Хаос проникал в каждый дом. Его ярко описала в своей недавно вышедшей книжке воспоминаний Ирина Бринер — внучка Юлия Ивановича: «Моя мама работала врачом в больнице. Из Маньчжурии от эпидемии чумы бежали китайцы и несли ее во Владивосток. Каждый день с улиц убирали десятки мертвых тел. Красная Армия под руководством большевиков двигалась к Владивостоку. Ходили слухи, что детей буржуазии будут убивать, разбивая им головы о стену. Мы были готовы к чему угодно: мама принесла домой из лаборатории достаточно яду...»

Экспроприировать горнорудное предприятие в Тетюхе большевикам мешал иностранный капитал. Но в 1920 году акции немецкой компании «Арон Гирш и сын» нашли, наконец, своего покупателя. Им оказалось правительство Дальневосточной республики, в составе которого состоял совсем не чужой приморским рудникам человек — министр промышленности и торговли. Кто?

Он самый — Борис Юльевич Бринер!

В те годы Советы, сильно опасаясь японской агрессии, смотрели сквозь пальцы на разгул демократии вдали от Москвы. «Буржуй» в ДВР мог стать министром. Над министрами могли шутить здешние газеты. Как это делала, к примеру, бойкая владивостокская «Блоха»: «Объявление. Торговый Дом «Бринер и К°», высокий представитель народов Норвегии, Швейцарии, Огненной Земли и Тмутаракани. Торгует иностранными флагами. Поставляет министров...»

А дальше на помощь «недобитым буржуйам» пришел спасительный нэп. И с ним — иностранный капитал и концессии, за которые, как писал Ленин, «мы должны ухватиться обеими руками, т.к. этим привлекаем американский и английский империализм против японского, который до сих пор держит в руках ДВР».

Надо ли говорить, что Бринер во спасение горнорудного бизнеса нашел достойного концессионера (английского бизнесмена Честера Битти). Бринеровское предприятие стало собственностью акционерной корпорации «Тетюхе Майнинг корпорейшн». Договор 1924 года сроком на 36 лет (всерьез и надолго!) подписали председатель ВСНХ Феликс Дзержинский, нарком иностранных дел Георгий Чичерин и директор-распорядитель концессии Борис Бринер.

ТОП-МЕНЕДЖЕРЫ ИЗ «БЫВШИХ»

Это было поистине удивительное предприятие. 1925 год. А в Тетюхе, куда течет полнокровной рекой английский капитал, ударными темпами строят... капитализм. Расконсервированы и восстановлены железная дорога, больница, телефонная связь, электричество... Выписано из-за границы новое оборудование для обогатительной фабрики, начаты механизация горных выработок, строительство нового плавильного завода...

Директор-распорядитель Борис Бринер делал как раз то, что было так необходимо Советской власти в годы индустриализации. В отчетах госкомиссий концессию хвалили за работу и четкое выполнение обязательств перед государством.

Здесь выпускалась половина (!) свинцово-цинкового концентрата всей страны. Трудились более тысячи работников — русские, китайцы, корейцы. Без иностранцев обширному производству было не обойтись. Советские вербовочные

• Поселок Тетюхе. Центр горнорудной промышленности Дальнего Востока, где до 1930 года царила частная собственность. Фото В.Сметанина

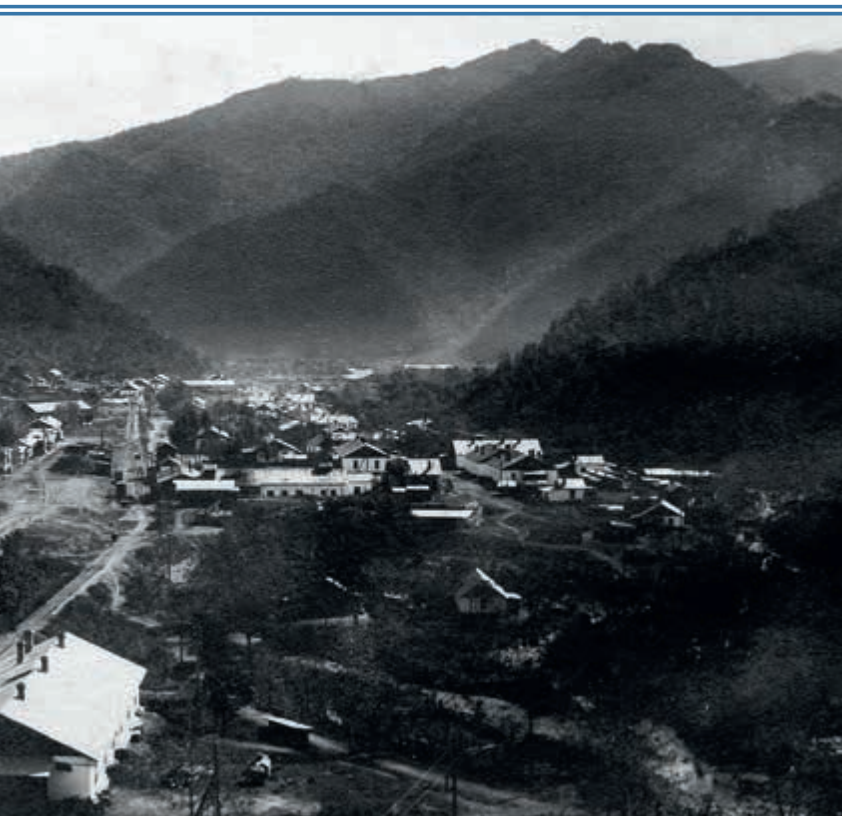

органы ни на что не годились: либо срывали заявки на рабсилу, либо присылали пьяниц, хулиганов, прогульщиков и прочий «несознательный элемент». «Мы совершенно не заинтересованы в том, чтоб, поднимая трудовую дисциплину, поднимать производительность труда концессионеру. Но не хотим, чтоб наших рабочих обвиняли как лодырей», — писали в своих лукавых отчетах новые госчиновники.

Управлял концессией поистине Интернационал: англичане, немцы, голландцы, норвежцы, австрийцы. Из 25, как сказали бы сейчас, топ-менеджеров лишь семеро были гражданами СССР. И те, что называется, из бывших: князья, фабриканты, белогвардейцы. ГПУ скрипело зубами и гневало пока только в справках: «Б. Бринер укомплектовал штаты управления иностранцами и социально чуждым элементом с целью выполнения задания английской разведки». Советская власть до поры до времени прятала «сведения» под сукно...

Что касается эксплуататорской сущности капиталистического производства, то еще неизвестно, кто больше угнетал трудовой народ — частная иностранная компания или первое в мире социалистическое государство. Судите

по фактам из архивных документов.

Средняя зарплата рабочих бринеровской концессии составляла 60,7 рубля, в то время как на экспроприированных государством угольных предприятиях Приморья — 37—48 рублей. Норма жилплощади в Тетюхе — 7,2 квадратного метра на человека, в «угольных» Сучане и Артеме — 4,7 и 3,2...

Продукты и ширпотреб концессия завозила из-за границы, и, согласно архивным ценовым ведомостям, стоили они не просто дешевле, чем в магазинах государственной и кооперативной торговли, а дешевле в разы...

Всю эту «контру» Советы терпели до ноября 1930 года, когда случилось знаменательное для концессии событие: пуск нового свинцово-плавильного завода с новейшей по тем временам «начинкой» — иностранным оборудованием. В Тетюхе стараниями Бориса Бринера и Ко уже появились новые гавань и пристань, канал, электростанция. Были построены 13 домов на каменных фундаментах — для семейных (эти дома до сих пор стоят в Дальнегорске) и двухэтажное общежитие — для холостых.

Выкуп компании — около 4,5 млн руб. — государство гасило грабительски: в основном облигациями госзайма и в рассрочку, частями в течение 17 лет.

Но едва отгремели торжества по случаю пуска, как началось давно ожидаемое — обыски, аресты «шпионов», «вредителей» и прочих «врагов». Госкомиссии в отчетах стали красить концессию Бринера черными красками. «Бесконтрольность... Денежные операции в ущерб государству...» Цеплялись по мелочам — «отсутствие спецодежды, медпунктов...». Претензии сыпались, что называется, на голубом глазу, как будто Владивостокская биржа по найму рабсилы не заманивала народ на рудники «пряниками» — той же спецодеждой, бесплатным лечением в уютной больничке, подаренной «проклятыми капиталистами» Окрздраву.

Директор-распорядитель концессии Борис Бринер до последнего держал на плаву главное отцовское предприятие. Известно, что последний советский олигарх был готов и дальше, несмотря ни на что, сотрудничать с Советами — пусть даже власть претендовала уже не на часть, а на всю выпускаемую продукцию. Но последнее — это можно предположить с большой долей уверенности — частное предприятие СССР было обречено.

2 октября 1931 года правительство досрочно расторгло контракт. А через несколько дней, 11 октября, в СССР была юридически запрещена любая частная торговля, кроме торговли на колхозных рынках. По иронии судьбы именно в этот день Сталин запустил в обиход очередную историческую фразу: взяв томик с ранним произведением Горького «Девушка и смерть», вождь начертал на нахзаце: «Эта штука сильнее чем «Фауст» Гете (любов побеждает смерть)». Именно так — без запятой и мягкого знака. Любов.

Стремительный развал отлаженного горнорудного производства была штукой посильнее бессмертных постулатов вождя...

Выкуп компании — около 4,5 млн руб. — государство гасило грабительски: в основном облигациями госзайма и в рассрочку, частями в течение 17 лет.

То, что, изгнав иностранный капитал из тетюхинских рудников, советская власть проиграла, стало ясно уже через год. К этому времени новая администрация очистила штаты от «социально чуждых элементов», уволив половину наиболее квалифицированных сотрудников бывшей концессии. Начались перебои с поставками, ремонтом оборудования...

В 1932 году предприятие, теперь уже государственное, выполнило план лишь на 55 процентов. При этом нормы выработки были установлены более высокие, чем у Бринера. «Шла интенсификация труда за счет больших мускульных усилий работников, то есть можно сказать, — считает историк Наталья Марьясова, — что государство проявило большие эксплуататорские устремления, чем концессионер-капиталист...»

За хроническое невыполнение плана ответил сменивший Бринера у руля красный директор-коммунист Михаил Кокшенов (волею судеб отец известного артиста Михаила Кокшенова). В 1937-м он был арестован, в 1938-м расстрелян «за антисоветскую деятельность».

Можно не сомневаться: та же судьба несколькими годами раньше была уготована и Борису Бринеру. Но он успел эмигрировать за рубеж.

ШПИОНСКИЕ СТРАСТИ

Читая собранные по крупицам приморскими краеведами биографии членов большой семьи Бринеров и их друзей — почетных граждан Владивостока, промышленников,

БРИНЕРУ
ЮЛИЮ ИВАНОВИЧУ
(1849-1920гг.)
ОСНОВАТЕЛЮ
ГОРОДА ДАЛЬНЕГОРСКА
(ТЕТЮХЕ)
ОТ КРАЕВЦЕВ ДАЛЬНЕГОРСКА
2009г.

купцов, фабрикантов, — вдруг понимаешь: они в отличие от новых правителей России отнюдь не страдали классовой ненавистью. И были готовы сотрудничать хоть с чертом, хоть с рабоче-крестьянской властью, лишь бы сохранить свое «правое дело».

Борис Бринер, как когда-то его отец, тоже пытался обмануть судьбу. Он никогда не воевал с революцией. И даже совершал сделки, нет, не с совестью, а с... советскими спецслужбами. Известен факт: в 1924 году, вовремя получив информацию о скором изъятии имущества, Борис умудрился продать свой быстроходный катер «Воевода» пограничникам ГПУ.

Другой исторически знаменитый бринеровский катер — «Рында» — несколькими годами ранее славно послужил отрядам Сергея Лазо в составе партизанской флотилии. Как уж там договорились главный приморский «буржуин» и пламенный большевик — история умалчивает. Но известно, что в лихую годину Бринеру удалось вывезти со складов из объятых гражданской войной тетюхинские остатки готовой продукции. И самым невероятным образом выполнить поставки по договорам.

И все-таки Борису Бринеру, что называется, по умолчанию, было суждено стать врагом советской власти. Сам он, безусловно, знал, что его ждет, — снаряды рвались все ближе. И в 1931 году, когда под напором Советов рухнула бринеровская концессия, Борис с женой бегут за границу.

Они возвращались из Москвы железной дорогой якобы во Владивосток, но в Иркутске тайно пересели в поезд на Харбин. И — спаслись. Но в 1945 году, когда советские войска победоносно вошли в Харбин, начались «чистки» среди эмигрантов. Бринера арестовали, несколько месяцев содержали под домашним арестом и допрашивали как «шпиона» — агента всех мыслимых спецслужб. Кстати, одна из агентурных справок в архиве БРЭМа (Главного бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии) так и озаглавлена: «Работа Бориса Бринера для английской, американской и советской разведок».

И вот тут начинаются чудеса. После ареста (не помог и швейцарский паспорт) «последнего олигарха» и его жену Екатерину этапировуют в Приморье, в лагерь беженцев под Владивостоком. Казалось бы, дальнейшая судьба «шпиона» предрешена. Однако, сын своего отца, Борис Бринер снова судьбу обманул. Какие механизмы были включены и кем,

• Юлий Бринер вернулся в поселок Тетюхе, который теперь называется Дальнегорском. Фото Н.Островской

Борис Бринер, как когда-то его отец, тоже пытался обмануть судьбу. Он никогда не воевал с революцией. И все-таки Борису Бринеру, что называется, по умолчанию, было суждено стать врагом советской власти.

исследователи пока только догадываются. Но неожиданно в марте 1946 года супругов Бринеров везут во Владивосток и отправляют, нет, не этапом, а удобным спецпоездом — в Москву. Чудеса продолжают и в столице. Их встречают, как высоких гостей, везут в шикарные апартаменты гостиницы «Савой»...

Далее — визит в швейцарское консульство и хорошие новости. Оказывается, иностранные дипломаты убедили Москву обменять Бориса Юльевича и его супругу на неких советских граждан, находившихся под арестом в Швейцарии.

Самое удивительное тут — слово «убедили». Как такое могло случиться? И было ли возможно вообще? Ведь сталинский режим, вторично отпуская Бориса Бринера, отпуская «врага народа». И «агента разведки». Но — какой именно? Не советской ли, в самом деле?

Пусть это будет фантазией. Но другого объяснения счастливой развязки до сих пор нет.

ФОТОГРАФИИ НА БЕЛОЙ СТЕНЕ

Избегав застенков, Бринеры предали радость жизни. И с головой окунулись в путешествия. Германия, Швейцария, Англия — дела, партнеры, долгожданные встречи с родственниками, друзьями...

9 июля 1948 года в возрасте 58 лет Бориса Бринера не стало. Умер он в Шанхае. Внезапно, от остановки сердца. Как и его любимый отец.

Пройдет еще четверть века, и в середине 70-х русское кладбище, где был похоронен Борис, как и все десять заброшенных иностранных кладбищ Шанхая, решением китайских властей закатают

в асфальт. На его месте сегодня — современный парк развлечений.

А место упокоения старшего Бринера — Юлия Ивановича посетила.

...Поселок Безверхово, в 150 километрах от Владивостока. Красивейшее побережье. Когда-то здесь, в бухте Сидими (ныне — бухта Гека), в загородном родовом поместье, большая дружная семья Бринеров переживала самые счастливые и безмятежные свои времена.

Теперь тут тишь, запустение. Можно и не заметить, как — шаг! — и наступишь на заросший бурьяном капитальный фундамент. Поодаль, ближе к морю, все еще сопротивляются времени голые белые стены с ветром внутри. Кажется: дунет посильней и улетят в никуда наклеенные кем-то прямо на старую кирпичную кладку остатки семейных фото. Юлий Иванович. Феликс, Борис, Леонид. Ирина и Юл...

Неподалеку — несколько минут по тропинке — гранитный склеп с портиком и колоннами. Это фамильная усыпальница Бринеров. Рассказывают, что в злые и голодные 30-е годы последний приют самой богатой владивостокской семьи был безжалостно осквернен. Но это было только начало.

Усыпальницу разрушали, грабили, выбивали ее чудесные витражи. Монументальный фамильный склеп пытались использовать под электростанцию, склад, общественный туалет. Но склеп, верный традициям Бринеров, устоял, несмотря ни на что.

И сегодня мы, как и многие, идем к нему по тропе. Зачем? Посмотреть, как необычный архитектурный объект подпирает вечным гранитом покату сопку? А может, поклониться памяти «делателей дела», авантюристам и смельчакам? Всем, кто, как Бринеры, искал в далеком краю денег и счастья. И — находил.

Вопреки року. Назло войнам и революциям.

• Борис Бринер пришелся не ко двору советской власти. А сегодня о нем бы уважительно сказали: крепкий хозяйственник. США, 1946 г. Фото из архива Е.Б.Бринер.

Автор благодарит за помощь в подготовке публикации публикации приморских исследователей-краеведов Нелли МИЗЬ и Елену СЕРГЕЕВУ.

ПАРАЛЛЕЛИ

Как закалялась «Сталь-7»

ИТАЛЬЯНЕЦ РОБЕРТ БАРТИНИ
ТОЖЕ ПОСТАВИЛ СВОЙ ТАЛАНТ
НА СЛУЖБУ СТРАНЕ СОВЕТОВ

11 октября 1931 года, в день, когда в СССР была юридически запрещена любая частная торговля (кроме торговли на колхозных рынках) и окончательно поставлен крест на бизнесе Бориса Бринера, состоялся первый полет пассажирского самолета «Сталь-2». К его разработке имел отношение итальянский авиаконструктор Роберт Бартини, тоже поставивший свой талант на службу Советам.

Осенью 1935 года Бартини разрабатывает 12-местный пассажирский самолет

«Сталь-7» с крылом «обратная чайка», который демонстрировался на парижской Международной выставке 1936 года, а позднее установил мировой рекорд скорости (405 км/час на дистанции 5000 километров). Параллельно итальянец спроектировал дальний арктический разведчик (ДАР), который одинаково легко мог садиться на воду и лед. На базе «Стали-7» Бартини начал работы по созданию дальнего бомбардировщика ДБ-240...

14 февраля 1938 года Бартини был арестован, ему предъявлялись обвинения в связи с «врагом народа» маршалом Тухачевским, а также в шпионаже в пользу Муссолини. Приговор — 10 лет лишения свободы и пять — «поражения

в правах». Заключенный Бартини был отправлен в закрытое ЦКБ-29 тюремного типа, их в СССР называли «шарашками». Под руководством А.Н. Туполева активно участвовал в создании нового бомбардировщика Ту-2. Но неугомонному итальянцу хотелось более амбициозных задач. Он попросился в группу заключенного Д.Л. Томашевича (бюро 101), которая занималась проектированием истребителя. Это сыграло с ним злую шутку. В 1941 году всех, кто работал с Туполевым, освободили. В то время как сотрудники бюро «101» вышли на волю после войны...

— Подробно об удивительной судьбе Роберта Бартини — в следующем номере.

Окопная правда Иннокентия Смоктуновского

*История двух медалей
«За отвагу» великого артиста,
которому в марте исполнилось
бы 90 лет*

ТЕКСТ **Александр ХОХЛОВ**

— Папа не любил вспоминать войну, — говорит дочь великого артиста Мария Иннокентьевна. — Он хлебнул на ней столько лиха, что саму память о ней старался в душе не тревожить. Поэтому, наверное, и нам с братом ничего не рассказывал, и фронтовые медали не носил. А потом, неожиданно для нас, семьи, и для многочисленных почитателей его таланта, написал потрясающие пронзительной честностью воспоминания.

18-летний сибиряк Иннокентий Смоктунович (настоящая фамилия артиста, у него белорусские корни) попал на фронт в 1943 году. После Курской дуги участвовал в форсировании Днепра. Безвозвратные потери Красной армии в ходе этой грандиозной военной операции — 417 323 человека, раненых было — 1 269 841 человек. А его даже не царапнуло.

За доставку под огнем донесения был представлен к медали «За отвагу».

Вот что написано в представлении к награде, опубликованном на сайте «Подвиг Народа» (мы оставляем без изменений орфографию и пунктуацию. — Ред.):

«ПРИКАЗ

**Краснознаменной Бахмачской стрелковой дивизии.
19 октября 1943 года. № 26-н. Действующая армия**

От имени Президиума Верховного Совета СССР награждаю медалью «За отвагу»:

...9. Связного штаба полка гвардии рядового Смоктунович Иннокентия Михайловича за то, что под обстрелом противника в брод через реку Днепр доставлял боевые донесения в штаб 75 гвардейской Краснознаменной Бахмачской стр. дивизии.

1925 года рождения, б/п, русский, образование 8 классов, призван Красноярским ГВК.

**Командир полка
Гвардии полковник (Борисов)»**

А вот как описывает этот фронтовой эпизод в мемуарах сам Иннокентий Михайлович:

«...Затея эта была обречена, это понимали все. Мой напарник, лишь войдя в воду, был ранен и не мог держаться со мною рядом. Я же должен был уходить, пытаться прорваться сквозь зону обстрела — такое указание тоже было, и где-то у середины протоки, захлебываясь, едва успевая схватить воздуха перед тем, как опять уйти под воду, оглянувшись, увидел, как он, странно разбрасывая руки, боком, как споткнувшийся или пьяный, тяжело падал в воду, барахтался, вставал и опять валился на бок. Я что-то пытался крикнуть ему, но думаю, что это было неверно, глупо, да и просто бесполезно — грохот раз-

● Иннокентий Смоктуновский с дочерью Марией. Фото РГАКФД

рывов усилившегося обстрела (ребята у минометов видели, что я пока все еще жив и на плаву уходил) заглушал все кругом.

Пройдя глубокую часть протоки, на бегу оглядываясь, пытался схватить взглядом пройденный участок брода, но никого уже не было: его или снесло течением, или он затонул. Из-за какой-то коряги я еще пытался осмотреть все кругом... но берег и протока были тоскливо пусты. Тот дурацкий пакет я доставил, в этом-то отношении все было в порядке, и меня даже представили к награде медалью «За отвагу», правда, вручили мне ее спустя 49 лет прямо на сцене МХАТа после спектакля «Мольер». Мои однополчане москвичи (их осталось раз-два и обчелся) сами разыскали все документы по этому награждению, и в реляции (так, кажется, называется подобный документ) был кратко, по-казенному, описан этот нелепый, в общем-то, никому не нужный (я и сейчас так думаю) эпизод...»

В декабре 1943-го в боях под Житомиром Смоктуновский попал в плен, через месяц и четыре дня ему чудом удалось бежать. Совершенно обессиленный, практически умирающий, он добрал-дополз до крайней деревенской хаты, постучался в дверь и потерял сознание. Его, рискуя своей жизнью и жизнями своих детей, выходила украинская крестьянка Василиса Шевчук.

— Он звал ее «бабой Васей», и, став народным артистом СССР, помогал всем, чем мог, до самой ее смерти, — рассказывает дочь артиста Мария. — А потом делал добро ее детям и внукам. Он всегда их помнил, любил и был им благодарен. Я помню, дочка женщины, которая его спасла, приезжала к нам и в Ленинград, и в Москву.

В феврале 1944 года Смоктуновский уже воюет против немецких оккупантов в партизанском отряде имени Ленина. В мае линия фронта резко рванула на Запад, и отряд влился в состав подошедших регулярных частей Красной армии.

«ПРИКАЗ

**641 стрелковому полку 165 стрелковой
Седлецкой Краснознаменной дивизии.
18 февраля 1945 г. № 013-н. Действующая армия**

От имени Президиума Верховного Совета Союза ССР награждаю медалью «За отвагу»

...б. Командира отделения роты автоматчиков младшего сержанта Смоктунович Иннокентия Михайловича за то, что в боях при прорыве обороны противника 14.1.45 в р-не дер. ЛОРЦЕН его отделение одним из первых ворвалось в траншею пр-ка, уничтожил при этом около 20 немцев.

Ком. 641 стрелкового полка
гвардии п-п-к (Юрьев)

Смоктуновский освобождал советскую Украину и Польшу. У польской деревушки Домбровка был тяжелый ночной бой. После войны, на гастролях в Варшаве, он выкроил день и поехал на место, где должен был неминуемо погибнуть, но снова выжил. В книге «Ненавижу войну» Смоктуновский пишет:

«В живых после той ночи остались девять человек; не задетых, не раненых — и того меньше, единицы. Я — один из них. Однако я не делал ничего такого, чего не делали бы все остальные: здесь упасть, отползти, пригнуться, встать за укрытие, переждать секунду артналет, лежа на дне воронки, нырнуть в канаву от летящей сверху бомбы — в общем, я делал все то, что делали все, каждый вокруг нормальный солдат, боец, человек. Других, поступавших иначе — не видел, не знал, за два года непрерывной фронтовой жизни не встречал ни одного...»

Смоктуновский закончил войну гвардии старшим сержантом в немецком городке Гревесмюлене.

— Вторую часть своих мемуаров, книгу «Ненавижу войну», отец предварил эпитафией: «Меня оставили жить», — говорит дочь Мария Иннокентьевна. — Наверное, пройти через все военные испытания, кровавую мясорубку на Днестре, плен, побег из него, тяжелейшие бои в Польше ему действительно помогли высшие силы. Ведь он воевал простым солдатом в пехоте, а там долго не жили...

Книгу «Ненавижу войну» Иннокентий Михайлович посвятил памяти своего отца.

Михаил Петрович Смоктунович, красноармеец 637-го стрелкового полка, погиб в боях с немецко-фашистскими захватчиками в начале августа 1942 года. Место его захоронения неизвестно.

Да и вообще неизвестно, был ли убитый солдат похоронен: в степях между Ростовом-на-Дону и Сталинградом 140-я стрелковая дивизия полегла полностью.

≡ СОВЕТСКИЕ АКТЕРЫ-ФРОНТОВИКИ

ЛЕЙТЕНАНТ ЭТУШ

У студента театрального училища Владимира Этуша была «бронь». Но осенью 1941-го Этуш ушел на фронт добровольцем. Сражался в горах Северного Кавказа, освобождал Ростов-на-Дону, Украину. Награжден орденом Красной Звезды, медалями. В 1944-м лейтенанта Этуша тяжело ранило, и, получив вторую группу инвалидности, он демобилизовался.

РЯДОВОЙ ПУГОВКИН

18-летний самородок из самодеятельности снимался в картине «Дело Артамоновых». Эпизод с его участием досняли 22 июня 1941-го, а 24-го он ушел на фронт добровольцем.

В августе 1942-го разведчик стрелкового полка красноармеец Пуговкин получил ранение в ногу под Ворошиловградом. Началась гангрена, бойца готовили к ампутации. Он взмолился: «Доктор, нельзя мне без ноги, я же артист!» Хирург спас ногу и спас жизнь. Через год комиссованный солдат Пуговкин отплясывал на съемочной площадке фильма «Свадьба». Никто не видел, как после каждого дубля он выливал из сапога кровь.

МАТРОС ЮМАТОВ

Однажды пригретая Юматовым корабельная дворняга, испугавшись обстрела, прыгнула за борт. Матрос бросился за ней, а в торпедный катер угодила немецкий снаряд, погиб весь экипаж... Георгий Александрович после войны подсчитал, что стопроцентно мог погибнуть не менее ста раз — во время десантов на Малую Землю в Новороссийске и в Евпаторию, при штурмах Бухареста, Будапешта и Вены. Но рулевой-сигнальщик бронекатеров Азовской и Дунайской флотилий всем смертям назло выжил.

СТАРШИЙ СЕРЖАНТ ПАПАНОВ

«Разве забыть, как после двух с половиной часов боя из 42 человек осталось 13?» — вспоминал Анатолий Дмитриевич. Папанов воевал с первых дней войны, командовал взводом зенитчиков. В 21 год стал инвалидом третьей группы после тяжелого ранения в ногу под Харьковом.

ЛЕЙТЕНАНТ СМІРНОВ

У Алексея Макаровича Смирнова было 11 боевых наград, но о войне он вспоминать не любил и никогда не козырял фронтовыми заслугами. Командир огневого взвода 169-го минометного полка прошел путь от рядового до лейтенанта. Несколько раз сходилась с немцами врукопашную, в наградных документах отмечали его отчаянную смелость. Очень хотел поучаствовать в штурме Берлина, но армейскую биографию прервала тяжелейшая контузия.

СТАРШИЙ СЕРЖАНТ НИКУЛИН

Зенитная батарея, где служил Юрий Никулин, вступила в бой с прорывающимися к Ленинграду немецкими самолетами уже в первые дни войны. Был контужен. Отмечен боевыми наградами. Победу Юрий Владимирович встретил в Прибалтике.

● Смоктуновский-Гамлет: быть или не быть — все тот же вечный вопрос.
Фото ТАСС

Сильнее «Гамлета»

«Где-то недалеко, спеша, вроде стараясь опередить друг друга, разрывая тишину ранних сумерек, взрывались мины. Колотило долго, жестоко. Слышались не выстрелы, а разрывы — значит, били не мы, а другие нас».

«Раненый на столе, очевидно, устав ждать или решив переменить положение, повернулся другой своей стороной. У бедняги были сорваны все нижние ребра с правой стороны груди, да, собственно, она вся была срезана, открыта, зияла огромная темная дыра, и при вдохе темносиняя с перламутровым отливом плевра легкого, клокоча и хлюпая, выходила неровными скользкими вздутиями наружу. Как он терпел?..

— Эй, солдат... не мучь его, видишь, он отходит...

— Я хотел помочь ему...

— В этом помогать не надо.

— Я совсем не в этом. Я...

— Ну, вот... и отойди от него».

«Не верьте, что на войне не страшно, это страшно всегда. А храбрость состоит в том, что тебе страшно, а ты должен преодолеть животный ужас и идти вперед, и ты это делаешь».

Из книги И.М. Смоктуновского «Быть!» — М. 1998 г.

Все тот же суп из топора войны

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД ПОВЕСТЬЮ СВЕТЛАНЫ АЛЕКСИЕВИЧ SECOND HAND

ТЕКСТ **Лев АННИНСКИЙ**, обозреватель журнала «Родина»

Всущности-то речь все о том же. О том, откуда берется тоталитарная диктатура. Но раз в десять чаще, чем «социализм», возникает у собеседников Светланы Алексиевич другое слово...

«Все оттуда, где ГУЛАГ и страшная война...»

«От Сталина и до Брежнева во главе страны стояли руководители, которые воевали...»

«Моя мама из поколения довоенной интеллигенции. Из тех людей, у которых блестели слезы на глазах, когда играли «Интернационал». Она пережила войну и всегда помнила, что советский солдат повесил красный флаг над Рейхстагом: «Наша страна такую войну выиграла!».

Выиграла!

Поколение, уже не заставшее войны, оно какое: потерянное или счастливое? Из коммунистического детства — в капиталистическую жизнь. Нет больше социализма! Нет диктатуры!

А что есть?

Заводы прекращают делать ракеты, — штампуют стиральные машины и пылесосы. Стирай штаны! Покупай «джинсы, дубленки... женское белье и хорошую посуду...»

Чего еще не хватает? Перечисляю символы счастья из монологов, записанных Светланой. Тачка, то бишь машина. Хата, то бишь квартира. Часы «Ролекс» (чтобы часов не наблюдать?). Дальше? Каждому по «мерсу» и по пуховке в Майами. Слетать поохотиться в Африку.

Где добыть столько денег, если нет ни меры, ни покоя?

А вот и ответ: символ XX века — еще один, такой же неперемный, как джинсы? Автомат Калашникова.

Исповедь из эпохи «челноков»:

«...Торговля жареными сосисками — бешеные бабки наматывались. Топоры

были наготове. И ломы. Узнали бы, что мы везем, — убили бы».

Где Русь — там топор. Топор — хозяина переживет. Звать Русь к топору не надо — сама схватит.

Крутые парни из охраны олигархов, подстерегающие друг друга в подъездах, вооружены не топорами и даже не «калашами», а куда более современными пушками.

И все-таки это все те же топоры. Из которых и теперь варится наш суп. Черепашовый. Слоновий. Демократический. Социалистический. Не важно какой. В крови — война. Она в основе всего.

Так я возвращаюсь к той войне, страшной. К той проклинаемой эпохе.

Перекликаются участники событий, в свете разума рядом немислимые. Палачи и жертвы.

«Как это сочеталось? Наше счастье и то, что за кем-то приходили ночью? Кто-то исчезал, кто-то рыдал за дверью. Я этого почему-то не помню. Не помню! А помню, как цвела весной сирень, и массовые гулянья, деревянные тротуары, нагретые солнцем. Запах солнца. Ослепительные парады физкультурников и сплетенные из живых человеческих тел и цветов имена на Красной площади: Ленин — Сталин...»

Те, кого забирали, и те, кто забирал, — непримиримые враги? Как их различить в таком блеске сирени и ослеплении солнца?

Светлана прикована к этому вопросу. И вот ответ:

«Не кто-нибудь сидел, а народ. И сажал, и охранял — тоже народ, не пришлый, не призванный откуда-то, а этот же. Свой. Родной... Палачи и жертвы — это одни и те же люди».

Конечно, до того момента, пока эти роли не реализуются. А реализуются они — с оборотом лиц. То есть палачи становятся жертвами, жертвы — палачами. Кажется — хаос! Тысячи дел! Но в этом хаосе выбор-то небольшой: или ты идешь работать в НКВД, или НКВД забирает тебя.

И так, и этак — в мясорубку. В семь слоев.

«Особистов боялись больше, чем немцев. Генералы их боялись».

Еще один пункт — доносы.

Потрясающе у Светланы Алексиевич — брезгливо-трезвое понимание того, почему полстраны писало доносы, и полстраны читало. Конечно, индивидуальная подлость в этом жанре не знала границ. Но не знало границ и интуитивное понимание того, что ожидать этой подлости от людей надо постоянно.

«Брат писал на брата, сосед на соседа. Поругались из-за огорода, из-за комнаты в коммуналке...»

«У бывшей лагерницы спросили: «Вы хотите посмотреть свое дело?» — «Хочу». Взяла она свою папку... открыла... Сверху... знакомый почерк... Соседка... «мама Аня»... написала донос...»

Вы что-нибудь понимаете?

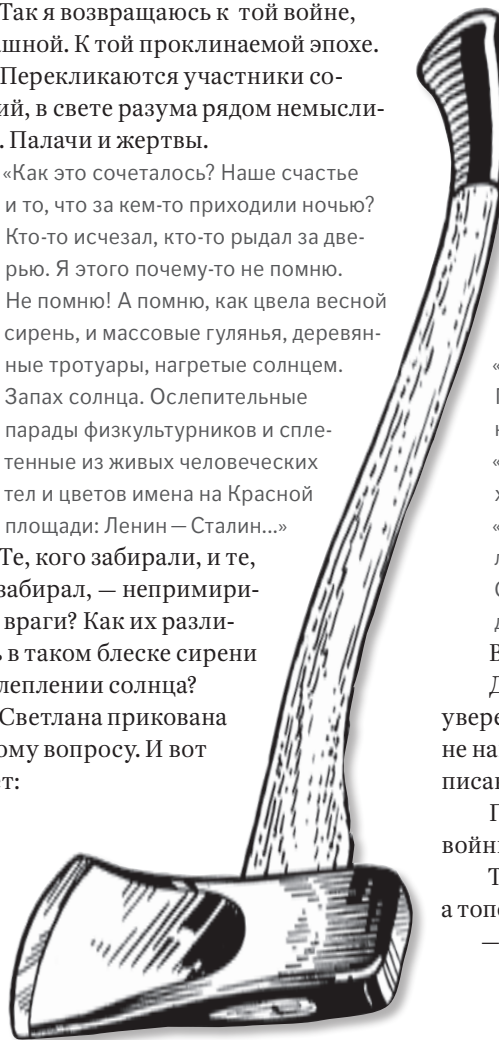
Да дело в том, что и брат, и сосед уверены, что если на них донос еще не написан, то непременно будет написан.

Потому что надо всеми — топор войны.

Ты во тьме хлебаешь свою пайку, а топор висит.

— Тьма лукава...

(Начало в № 1 и 2, 2015. Продолжение следует.)

«Нам бы только за бережок Аляски зацепиться...»

ТЕКСТ **Михаил ТИМОШЕНКО**

ИЗ ИСТОРИИ ВОПРОСА

Европейская смута вокруг северных ходов

ПОПЫТКИ ЗАХВАТИТЬ РУССКИЕ АРКТИЧЕСКИЕ ТЕРРИТОРИИ ЖЕСТКО ПРЕСЕКАЛИСЬ ЕЩЕ В XVI ВЕКЕ

ТЕКСТ **Наталья ИРТЕНИНА**

В битве за российскую Арктику, развернувшейся после окончания Второй мировой войны, советское руководство не исключало радикальной военной операции

Сентябрь 1945 года. На причалах владивостокского порта — крошечный ад: грузовики, «виллисы», трактора, пушки, горы тюков и ящиков, толпы пехоты, обрывки команд, мат и бензиновая гарь. 126-й легкий горно-стрелковый корпус в составе трех бригад грузится на транспортные суда. Капитаны пароходов сквозь стекла рубок наблюдают за погрузкой и посматривают на рейд. Там, за сеткой дождя, качаются на зыби размытые силуэты кораблей охранения. Большой — флагмана конвоя, сторожевика-«американца» ЭК-9, и четыре других, поменьше. Осевшие по ватерлинию пароходы «Жан Жорес», «Ломоносов», «Джурма», «Кавказ», «Вторая пятилетка», а за ней и остальные девять отваливают от причала один за другим.

«ВСКРЫТЬ ПАКЕТЫ. ОПЕЧАТАТЬ РАДИОРУБКИ»

Вышли из Золотого Рога, на мостике флагмана замигал ратер*: «Следовать за мной. Увеличить ход». Командир конвоя, 30-летний капитан-лейтенант Владимир Михайлин спешит: ему ли, участнику фронтовых переходов по Карскому морю, не знать, сколь изменчива погода на Северах.

В январе 1943-го в представлении лейтенанта Михайлина к медали «За отвагу» было сказано: «отлично зная свою специальность, обеспечивал кораблю точное путеисчисление в тяжелых зимних условиях севера». Представление было уважено командующим Беломорской военной флотилией, причем по его приказу медаль «За отвагу» получили лишь 17 человек, а всего за операцию — 67. В начале 1943 года наградами не разбрасывались!

В кампании 1944-го Михайлин прошел 12 тысяч морских миль и был удостоен ордена Отечественной войны 1-й степени.

* Сигнальный фонарь особого устройства, применяемый как средство связи в темное время суток. Позволяет давать сигналы и вести переговоры (по азбуке Морзе) при помощи узкого луча света. Луч виден только там, куда он точно направлен.

[От берегов Англии на северо-восток отправилась в плавание экспедиция во главе с сэром **Хью Уиллоуби** и капитаном Ричардом Ченслером, снаряженная для поисков пути в Китай. Путешественников вдохновляло сочинение итальянца Павла Иовия Новокомского «Книга о посольстве Василия, великого государя Московского к Папе Клименту VII...» (1525 г.), написанное по мотивам рассказов посольского

переводчика в Риме Дмитрия Герасимова.

[Русский Север был известен Герасимову не понаслышке: с конца XV века русские дипломаты не раз плавали из Белого моря в Западную Европу. Ходили московские послы по Студеному морю-океану на ладьях местных жителей — поморов, отлично знавших морские пути на запад, восток и север. Промысловые маршруты для добычи морского и пушного зверя

назывались у поморов ходами. С XV в. был освоен ход на Грумант-Шпицберген. Чуть позже появился ход на Новую Землю. Во второй половине XVI в. поморы проложили Мангазейский (в Обскую губу) и Енисейский ходы. Есть сведения, что русские знали и путь до Гренландии, прочно забытый к тому времени скандинавами.

Плавание британцев завершилось неудачей, путь им преградили льды.

1553 год

Это был офицер большого личного мужества. Когда тральщик подвергся атаке авиации противника, Михайлин лично встал к орудию и повредил неприятельский самолет. А еще в его послужном списке таран немецкой подводной лодки в районе острова Диксон, где ТЩ-110 под его командой вытравил 41 донную магнитно-акустическую мину; за это Михайлин был награжден орденом Красного Знамени...

В сентябре 1945 года выбор пал на этого человека далеко не случайно. Для решения экстраординарной задачи требовались и выдающиеся командиры. Позднее Михайлин вспоминал:

«12 сентября 1945 г. меня вызвали в штаб

Тихоокеанского флота. В кабинете командующего находились нарком, адмирал флота Кузнецов, командующий флотом адмирал Юмашев, маршалы Малиновский и Мерецков. За столом в кресле командующего флотом — маршал Василевский. Вид его крайне усталый, напоминавший Кутузова на совете в Филях. Я представился. В этот момент заработал телефон. Юмашев снял трубку и сказал Василевскому: «Поскребышев. Сейчас будете говорить с товарищем Сталиным». Маршал доложил Сталину, что конвой со 126-м легким горно-стрелковым корпусом к переходу на Чукотку готов, но есть сомнение в целесообразности такого перехода из-за наступления полярной ночи и отсутствия жилых строений. Взамен предлагается высадить корпус по частям на Курильских островах и Камчатке. Потом долго слушал, что говорил Сталин, изредка отвечал: «Есть!», «Понял». Положил трубку и пояснил: «Сталин сказал, что надо опасаться не полярной ночи и снегов, а Трумэна. Это не Рузвельт. Операцию проводить».

Операцию... Какую, если война с Японией закончилась две недели назад и высадка на Хоккайдо отменена?

Снова на мостике флагмана мигает ратьер: «Вскрыть пакеты. Опечатать радиорубки». В капитанских сейфах лежат засургученные пакеты со строгой надписью «Вскрыть после

выхода в море». А про радиорубки капитан-лейтенант Михайлин напоминает не зря: на гражданских судах не все понимают военную тайну, неосторожное слово в эфире может провалить операцию. Береженого бог бережет...

В забитых солдатами и офицерами трюмах — нервноеживание: «Аляску брать идем!» Но пункт назначения во всех пакетах один — бухта Провидения. Приказом Сталина, оформленным постановлением Совнаркома № 2358 от 14 сентября 1945 года, корпусу поставлена

задача: «Создать на полуострове Чукотка оборонительные форпосты, прикрыть основные морские базы на побережье Анадырского залива и бухты Провидения, обеспечить с суши их противодесантную оборону...»

Зачем? Еще недавно мы здесь принимали перегоняемые по ленд-лизу самолеты... Сталин что-то предвидит?

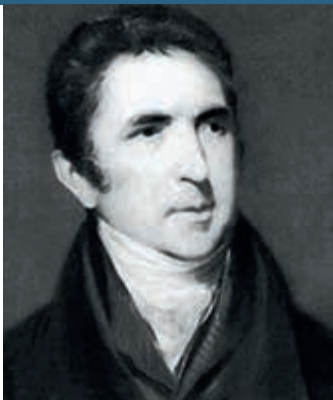
АТОМНАЯ ЭЙФОРИЯ ВЧЕРАШНИХ СОЮЗНИКОВ

Похоже, не только Верховный главнокомандующий понимал: атомная бомбардировка Хиросимы и Нагасаки военного смысла не имела. Это предупреждение Советскому Союзу: вам нечего делать на Дальнем Востоке и в Арктике. Вскоре разведка доложит Сталину: план войны против СССР готов — определен перечень из 20 советских городов, на которые предлагается сбросить атомные бомбы. А у берегов Чукотки начали крутиться американские боевые корабли, промеряя фарватеры, как это обычно делается перед высадкой.

В небе над Анадырем и бухтой Провидения зачастили самолеты-разведчики с Аляски, где — об этом неосторожно пишет тамошняя пресса! — проверяется пригодность вооружений к действиям в арктических условиях. Эти бесхитростные заметки

● Теплоход «Джурма» — один из судов конвоя, вышедшего на Чукотку в сентябре 1945 года.

[Поиски пути в Китай продолжил Стивен Барроу, капитан корабля «Иши наживы». У Кольского полуострова британцам встретились русские промысловые суда, поморы показали англичанам путь к Новой Земле. Но к югу от нее, дальше острова Вайгач, разделяющего Баренцево и Карское моря, британский корабль тоже не пустили льды.

[Из Англии стартовала очередная экспедиция на двух кораблях во главе с Артуром Пэтом и Чарльзом Джекманом. Экспедиции предписывалось достичь устья Оби и обследовать реку, продвинувшись как можно

дальше в глубь материка. Затем плыть на восток в поисках пролива Аниан, за которым к югу лежат «владения могущественного государя, императора китайского». Открытие пролива следовало держать в тайне из опасе-

ний международной конкуренции. Очевидно, англичане планировали завязать тесные контакты с местными народами в обход Ивана IV Васильевича. Ведь о том, что самоеды и югра (ненцы и ханты) — данники москов-

1553 год

1580 год

убедительнее даже ястребиной риторики американского президента Трумэна: «Наши соглашения с Советским Союзом до сих пор являли собой движение в одну сторону, и такое движение не может продолжаться; это следует решить сейчас или никогда». И красноречивее хамских заявлений заместителя министра иностранных дел Великобритании сэра Александра Кадогана, еще недавно называвшего Сталина «великим человеком»; теперь он говорит о русских: «Как можно работать с этими животными? Мы должны стоять «у своих орудий»... Нужно прекратить умиротворение красных до того, как станет поздно». Атомная эйфория кружит головы вчерашним союзникам. С бомбой Америка непобедима, теперь она диктует условия.

Потому и диспозиция для Советского Союза предельно понятна: потерять Чукотку — это и Камчатку не удержать. Да и весь Дальний Восток — тоже. Потому так стремительно разрабатывалась операция советским командованием. Потому в такой спешке десять тысяч мужчин в серых шинелях высаживались на густо припорошенные снегом скалы бухты Провидения.

«СТРАШНАЯ ЗИМА БЫЛА, УЖАСНАЯ...»

Выгрузка — бегом-бегом: кораблям надо успеть вернуться — иначе бухту забьет льдом и придется здесь зимовать. Первая бригада остается в гавани Эмма. Вторая «садится» в поселке Урелики. Третьей надлежит прикрыть Анадырь. В считанные недели безжизненное, дикое место должно превратиться в мощный укрепрайон. Вершины сопки займут зенитные батареи, вдоль береговой полосы разместится полевая артиллерия, в укромных логах спрячутся танки. К многочисленным огневым точкам надо провести дороги, в землю вогнать склады боеприпасов и резервуары с горючим. Офицеры и солдаты кайлят скалу и неотличимую от нее промерзшую землю, роют окопы, котлованы для огневых точек и позиций, норы-землянки, ставят палатки...

Как они там, на краю света, жили в палатках при морозах до минус 60°, когда даже дышать тя-

Владимир БОГОМОЛОВ, автор знаменитых «Зоси», «Ивана» и «Момента истины», а еще написавший повесть «В кригере» о переброске войск на Чукотку, вспоминал: «Получил назначение на должность командира роты автоматчиков в 126-й горно-стрелковый корпус. Корпус этот перебросили на край света из южной Германии. Конец октября на Чукотке это уже настоящая зима — с пургой, морозами... А нас — в палатки! Страшная зима была, ужасная... Людей теряли...

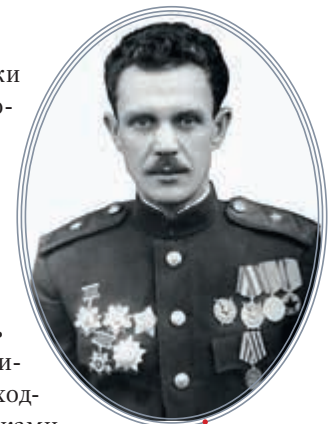
От нашей палатки до сортира был натянут стальной трос — метров 15. На нем висела рукавица со сцепленными пальцами. Выходишь в пургу по нужде, надеваешь эту рукавицу и идешь с ней по тросу. Всякий раз в пургу назначался спецнаряд. Если человек через полчаса не возвращается, дневальный поднимает наряд — и на поиск. В новогоднюю ночь один поддатый капитан ушел по такому тросу. Останки нашли только летом... Топили углем. Ходили за ним на копи: 32 километра в одну сторону».

жело (пар от дыхания превращается в льдинки и забивает нос) — отдельный мужской разговор...

Жившим в Уреликах повезло больше: солдаты выстраивались шестикилометровой цепочкой от пирса, куда с транспорта свалили уголь, до поселка и передавали рюкзаки с углем из рук в руки...

Только в 1948 году сюда стали завозить парходами лес для казарм и прочий строительный материал. И уже через год первопроходцы жили в казармах, построенных своими руками. А корпус развернулся в 14-ю ударную армию специального назначения, в составе которой уже числились 116-я, 117-я и 121-я стрелковые дивизии. Были у нее и свои самолеты: переброшенные с Камчатки истребители и бомбардировщики образовали 95-ю смешанную авиадивизию. Штаб армии получил подробные оперативные топографические карты Аляски, Канады и Тихоокеанского побережья США. Причем замечательного качества: с обозначенными даже небольшими фермами и бродами на крохотных речушках.

17 июля 1948 года командармом — сразу после окончания академии — назначат Героя Советского Союза генерал-лейтенанта Николая Олешева. Кавалера четырех полководческих орденов: Суворова II степени, Кутузова II степени (дважды),

ского царя, в Европе было известно. Однако британцам удалось продвинуться ненамного дальше Барроу: суда уперлись во льды в проливе между материком и островом Вайгач. И не добрались даже до Оби.

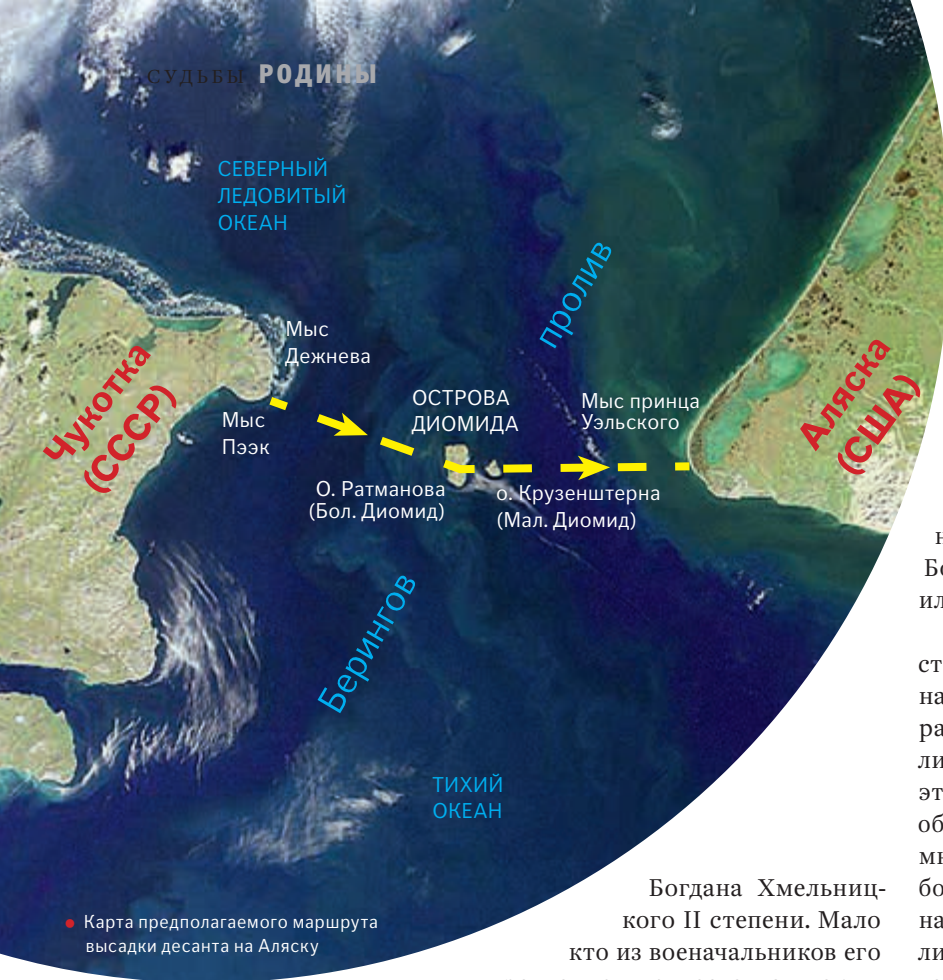
[К Ивану Грозному отправился посол Елизаветы I с настоятельной просьбой: «Чтоб государь позволил ходить на Русь торговать одним англичанам», а все прочие европейские купеческие суда не пускал ни на Кольский полуостров, ни на Двину, ни на Обь, ни к реке Ислендь — Енисею.

Морской путь до Енисея еще не был толком разведан поморами, тем не менее британцы заранее заявили претензии на торговое освоение необжитых краев. Иван Грозный решительно отверг их требование.

[Поисками северо-восточного пути в Китай занялись голландцы. Экспедиция, возглавляемая Оливером Брюнелем, достигла Новой Земли, но опять же не смогла выйти в Карское море.

1583 год

1584 год

● Карта предполагаемого маршрута высадки десанта на Аляску

Богдана Хмельницкого II степени. Мало кто из военачальников его ранга мог похвастаться таким набором наград. О его личном мужестве на фронтах Великой Отечественной войны ходили легенды. А на последней, советско-японской, именно войска Олешева «перепрыгнули» Хинганский хребет и за 15 дней прошли почти тысячу километров, свалившись как снег на голову японцев.

И командарм Олешев, и флагман чукотского конвоя капитан-лейтенант Михайлин были людьми, способными точно и четко действовать в любой нештатной ситуации. О таких писал в повести «Затяжной выстрел» Анатолий Азольский:

«Лейтенант Манцев — человек, созданный для боя.

Еще точнее, для первого часа войны, а именно тогда понадобятся люди, способные принять непредсказуемо верные решения. Мне он тоже не нравится — Манцев. Но не о себе надо думать. О противнике. Ему Манцев не будет нравиться еще больше...».

На Чукотку сознательно отправляли офицеров и генералов, которые не всегда нравились начальству, но всегда были готовы взять на себя ответственность на открытие огня в первый час войны. А готовились именно к ней.

МАРШ-БРОСОК ЧЕРЕЗ БЕРИНГОВ ПРОЛИВ

У командарма-14 не было времени на раскачку: возле берегов Аляски и Чукотки шли непрерывные военные маневры американцев. У Владимира Богомолова в незавершенной книге «Жизнь моя, или ты приснилась мне...» читаем:

«Разведывательные американские самолеты стали регулярно появляться над расположением нашей бригады. Броневые орудийные башни кораблей разворачивались в нашу сторону, спускались катера, полные вооруженных матросов. Все это было явным вызовом — в бригаде каждый раз объявлялась боевая тревога. С весны сорок шестого мне снились кошмарные сны: вооруженные до зубов американские солдаты в меховых комбинезонах на джипах, «доджах» и бронетранспортерах катили по снегу через пролив... лезли, перли на нашу территорию».

Генерал-лейтенант Олешев отчетливо понимал свою задачу: в случае нападения США на Советский Союз высадиться на Аляске и нанести ответный удар. Потому в обходе 14-ю армию называли десантной или армией вторжения. А солдаты помимо обороны отрабатывали длительные марши: ширина Берингова пролива всего-то 86 километров!

«В декабре, — вспоминал один из офицеров, — полк выступил в тренировочный поход в сторону островов Ратманова, где между нашим клочком суши (Большим Диомидом) и американской скалой (Малым Диомидом) было всего семь километров Берингова пролива. Гремели на расширенных гусеницах самоходки, рычали натужно трактора, волоча за собой на деревянных санях пушки, а мы — лыж

[Голландская экспедиция под командованием Б. Ная и К. Тоталеса сумела пройти немного дальше Вайгача. Но она ошибочно приняла Байдарацкую губу у западного берега полуострова Ямал за устье Оби. Часть материка возле этой губы (Югорский полуостров) европейцы красноречиво назвали Новой Голландией. В экспедиции участвовал Виллем Баренц.

[Две следующие голландские экспедиции проходили уже под руководством Баренца. В ходе последней он решил обогнуть Новую Землю с севера. Это удалось, но во время зимовки на архипелаге Баренц погиб.

Перед уходом к Новой Земле его последняя экспедиция открыла для Европы архипелаг Шпицберген — давно знакомый русским поморам Грумант. Море, известное со времен вольного

● Высадка артиллерии с десантного корабля.

ПЕШКОМ —
ЗА ДВА
ДНЯ, А НА
ТЕХНИКЕ —
МУХОЙ!

в армию не завезли — шли пешком. Шли ночью и днем, рядом весело бежало несколько штабных собачьих упряжек с документацией. Самой желанной для нас была команда: «Стой, привал!». Пехота тут же валилась на наст, мгновенно засыпая, чтобы через 10 минут вновь брести в сторону англо-американских империалистов.

Палаток с собой не брали. Через полсотни километров, выстроившись в боевые порядки и изобразив стрельбу в сторону врага, пошли обратно».

Солдаты и офицеры с россыпью наград на гимнастерках и двумя войнами за плечами готовы были к броску через пролив. Пешком — за два дня, а на технике — мухой! Нам бы только за бережок зацепиться... А уж там по шоссе через Канаду — до самого Вашингтона, всего-то три тысячи верст. При поддержке авиации, при снабжении по железной дороге, при нашем-то боевом настрое! Нам бы только за бережок...

ОТВЕТНЫЙ ПЛАН «КОРЫТО»

Но не дремал и противник. Даже эскимосов он посылал через пролив на разведку.

ОСОБАЯ ПАПКА

Совершенно секретно
Экз. единств.

14 февраля 1948 г.

В течение 1947 г. Министерство внутренних дел СССР докладывало, что на участке 110-го пограничного отряда МВД, расположенного на Чукотском полуострове, возросла активность американской авиации и морского флота.

Организованным наблюдением за поведением эскимосов, прибывших с Аляски, было установлено, что американцы стараются использовать этих эскимосов для сбора разведывательных данных о положении на Чукотке. Если в прошлые годы с американской стороны обычно приходили эскимосы — старики и женщины, в большинстве случаев имевшие на нашей территории бытовые и родственные связи, то в 1947 г. этих категорий эскимосов не было, а в основном к советским эскимосам «в гости» прибывали мужчины в возрасте от 20 до 35 лет, как правило, не имеющие родственных связей в нашей стране.

Американские эскимосы в процессе общения с советскими эскимосами стараются получить путем расспросов данные о наличии на Чукотке советских войск, государственных учреждений, о состоянии экономики, военном строительстве и настроении населения.

На основании изложенного МВД СССР считает установленным, что за последнее время на Аляске проводятся военно-подготовительные мероприятия для дислокации сухопутных войск, авиации и морского флота. Кроме того, ведется воздушная и морская разведка Чукотского моря, Берингова пролива и побережья Чукотского полуострова. Пограничными войсками МВД СССР проведен ряд мероприятий по усилению наблюдения за побережьем Аляски. В этих целях увеличено количество пограничных, наблюдательных постов, которые оснащены необходимыми средствами наблюдения. Кроме того, начальнику 110-го пограничного отряда даны указания о подготовке для отправки на Аляску в разведывательных целях в 1948 году нескольких квалифицированных агентов из числа эскимосов.

Министр внутренних дел СССР С. Круглов

Новгорода как Мурманское (а позднее Северное, Московское, Ледовитое), в XIX веке европейцы назвали Баренцевым.

В следующем столетии голландцы организовали еще несколько арктических плаваний, но корабли застревали там же, у западных пределов Карского моря. Во второй половине XVII столетия в Европе пришли к выводу, что Новая Земля соединена с материком и Гренландией как перешеек, и, значит, северного морского пути в Китай не существует.

[В год, когда русский престол пустовал, английская «Московская компания» представила королю Якову I проект отторжения от России и превращения в английскую колонию всего севера и востока по Волге вплоть до Каспий-

ского моря. Европейские проекты торговой колонизации сменились идеями силового захвата русских земель. Воспользоваться Смутой решили и шведы, вновь после русско-шведской войны 1590-х гг. попытавшиеся

осуществить свою геополитическую грезу по военной захвату Карелии, Мурманя и Поморья — и вновь безуспешно.

1612 год

Число шпионов и диверсантов, разоблаченных на советско-американской границе, по сравнению с довоенным временем возросло в 1,5 — 2 раза. Участились случаи нарушения Государственной границы американскими судами — якобы для браконьерского лова рыбы и морского зверя американскими судами. Активизировалась техническая разведка морского побережья и Северного морского пути. А директор ФБР Эдгар Гувер в начале 50-х годов разработал план на случай военного вторжения Советского Союза на Аляску.

План получил название «Корыто» и просуществовал с 1951 по 1959 год. В нем рассматривался единственный вариант действий Советской армии — атака с воздуха и высадка десанта. Поэтому на Аляске создавалась сеть тайных агентов. В случае начала войны они должны были пробираться к тайникам с запасами еды, воды, теплой одежды и аппаратуры. И оттуда передавать американским службам данные о дислокации и перемещении советских войск.

На случай больших потерь агенты были подготовлены резервные группы, которые должны были попасть на территорию штата Аляска с воздуха. Вербовались разные категорий людей: судьи, врачи, почтальоны, охотники, рыбаки. Их учили шифровке-дешифровке, работе с радио и прыжкам с парашютом. Причем коренных жителей — эскимосов, алеутов и индейцев — вербовали с осторожностью. В плане отмечалось: «Избегать ввиду их склонности к злоупотреблению спиртными напитками и безразличия к законным властям и политическим системам... Их заботит прежде всего выживание, и они будут лояльны любой установившейся власти».

Завербованным платили по три тысячи долларов в год (сегодня это 30 000 долларов). После начала войны оплату планировалось увеличить вдвое.

А ПОТОМ ПОЯВИЛИСЬ РАКЕТЫ...

В августе 1949 года у нас появилась своя атомная бомба и одновременно средство ее доставки — бомбер Ту-4 (подробнее о нем — на стр. 50), копия американского В-29 «Суперкрепость». Того самого, что бомбил Хиросиму и Нагасаки. И 14-я армия начинает строить аэродромы подскока для Ту-4 (его дальность всего 5100 км) на базе площадок, оставшихся от авиатрассы «АлСиб» (Аляска—Сибирь, по которой перегоняли ленд-лизские «аэрокобры», «бостоны» и «митчеллы»).

Сколько же их было построено в 50-х! Вот только основные вдоль побережья: Мурманск, Оленья, Сафоново, Архангельск, Амдерма, Воркута, Диксон, Норильск, Игарка, Дудинка, Хатанга, Тикси, Чокурдах, Черский, Нижнеянск, Певек, мыс Шмидта, Анадырь... Именно с них взлетали на перехват американских разведчиков «мигари» и «сушки», на них до 500 раз в год садились для дозаправки гиганты-«стратеги». Но в 90-е мы вдруг уверовали, что никому до нашей Арктики дела нет. На аэродромы пришла разруха. Последний пример — Тикси: забросили аэродром и заполярный город едва не умер.

ЧИСЛО ШПИОНОВ И ДИВЕРСАНТОВ, РАЗОБЛАЧЕННЫХ НА СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКОЙ ГРАНИЦЕ, ВОЗРОСЛО В 1,5 — 2 РАЗА

А еще на Чукотке в конце 50-х прямо в сопке была построена ядерно-техническая база. От двухкилометровой подковы тоннеля рельсы узкоколейки уходят в бетонированные залы высотой с трехэтажный дом и площадью в половину футбольного поля. Каждый зал отделен стальными сейфовыми дверями толщиной четверть метра. Сам тоннель в нескольких местах перекрывается 80-тонными воротами, которые выдерживают ядерный взрыв. Сделано на века! В свое время на обслуживание и прикрытие этого хозяйства была поставлена целая дивизия. Но научно-технический прогресс стремительно менял стратегию и тактику современной войны. И роль «армии вторжения», ставшей мощным сдерживающим фактором в послевоенное десятилетие, неуклонно снижалась.

К тому же денег на грандиозные стройки стране, поднимавшейся из руин, не хватало. Сразу после смерти Сталина

Царский указ запретил плавание по морю в «златокопьящую» Мангазею (портовый торговый город у Обской губы), чтобы не открыть иностранцам дорогу в богатейшие края. У поморов эти ходы считались заповедными, секретными. При встречах в море с иностранными судами русские нередко хитрили. Голландец Я. Г. ван Линсхотен, участник экспедиции В. Баренца, описал по их лукавым рассказам путь

до Оби: морем вокруг полуострова Ямал. На самом деле русские промысловики этим маршрутом не пользовались — он был непроходим из-за льдов. Заповедный поморский путь на Обь лежал поперек Ямала — по рекам, а между реками — волоком. Точно так же ходили к Енисею и дальше на восток.

Правительство в сохранение этой тайны запретило передавать иностранцам сведения о морских путях в Си-

1619 год

● Анадырь сегодня. Издалека можно принять за теплый черноморский городок.

постановление Совмина СССР «Об изменении строительной программы 1953 года» подтвердило эту реальность: «Прекратить строительство следующих объектов: п. 1.б) — железная дорога Чум—Салехард—Игарка, судоремонтные мастерские, порт и поселок в районе Игарки; п.4.а) — прекратить комплектование двух дорожно-строительных дивизий, на которые возложено выполнение работ по строительству железной дороги Петропавловск-Камчатский—Усть-Большерецк и автомобильной дороги Усть-Большерецк—Озерновский; расформировать дорожные военно-строительные части для выполнения работ по строительству дорог на Кольском полуострове, в Архангельской области и на побережье Балтийского моря».

А ведь был начат еще и тоннель на Сахалин под Татарским проливом...

К 1957 году большая часть 14-й армии была выведена на «большую землю». На смену бомбардировщикам шли ракеты....

Наша отечественная конквиста — драматическая история освоения русских Северов и битвы за российскую Арктику — всего лишь страничка славной истории нашей Родины. Из которой не вычеркнуть ни сталинских военных строителей, ни тех,

кто задолго до них начинал осваивать русские окраины и торить путь к Тихому океану. Безымянные новгородские ушкуйники, Ермак Тимофеевич, Дежнев, Хабаров, Атласов, Великая Северная экспедиция, впервые описавшие Таймыр братья Лаптевы, открывший самый северный мыс Евразии Челюскин, гидрографы Литке, Толль, Русанов, военные моряки и летчики, просто строители, рабочие, заключенные сталинских лагерей... Да всех и не перечислить. Имена некоторых остались на карте наравне с именами царственных особ: море Лаптевых, пролив Вилькицкого, берег Прончищевых (наши полярные Петр и Феврония)... Имена всех других, как говорится, «ты, Господи, ведаешь».

Они смотрят на нас из своего далекого далека: ребята, помните, *это наша земля!*

бирь. За разглашение грозила смертная казнь. А царь пошел даже на беспрецедентный указ 1619 года, который, естественно, шел вразрез с экономическими интересами своих же поморов, развитием русского арктического мореходства и приполярных городов. И даже поморские путеводные знаки — традиционные кресты по берегам — были уничтожены.

Впрочем, у европейцев и не было шансов пробиться

на восток путями поморов. Крупные суда с глубокой осадкой, не приспособленные к плаванию в ледяных морях, тем более к волоковой тяге, не выдерживали конкуренцию с русскими ладьями-кочами. Кочи, имевшие яйцообразный корпус и дополнительную защитную обшивку — «ледяную шубу», при попадании в ледовое поле выжимались на поверхность льда, по которому суда можно было тянуть канатами.

[Семен Дежнев, Федот Попов и Герасим Анкудинов на трех кочах прошли по легендарному «проливу Аниан» между Азией и Америкой. Русские землепроходцы прославили и вписали в историю свои имена. И окончательно посрамили европейцев, почти уверившихся к тому времени, что ходу на восток нет...

1647 год <

РАЗБОР ПОЛЕТОВ

Ту-4: бомбардировщик для ядерного удара по Америке

ОН САДИЛСЯ НА ДРЕЙФУЮЩИЕ ЛЬДЫ АРКТИКИ И БЫЛ ТОЧНЫМ АНАЛОГОМ Б-29, СБРОСИВШЕГО АТОМНЫЕ БОМБЫ НА ХИРОСИМУ И НАГАСАКИ.

ТЕКСТ **Семен ЭКШТУТ**, доктор философских наук

• Зрители наблюдают за полетом пассажирского самолета Ту-70 — гражданской модификации стратегического бомбардировщика Ту-4 — на авиационном празднике в Тушино. 3 августа 1947 года. РГАКФД.

Вспоминает один из создателей Ту-4 академик Н.Н. Шереметьевский:

«Где-то в конце 1945 года

сажают как будто на Дальнем Востоке американский стратегический бомбардировщик «Боинг Б-29» и «отец народа» говорит А.Н. Туполеву: «Точно копировать, ничего не меняя». Воспроизводя американский самолет, мы создали электротехническую промышленность совершенно нового уровня, которого у нас не было. Были созданы новые изоляционные материалы, щетки для электрических машин, новые провода, новые конденсаторы, новая коммутационная аппаратура. Таким образом, в этом смысле указание тов. Сталина было правильным, потому что, хотя и сдерживался в какой-то мере авторский и творческий порывы, но на самом деле мы не доросли до того, что увидели».

Воспоминания академика нуждаются в комментариях. Стратегический бомбардировщик Б-29 стал вехой в истории мировой авиации: ни одна из воюющих стран, кроме Америки, не имела подобного 4-моторного гиганта. С 26 июня 1943 года до мая 1946 года в Америке было выпущено 4000 самолетов различных модификаций. «Суперкрепость» прекрасно проявила себя во время боевых действий США против Японии на Тихом океане. А летом 1945 года Сталину был вручен альбом, специально подготовленный американским командованием: сделанные с борта самолета впечатляющие фотографии бомбардировок японских городов и военных объектов...

Это оружие считалось секретным, попытки СССР получить «Суперкрепость» по ленд-лизу наталкивались на вежливый, но твердый отказ. И тогда товарищ Сталин пошел другим путем.

Еще 29 июля 1944 года американский бомбардировщик Б-29 с бортовым № 42-6256 совершил вынужденную посадку в 30 километрах от Владивостока. Перед приземлением американские летчики успели уничтожить секретные документы, радиооборудование и прицел для бомбометания. Самолет перегнали в Москву, причем советский

летчик-испытатель С.Б. Рейдель, поднявший его в воздух, был удостоен ордена Ленина — высшей правительственной награды в СССР.

Любимец вождя Главный маршал авиации Александр Евгеньевич Голованов не побоялся предложить Верховному Главнокомандующему нетривиальное решение: в кратчайшие сроки освоить технологию производства американского стратегического бомбардировщика и наладить копирование Б-29 на советских оборонных заводах. 5 июня 1945 года в кремлевском кабинете Сталина состоялось совещание, на котором Туполеву было отпущено два года для практического воплощения замысла. Генеральный конструктор, на которого работали 900 предприятий, с задачей справился.

3 июля 1947 года первая из 20 опытных «тушек» поднялась в небо, а уже 3 августа во время воздушного парада в Москве восхищенные зрители наблюдали эффектный полет тройки стратегических бомбар-

и центральную позиции экипажа; советский стратегический бомбардировщик не имел встроженных топливных баков в крыльях. Но главное, этот самолет мог достичь территории США и сбросить атомную бомбу.

Предельная дальность полета не позволяла ему благополучно вернуться на свой аэродром. В случае ядерной войны Ту-4 стал бы стратегическим бомбардировщиком разового использования: у экипажа был билет только в одну сторону. Но Сталина это обстоятельство нисколько не смущало.

Тем не менее начиная с 1948 года в обстановке строжайшей секретности стали проводиться изыскания в Центральной Арктике, где было решено оборудовать аэродром подскока. И генерал-майор Михаил Васильевич Водошняков, прославленный полярный летчик и один из первых Героев Советского Союза, осуществил несколько экспериментальных посадок Ту-4 на дрейфующие льдины. А 2 апреля 1950 года была организо-

ТУ-4 СТАЛ БЫ СТРАТЕГИЧЕСКИМ БОМБАРДИРОВ- ЩИКОМ РАЗОВОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ: У ЭКИПАЖА БЫЛ БИЛЕТ ТОЛЬКО В ОДНУ СТОРОНУ

● Ту-4 вошел в историю «холодной войны», но, к счастью, не ядерной.

дировщиков Ту-4 (головной корабль пилотировал Главный маршал авиации Голованов) и пассажирского Ту-70 — его гражданской модификации.

«Их внезапное появление буквально ошеломило

десятки тысяч москвичей, заполнивших летное поле Тушинского аэродрома. И я очень хорошо помню, что все вскочили на ноги, начали кричать «ура!» и размахивать руками. Но дружный крик толпы был мгновенно заглушен ревом моторов. Казалось, что эти гиганты подавляют своей мощью», — вспоминал очевидец воздушного парада Лазарь Львович Лазарев в повести «Коснувшись неба».

Ту-4 получился тяжелее американского образца; у советского аналога Б-29 не было герметического туннеля, соединяющего носовую

вану секретная научно-исследовательская дрейфующая станция «Северный полюс-2», призванная подготовить арктическое пространство для советской стратегической авиации...

Вождь получил средство доставки ядерного оружия, Туполев — орден Ленина и воинское звание генерал-лейтенанта, а Ту-4 стал выпускаться серийно. После того как советские конструкторы «научили летать» отечественную атомную бомбу, она была сброшена во время испытаний именно с Ту-4. И если Б-29 был снят с производства еще в 1946 году (американцы выпустили 4000 самолетов), то советский Ту-4 строился до 1952 года (свыше 400 самолетов, по другим данным — 850). Бомбардировщик даже экспортировали в Китай, а когда наступила эра реактивных самолетов, его стали использовать как воздушный дозаправщик топливом для самолетов дальней авиации.

АКТУАЛЬНОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ

Почему и сегодня вокруг Севморпути кипят политические страсти?

ТЕКСТ **Михаил ТИМОШЕНКО**

Помните старую карту СССР с пунктирными линиями, сходящимися на Северном полюсе? Они обозначали полярный сектор Арктики, унаследованный Россией от Советского Союза и Российской империи. Многие годы на него никто не покушался всерьез. Но в июне 1990 года в рамках «нового мышления» президент СССР Михаил Горбачев отдал США (линия Шварцбадза—Бейкера) 76 тыс. кв. км нашей экономической зоны в акватории Берингова моря, включая часть континентального шельфа с уже разведанными нефтегазоносными месторождениями. Потери России только в области рыболовства составили более 2 млрд долларов. Вдобавок американцы взялись оспаривать юрисдикцию России над островами Врангеля, Геральда, Беннетта, Генриетты, Медного, Сивуч и Калан.

А в 1997 году Российская Федерация столь же необдуманно ратифицировала Конвенцию ООН по морскому праву (принятую в 1982 году и фактически отменившую самое понятие «полярный сектор»). Вместо него мы получили всего лишь суверенную 12-мильную зону территориальных вод и 200-мильную исключительную экономическую зону.

Такое уничижительное отношение к своему добру не осталось незамеченным. И вот уже британцы заволновались о человечестве: «Отдайте Арктику России — и ждите новых экологических катастроф». Экологи подхватили: русские буровые — смерть белым медведям, а плавучие АЭС — всей планете. Эпидемия беспокойства охватила США, Канаду, Норвегию, Данию и даже Эстонию.

А возбудитель болезни — деньги.

Стоимость разведанных здесь запасов нефти, газа, металлов оценивают в 15 трлн долларов.

СТОИМОСТЬ
РАЗВЕДАННЫХ ЗДЕСЬ
ЗАПАСОВ НЕФТИ,
ГАЗА, МЕТАЛЛОВ
ОЦЕНИВАЮТ В 15 ТРЛН
ДОЛЛАРОВ

А подход к сокровищам один — Северный морской путь (СМП). Он вдвое короче любого пути из Европы в Азию. И, по международным законам, проходит по нашим внутренним морским водам и территориальным морям. А значит, за проход по нему надо платить, чего очень не хочется. Выход один — отнять Севморпуть у русских, взять под международный контроль, сделав интернациональным. За это стоит бороться и даже воевать. И вот уже чужие подлодки круглосуточно патрулируют в Баренцевом море, а над трассами СМП ежегодно фиксируется до 150 разведполетов...

Ответ России, как принято говорить, симметричен. Недавно Минобороны РФ заявило о строительстве в арктическом регионе 13 аэродромов и 10 радиолокационных станций. Строительство новых объектов уже идет на мысе Шмидта и островах Врангеля, Котельном, Земле Александры и Новой Земле. До 2017 года будут сформированы две мотострелковые бригады, чья задача — обеспечивать проход и сопровождение кораблей по Северному морскому пути.

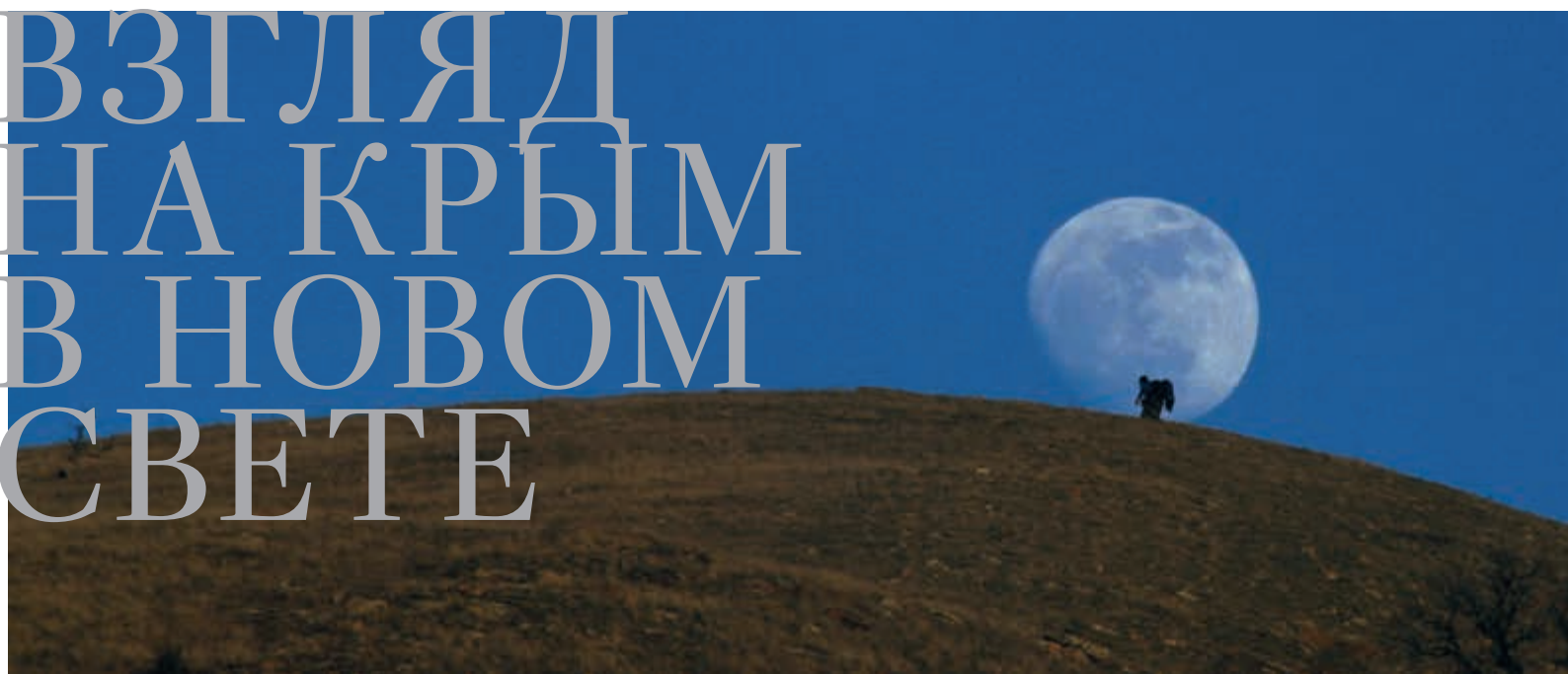

ПРИТЯЖЕНИЯ СТРАН НА АРКТИЧЕСКИЙ ШЕЛЬФ

- Зона России
  - Зона США
  - Зона Канады
  - Зона Дании
  - Зона Норвегии
- Границы 200-мильной экономической прибрежной зоны

ВЗГЛЯД НА КРЫМ В НОВОМ СВЕТЕ

ГОД НАЗАД ПОЛУОСТРОВ ВЕРНУЛСЯ В РОССИЮ, А НОВОСВЕТСКИЙ ФОТОГРАФ-КРАЕВЕД ЛЕВ АРХИПОВ — К СВОЕЙ ЗАВЕТНОЙ МЕЧТЕ.

• Крым. Новый Свет. Радуга.

ТЕКСТ **Игорь КОЦ**
ФОТО **Лев АРХИПОВ**

Мы познакомились прошлым летом, на пяточке в центре Нового Света, где отпускникам предлагают свежие персики, «малинку-витаминку» и съемные комнаты недорого. И только этот человек, одиноко стоявший в сторонке, предлагал пешие экскурсии по историческим местам.

— А вы мне расскажете, за что немцы расстреляли рабочих винзавода? — спросил я, чтобы завязать разговор. Фамилии рабочих выбиты на обелиске в скверике неподалеку. О них ни словом не обмолвился гид, что днем водил меня по знаменитому на весь мир заводу шампанских вин. Слово и не было здесь фашистской оккупации.

— А вам действительно это интересно? — недоверчиво взглянул на меня Лев Архипов. И повел за собой...

По специальности он ландшафтный дизайнер. Окончил Ленинградскую лесотехническую академию, тридцать лет назад осел в Новом Свете. Российскую потерю Крыма в 1991 году пережил как личную беду, его прошлогоднее возвращение — как семейный праздник. Потому и неспешные походы с Архиповым по новосветским окрестностям так разительно отличаются от суетливых забегов с заезжими экскурсоводами. Любой из них без запинки отгарабанит затертую до дыр байку про князя Льва Сергеевича Голицына, великого русского винодела, который в 1900 году на Парижской всемирной выставке шампанского посрамил французов своим фирменным «Коронационным». Лю-

бой распишет, как по тропе Голицына, вьющейся вдоль скалы, карабкались космонавты-отпускники из гагаринского призыва. И непременно подчеркнет, что культовая советская комедия «Три плюс два» снималась во-о-о в той роскошной бухточке.

Но только Архипов (у него в Новом Свете восемь фирменных маршрутов) поднимется с вами до выемок в скале, где были оборудованы немецкие пулеметные гнезда и откуда фашисты в январе 1942 года гвоздили наш обреченный десант. Только Архипов покажет место расстрела виноделов, отказавшихся делать для вермахта знаменитый брют. И только он подарит вам в конце экскурсии фотографию из своей удивительной коллекции...

Проблема, конечно, не в том, что в Крыму за 23 года украинской незалежности перевелись эрудированные экскурсоводы. Изменился, увы, сам взгляд на историю — сначала в циркулярах, а потом в учебниках и путеводителях. Гигантский, вырубленный в скале завод по ремонту подлодок в Балаклаве (600 метров вглубь, высоченные своды, подземные улицы, переулки, каналы) ударно возвели московские метростроевцы на случай ядерной войны. Лодки заплывали прямо из бухты в доки, где им не страшны были атомные бомбы. Никто, конечно, не предполагал, что со временем появятся ядерные субмарины, которые не протиснутся под землю. И завод станет всего лишь уникальным музеем.

— Объект строился под контролем министерства обороны Украины, — привычно тараторит гид.

— А в начале 50-х годов было такое министерство? — осторожно интересуюсь, тут же нарвавшись на неодобрительный взгляд:

— Вопросы в конце осмотра!

В Воронцовском дворце я узнал все — до последнего гвоздика — про паркет и обивку изумительного памятника зодчества. Но лишь две скучные фразы уделил гид Елизавете Воронцовой, возлюбленной Пушкина, которой он посвятил россыпи гениальных строк и которой писал накануне своей свадьбы: «В последний раз твой образ милый дерзаю мысленно ласкать...»

Пушкин не украинский герой. Слишком безнадежно русский. Александру Сергеевичу еще предстоит вернуться под обложки новых крымских справочников и школьных хрестоматий. Так же, как предстоит вернуться в Крым после многолетнего перерыва миллионам российских туристов, — и заново открыть его для себя.

Кто им поможет? Лев Архипов из Нового Света. Валерий из Херсонеса, тоже гид-самоучка, с которым мы бродили по древним развалинам:

— Я тридцать лет живу в Севастополе и думал, что эти люди, мои земляки, ни на что не способны.

● Лев Архипов нужен сегодня Крыму не меньше, чем надежные инвесторы.

Я был убежден, что это сонные пофигисты. Что им до лампочки то, что творилось на майдане. И тут во время митингов на Графской пристани я увидел их лица. И был потрясен! Это были лица тех, кто умирал на Малаховом, на Сапун-горе, лица с тех старинных гравюр, с военных фотографий... Как будто их души вселились в людей на Графской...

А самые поразительные гиды работают на диораме Сапун-горы: «Коммунистам и комсомольцам ставилась задача водрузить флаг на высоте... Зачем, ребята, водружается красный флаг?.. А вон слева, видите, боец закрывает собой командира... Вы знаете, ребята, почему командира надо закрыть собой?»

Что за чудо севастопольские дети. Вот они-то все знают.

Настоящие экскурсоводы нужны сегодня в Крыму не меньше, чем надежные инвесторы. Чтобы московские дети тоже все знали про Сапун-гору. И сибирские. И сахалинские. Мечта Льва Архипова — основать здесь маленькую турфирму. Выйти наконец из подполья со своими знаниями и маршрутами. Если говорить высоким штилем (который он ненавидит), Архипову нужна государственная программа возвращения исторической памяти. И в поселке Новый Свет, и в новом свете всей крымской жизни. Потому что Лев, конечно, делает удивительные фотографии, но разве этим обеспечишь семью...

А свою личную программу он защитил два года назад, 9 мая, когда повел группу из восьми питерских туристок на гору Сокол, что сторожит новосветскую бухту. И водрузил на вершине, как делал уже много лет, российский флаг. Но на сей раз это сильно не понравилось оказавшейся поблизости группе с западной Украины. Здоровенные лбы полезли срывать триколор. Завязалась драка, Льву выбили зуб. Но ленинградки стояли с ним спина к спине, бились с пьяными бандеровцами в кровь и флаг отстояли.

Потому что это не виртуальный крымнаш, вокруг которого бушуют интернет-страсти и через год после референдума. Это просто Наш Крым

ОПРИЧНИНА

НКВД XVI
века

ИЛИ

РЕФОРМА Ивана
Грозного?

*Массовые репрессии
вовсе не присущи
России исконно,
как продолжают
утверждать
западные политологи
и отечественные
мифотворцы*

• В. М. Васнецов. Царь Иван Васильевич Грозный. 1897.

ТЕКСТ **Дмитрий ВОЛОДИХИН**, доктор исторических наук

● М. Авилов.
Прогулка царевича
Ивана, сына
Ивана Грозного,
с опричниками.

В 2015 году исполняется 450 лет со дня учреждения опричнины. И, наверное, лет сто пятьдесят, как о ней спорят. Слишком часто к научным исследованиям примешивается политическое мифотворчество — то либерально-западническое, то патриотическое. Соответственно, и мифы то прекрасны, то ужасающи. Один шаг в науке сопровождается «сотней скачков мимо заставы» в общественной мысли. До сих пор нет согласия даже в том, с какой целью создавал опричнину царь Иван IV.

АППАРАТ ДЛЯ ТЕРРОРА?

Глубоко ошибаются те, кто считает: опричнина задумывалась как аналог НКВД в XVI веке. Изначально она не должна была иметь ни карательных, ни репрессивных функций.

Конечно, это звучит непривычно...

Но правда в том, что опричнина существовала всего-то семь лет и почти три года никаких массовых репрессий не было и в помине. Да, за эти годы было казнено несколько человек (менее десяти) — тех, кого царь считал изменниками. Но одиночные казни случались и до опричнины, и после нее. А вот «большой террор» был развязан лишь в 1568 году. И даже тогда удары долгое время наносились хаотично: в них видны бурные эмоции, захлестнувшие царя, но никак не размеренная работа карательной машины.

Во всяком случае, опричнина никак не проявление «вечного» и «естественного» для русского народа сочетания холопства с тиранией, о чем любят сегодня порассуждать политические «аналитики».

Больше того, если спускаться от эпохи Ивана Грозного дальше и дальше в колодезь времен, то станет очевидным: Русь на протяжении нескольких веков не знала массовых репрессий. Они разворачивались за ее пределами. А на русскую территорию просто не допускались. Никакая «азиатчина»

и «татарщина» не привили русским землям вирус жестокости. Русь знала Орду с середины XIII века — но свирепости от нее не научилась. На войне, в бою, в запале, в только что взятом городе, когда ратники еще разгорячены недавнею сечей, — случалось разное. Крови хватало. Но не по суду или, хуже того, в результате бессудной расправы, связанной с каким-нибудь «внутренним делом».

Ни малейших признаков масштабного государственного террора!

Можно твердо назвать дату, когда массовые репрессии вошли в политический быт России. Первая половина — середина 1568 года. И родоначальником их стал не кто иной, как государь Иван Васильевич.

КАЛЬКА ЕВРОПЕЙСКИХ «УЧЕБНИКОВ»?

Его современники-поданные были смертно изумлены невиданным злодейством: слуги монархии убили несколько сотен виноватых и безвинных людей, в том числе детей и женщин. Несколько сотен! Это выглядело как нечто невероятное, непредставимое. Царь устроил по сути революцию в русской политике, повелев уничтожать людей в таких безумных количествах. Да, для XVI века не 4000¹, и даже не 400, а всего лишь 100 жертв репрессий были далеко за рамками общественной нормы и морали.

А уже в зиму 1569—1570 годов счет пойдет на тысячи...

Что же произошло? Что спровоцировало царя не беспрецедентные репрессии? И не стало ли государево нововведение результатом «импорта»? Ведь политическая культура Западной Европы XVI столетия отличалась гораздо большей жестокостью, нежели русская:

ТЕРРОР В ЕВРОПЕ XVI ВЕКА: КАК ЭТО БЫЛО

Торквемада, основатель испанской инквизиции, появился на политических подмостках Европы задолго до Ивана Грозного.

Королева Мария Тюдор за доброе десятилетие до опричнины принялась массово жечь протестантов на землях «просвещенной» Англии. Причем, как на грех, примерно тогда же между Московским государством и королевством Английским были установлены дипломатические отношения. В Москве с интересом ознакомились со свежим политическим опытом новых союзников...

Во Франции кровопролитные войны между католиками и гугенотами тоже начались до того, как у нас появилась опричина. Достаточно вспомнить знаменитое побоище в Васси.

Расправы шведского короля Эрика XIV над собственными подданными, особенно аристократией, шли фактически параллельно опричнине... но все же чуть раньше царского «срыва» 1568 года.

Буйства нидерландских иконоборцев относятся к 1566 году. Накануне, так сказать...

Ответные зверства герцога Альбы в тех же Нидерландах — вторая половина 1567 года. Впритык!

О, у государя Ивана Васильевича были отличные «учителя»! Российская дипломатия, связывавшая царский престол с множеством европейских, подпитывала Ивана IV сведениями о политических «новинках». Но если Московское государство, с легкой руки первого русского царя, действительно заимствовало практику массовых политических репрессий у Европы, то это был опыт, требовавшийся православной державе меньше всего.

ВОЕННО-ДУХОВНЫЙ ОРДЕН?

Часто пишут, что опричина являлась русским аналогом военно-монашеских орденов Европы, некой высшей формой духовного служения государю. В разное время историки и публицисты считали ее то «сверх-монастырем», то, напротив, изощренным издевательством над православными церковными устоями.

К опричному времени относятся известия о странном мистическом ордене, основанном царем из опричной «гвардии». В это «братство» вошли около 500 человек, которые должны были во время езды «иметь известное заметное отличие: собачьи головы на шее у лошади и метлу на кнутовище. Это обозначает, что они сперва кусают, как собаки, а затем выметают все лишнее из страны»². Носить они должны были грубые и бедные верхние одежды из овчины наподобие монашеских. Зато под ними скрывалось одеяние из шитого золотом сукна на собольем или куньем меху.

Основным источником по истории «братства» является послание немцев-опричников Таубе и Крузе польскому гетману Яну Ходкевичу, памятник противоречивый и далеко не достоверный. Планы обоих немцев потерпели в России крушение, к царю да и в целом к стране они относились неприязненно; ожидать от них объективности не приходится. Однако ничего лучшего в распоряжении историка нет.

Итак, вот их слова: «Этот орден предназначался для совершения особенных злодеяний... Монастырь или место, где это братство было основано, был... в Александровской слободе... Сам царь был игуменом, князь Афанасий Вяземский — келарем, Малюта Скуратов — пономарем; и они вместе с другими распределяли службы монастырской жизни. В колокола звонил царь со своими сыновьями и пономарем. Рано утром... должны были все братья быть в церкви... В этом собрании поет царь со своими братьями и подчиненными попами с четырех до семи. Когда пробивает восемь часов, идет он снова в церковь, и каждый должен тотчас появиться. Там он снова занимается пением, пока не пробьет десять. К этому времени уже бывает готова трапеза, и все братья садятся за стол. Он же, как игумен, сам остается стоять, пока те едят... Когда трапеза закончена, идет сам игумен ко столу. После того как он кончает еду, редко пропускает

он день, чтобы не пойти в застенок, в котором постоянно находятся много сот людей; их заставляет он в своем присутствии пытаться или даже мучить до смерти... Что касается до светских дел, смертоубийств и прочих тиранств, и вообще всего его управления, то отдает он приказания в церкви. Для совершения всех этих злодейств он не пользуется ни палачами, ни их слугами, а только святыми братьями...

• «Благословенно воинство Небесного Царя» (в советском искусствознании — «Церковь воинствующая») — икона, написанная в 1550-х годах по заказу Ивана Грозного в память о его Казанском походе 1552 года.

Все братья и он прежде всего должны носить длинные черные монашеские посохи с острыми наконечниками... а также длинные ножи под верхней одеждой, длиною в один локоть...»³

Существование опричного братства — явление кратковременное. Оно не могло появиться ранее окончательного переезда Ивана IV в Слободу (вторая половина 1568 года) и вряд ли пережило период, когда казни обрушились на само опричное руководство (первая половина — середина 1570 года) и ушел из жизни в том числе «келарь» князь Афанасий Иванович Вяземский⁴. На самом деле, быть может, вся история странного Слободского ордена насчитывает несколько месяцев, а то и недель. Твердо же можно говорить о нескольких месяцах в середине 1569 года (до Новгородского похода Ивана Грозного), а также о первой половине 1570-го.

Попытки проследить историю Слободского ордена напоминают блуждание в потемках; невозможно определить, где лгут, а где говорят правду Таубе и Крузе. Но в любом случае это всего лишь эпизод семилетней истории опричнины и явно не главное ее предназначение.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ РЕФОРМА?

Так чем же в действительности являлась опричнина?

Прежде всего — государственной реформой, набором чрезвычайных мер, которые должны были укрепить вооруженные силы.

С 1558 года Россия вела тяжелую, кровопролитную войну за Ливонию — обширную область в Прибалтике. Ее противниками выступили три сильные державы: Ливонский орден, Речь Посполитая и Швеция. Первое время боевые действия складывались удачно для войск Ивана IV. Но в 1564 году произошел перелом. На сторону врага перешел видный воевода князь Андрей Курбский, русское войско потерпело тяжелое поражение от литовцев, а татары совершили набег на Рязань, едва спасенную от взятия и разгрома.

В этих условиях царь потребовал дать ему особые полномочия и получил их от Боярской думы.

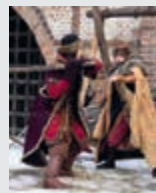
По его приказу был создан особый корпус из 1000 привилегированных бойцов (позднее их стало намного больше). Им давали землю вокруг Москвы и в областях по соседству. Из этой тысячи постепенно вырос опричный боевой корпус, который не только

кинообразы опричнины

ОНИ ВОЗНИКАЛИ ВО МНОГИХ ФИЛЬМАХ ЕЩЕ С 1910-Х ГОДОВ. НО ЯРКИХ КИНООПРИЧНИКОВ НЕ ТАК УЖ МНОГО

Опричнина вошла в большой кинематограф по воле режиссера Сергея Эйзенштейна. В его фильме 1940-х годов «Иван Грозный» образ опричнины противоречив и сложен. Опричники — верные псы царя, особенно Малюта Скуратов, но это злые и корыстные люди. Они вроде бы выжигают измену, но не забывают позаботиться и о себе. Для Михаила Жарова, сыгравшего Малюту, это была одна из звездных ролей.

В телесериале Андрея Эшпая «Иван Грозный» (2009) опричники лишены ореола своеобразного темного величия, какое было у них в предыдущих кинолентах. Здесь это мелкие пошлые пакостники.

Фильм «Царь Иван Грозный», снятый в 1991 году Геннадием Васильевым по повести А.К. Толстого, к опричникам беспощаден. Режиссер не просто показал опричников злодеями, он связал их с бесовщиной и колдовством.

А в кинокартине Павла Лунгина «Царь» (2009 год) опричнина — знак падения Руси в какую-то черную языческую древность. Главные злодеи фильма — опричники Федор и Алексей Басмановы, а также Малюта Скуратов. Все они как будто расчеловечены, вчистую лишены совести и сострадания.

использовался для охранной и карательной работы, но и воевал. Документы XVI века ясно говорят: опричные полки (именно полки, а не какие-нибудь «зондеркоманды») более десяти раз участвовали в оборонительных и наступательных операциях русской армии.

Царь лично, без совета с аристократией, назначал воевод в свою новую армию. А для управления ею и всеми землями, которые выделялись для ее обеспечения, создал вторую Боярскую думу. Из Кремля Иван IV перешел в новую резиденцию; она располагалась приблизительно там, где сейчас улица Воздвиженка втекает в Моховую.

Вот эти и было названо «опричниной».

Прочие территории управлялись старой Боярской думой, выставляли в поле армию, набранную по старым принципам, и назывались «земщиной».

ИТОГИ:

БОЛЬШАЯ КРОВЬ И МАЛЫЕ ПОБЕДЫ

Идея опричнины была вполне здоровой и вовсе не утопической. Власть над Московским царством делили в ту пору государь и высшая аристократия. По сути это не самодержавие, а двоевластие. Боярская дума была аристократическим советом при особе государя, и без Думы тот не мог и шагу ступить. Только из аристократов набирали главнейших воевод. Только аристократы ставились наместниками в крупные города и на высшие административные должности.

Долгое время знать неплохо справлялась с ролью правящей элиты. Вела царские полки от победы к победе, проводила государственные преобразования, умело занималась администрированием. Но вот затянулась Ливонская война, и правление аристократов начало давать сбои. Самый значительный из них: перебежчик князь Курбский — аристократ. А в 1564 году литовцы разгромили армию, которой командовал знатнейший человек — князь Петр Шуйский.

● К.В. Лебедев. Царь Иван Грозный просит игумена Кирилла (Кирилло-Белозерского монастыря) благословить его в монахи.

Идея опричнины заключалась в том, чтобы отобрать у высшей знати монополию на ключевые посты, особенно в армии.

Создавалось войско, в котором царь хотел видеть мобильный, превосходно управляемый корпус, куда он назначит не самых знатных воевод, а самых даровитых. И — принципиальный момент — самых доверенных. Создавалась и вторая Боярская дума — новый центр управления — где заседали не дерзкие «принцы крови», а прямые исполнители царской воли.

Так что худого в опричнине? Вроде бы одна польза...

Подкачали методы, которыми благая идея проводилась в жизнь.

Опричная армия требовала много земли, притом богатой, плодородной, населенной крестьянами. Где ее взять? Центр России испытывал лютый земельный голод!

Землю начали отбирать у старых владельцев, не годившихся для опричной службы, и передавать новым. Старые получали неравноценную замену на диких, полувоенных окраинах России. По сути, их отправляли в ссылку, отобрав доход да к тому же разорвав старинные связи с краями, где веками жили их семейства. Понятно, это не могло не породить конфликты. Еще больше масла в огонь добавило то, что опричникам в столкновениях с земскими гарантировалась безнаказанность. От Ивана IV к судьям разных рангов отправилось повеление: «Судите праведно, наши виноваты не были бы!»

И полыхнуло! Первая же искра высветила перед царем всю шаткость его положения: на Земском соборе 1566 года 300 дворян, иначе говоря, 300 вооруженных профессионалов войны, подали ему прошение об отмене опричнины. Вскоре после этого Иван IV переехал из Москвы в обширную новую резиденцию — Александровскую слободу. Старую столицу царь отныне считал слишком мятежной и небезопасной для себя. А в конце 1567 года, во время похода против Литвы, он узнал о заговоре против своей жизни...

Существовал ли тот заговор на самом деле — споры ведутся до сих пор. Тем не менее царь отменил поход, развернул полки с марша и сам вернулся в Москву. И вот тогда-то разразилась катастрофа. По России прокатилось несколько волн диких расправ. Причем их масштаб невозможно ни объяснить, ни оправдать какими-либо заговорами. Дошло до убийства женщин, детей, до глумливого надругательства над женами тех, кого обвиняли в измене, до публичного истязания жесточайшими пытками.

Русская церковь имела древнее право: печаловаться за опальных. Митрополит Филипп сделал попытку вразумить царя. Затем публично отказал Ивану IV в благословении. Святителя отрешили от митрополичьей кафедры и отправили в Тверской Отроч монастырь. Там опричник Малюта Скуратов умертвил Филиппа в декабре 1569 года, за что не понес никакого наказания.

Как и другие опричники, от рук которых погибло множество церковных деятелей — священников, монахов и даже настоятелей монастырей.

Кровавая цена опричнины...

Удалось ли Ивану IV добиться с ее помощью того, о чем мечтал он в несчастливом 1564 году? Выиграть Ливонскую войну, остановить натиск татар на южные области России? Ничего подобного. Опричный корпус редко добивался самостоятельных побед. А вот поражения из-за несогласованности в действиях опричных и земских воевод Россия несла тяжелейшие.

В 1571 году крымский хан Девлет-Гирей прорвался под Москву и спалил ее дотла — включая опричный дворец государя. Элитные опричные полки не смогли ему помешать. И после ухода крымцев началось расформирование опричной армии. Более она в поле не выходила.

А через год после Московского разгрома объединенная русская армия, где плечом к плечу сражались опричные воеводы с земскими, разбила того же Девлет-Гирея у Молодей. Единство рождало победы, разделение вело к гибели...

Приблизительно в сентябре 1572 года опричнина была отменена.

Так каковы же ее итоги?

В военном плане — отрицательные. Задачи реформы выполнены не были.

А вот в кадровом... не все так просто.

В опричные годы царь выдвинул на ключевые посты несколько десятков «худородных» дворян. Отличившиеся в основном на карательном поприще после «закрытия» опричнины больше не понадобились. А вот те, кто был хорош как дипломат или воевода, продержались на высоких постах до конца грозненского царствования. И даже один-два-три года после него, когда богатая, влиятельная аристократия упорно вытесняла их из военной и политической элиты. Кажется, последний «зубр» опричных времен, даровитый командир и дипломат Михаил Андреевич Безнин, от обиды принял иноческий постриг в 1586 году.

Но это — худородные. А помимо них в опричнине возвысилось несколько семейств... как бы поточнее выразиться... знати «второго сорта». Иными словами, людей родовитых, но «захудалых». И они смогли закрепиться в составе элиты, как, например, блистательный полководец князь Дмитрий Иванович Хворостинин.

Группа хороших управленцев и военачальников, продолжавших служить новому государю, — пожалуй, единственное полезное наследие неудавшейся «опричной» реформы Ивана Грозного.

¹ Приблизительно таково количество документированных жертв репрессий в опричное время.

² Таубе И., Крузе Э. Послание гетману земли Лифляндской Яну Ходкевичу // Иоанн Грозный. Антология. М., 2004. С. 396.

³ Таубе И., Крузе Э. Послание гетману земли Лифляндской Яну Ходкевичу // Иоанн Грозный. Антология. М., 2004. С. 396—398. Дается в небольшом сокращении и с адаптацией.

⁴ Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 306.

два портрета Малюты Скуратова

Для современного образованного русского самый знаменитый опричник — Малюта Скуратов. Или, вернее, Григорий Лукьянович Скуратов-Бельский по прозвищу Малюта. Образ его порой затмевает даже самого государя Ивана Васильевича. Григорий Лукьянович стал лицом опричнины для всех тех, кто интересуется русской стариной, но никогда специально не углублялся в историю опричных учреждений.

Для кого-то Малюта Скуратов — пугало. Кто-то пускается в рассуждения о том, что это истинный патриот и лучший образец для современного сотрудника ответственных спецслужб. А кому-то видится в его личности крупный государственный деятель. Григорию Лукьяновичу приписывается множество несуществующих добродетелей, так же как, впрочем, и множество чужих преступлений.

Как это нередко случается, правда судьбы Малюты Скуратова намного прозаичнее легенд, созданных вокруг его имени потомками...

Прежде всего Малюта Скуратов — психологическая пустыня, белое пятно, terra incognita. Нам совершенно не известно,

что это был за человек. Неизвестно даже, как он выглядел.

Но воображение и талант живописцев создали множество «портретов» Малюты. По двум, самым известным, видно, какого накала достигали споры о «главопричнике». Один из «Портретов» принадлежит кисти Павла Рыженко (нижняя репродукция), другой — Клавдии Лебедевой. Обе картины — как будто «окна» в мир двух противоположных мифов, созданных об опричнине...

КАК

крестьянский валенок

ПОБЕДИЛ

дворцовые аксельбанты

РОЛЬ НЕУСТАВНОЙ АМУНИЦИИ В УСПЕХАХ РУССКОЙ АРМИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА.

ТЕКСТ **Ольга ХОРОШИЛОВА**, кандидат искусствоведения

Офицеры и нижние чины 2-й гвардейской кавалерийской дивизии в формах образца 1855–1857 гг. Представлены части: лейб-гвардии Драгунский, лейб-гвардии Уланский Его Величества, лейб-гвардии Гродненский гусарский и Лейб-Атаманский полки. Раскрашенная гравюра по рисунку К. К. Пиратского. Конец 1850-х гг. Частная коллекция (Париж).

Кажется, нигде так не любили форму и военных, как в России. Страна рождалась и умирала в мундире. Мальчишки шли в кадеты. Кадеты смотрели в юнкера, юнкера — в офицеры, офицеры мечтали о генеральской серебряной старости.

Это им «кричали женщины: ура! И в воздух чепчики бросали...»

В правление императора Александра II мундиромания приобрела размах государственной эпидемии. Марсово поле и Дворцовая площадь превратились в главные столичные дефиле.

Увидев высочайшие выезды и аккуратные гвардейские карусели на Марсовом поле, импульсивный Теофиль Готье не мог сдержать восторгов: «Какие воинственные и гордые лица, какая дикарская чистота типов, какие тонкие, изящные и нервные тела, какое изящество движений! А костюмы особого покроя, приятных тонов, так хорошо пригнанные и подчеркивающие всю красоту человека!».

Ну а лабораторией, где испытывались новые образцы походного снаряжения, стали воюющие Балканы.

Из архива О. А. Хорошиловой

• Участник Крымской войны

А.А. Александровский, обер-офицер 31-й Гжатской дружины Государственного подвижного ополчения в форме образца 1855 года — красной холщовой рубахе, армяке из крестьянского серого сукна, красном кушаке и золотых эполетах с номером дружины. На серой суконной фуражке — кокарда и желтый латунный ополченческий крест. Дагерротип, Киев. Октябрь 1855 г.

• Великий князь

Владимир Александрович в форме офицера лейб-гвардии Стрелкового батальона Императорской Фамилии образца 1857 года. Сабля на поясной портупее введена в 1865 году. Тем самым фотографию можно датировать 1865–1867 годами.

Ателье «Левицкий», Санкт-Петербург.

• Михаил Константинович Языков, штабс-ротмистр Кавалергардского полка.

Запечатлен в теплой меховой бекеше, в которой сражался против турок при Шейново в декабре 1877 — январе 1878 годов.

Фототипия 1909 г.

КРЫМСКАЯ ВОЙНА: ГРУБЫЙ КОМФОРТ СОЛДАТСКИХ ШИНЕЛЕЙ

18 февраля 1855 года скончался император Николай I. Новым монархом России стал Александр II, который одним из первых приказов присвоил генерал-майорам Свиты серебряные аксельбанты. А после поражения в Крымской войне августейше пожаловал армии двубортный темно-зеленый полукафтан французского образца — дорогой, с широкой юбкой, шитьем, галунами

и петлицами. Тогда же на смену тесным николаевским панталонам пришли либеральные шаровары, пехотные каски уступили без боя кожаным киверам, скопированным с французских «шако»...

Галльский стиль отчетливо звучал в военной моде начала эпохи Александра II. Но все популярней становилась русская тема. А во главу угла все настойчивее ставилось удобство, а не внешний лоск. Крымские ополченцы в «крестьянских» кафтанах

и картузах с крестами. Стрелки Императорской фамилии в красных кушаках и ямщицких шапках...

В окопах Крымской войны офицеры оценили грубый комфорт солдатских шинелей. И после ее окончания военное ведомство пошло навстречу фронтовикам: появилось двубортное пальто, скроенное на манер солдатской шинели.

Это была революция!

А то, насколько она своевременна, показала Русско-турецкая война.

● Переход кавказских войск через Саганлуг на пути в Эрзерум, май 1877 года. Гравюра, типография А.М. Котомина, 1879 г. Архив О.А. Хорошиловой.

ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА: СПАСИТЕЛЬНАЯ «НЕУСТАВЩИНА»

Проливные дожди превращали дороги в чавкающее месиво. Интендантские склады находились порой так далеко, что сыскать их не могли сами интенданты. Обмундирование, сочиненное фатом-императором, не годилось для изнурительных походов в снег и стужу.

Его перекраивала и доводила до ума сама армия.

Еще по дороге на Дунай многие вспомнили печальную Крымскую кампанию, когда дальнозоркие англичане и французы выбивали русских офицеров по их форме и эполетам. К тому же солдатское обмундирование было объективно удобнее в походах. Так офицеры преобразились в нижних чинов.

Другой проблемой стала жара. С немого согласия императора уставную форму тихонько изменили. Так по крайней мере утверждал генерал Паренсов: «Каски и мундиры были брошены, явились не только кителя и рубашки, но и назатыльники из белого холста, подобные тем, которые носят наши войска в Средней Азии; наконец, многие части войск сняли сапоги и обулись в местные опанки, легкую практичную обувь одинаково удобную в жару, в грязь и в холод, но, конечно, не щеголеватую на вид».

Но настоящие испытания на прочность формы и смекалку бойцов начались зимой, когда русские Западный и Южный отряды форсировали Бал-

● Павел Константинович Ржевский 1-й, офицер Кавалергардского полка, в офицерском пальто образца 1855 года. Фототипия. Архив О.А. Хорошиловой.

● Нижние чины одного из русских пехотных полков во время отдыха. Кавказский фронт Русско-турецкой войны, 1877–1878 гг. Частная коллекция (США).

каны. Теплых вещей катастрофически не хватало. Большинство солдат — в серых кислых шинелях, в развалившихся сапогах, перевязанных чем попало, на голове — бесформенные нахлобучки и суконные кепи, о которых так много думал император.

От обморожения и верной гибели спасали себя сами. Предусмотрительные офицеры еще летом запаслись войлочными сапогами и полушубками. Зимой они шили себе толстые наушники из отрезанных концов башлыка, а рукавицы — из турецких килимов и домотканых балканских ковров. Обувь придумывали из всего, что было под рукой. Наворачивали куски сукна и войлока, отрезки походных палаток и одеял, шерстяные платки и воловью кожу мехом наружу. Стягивали все это жгутами и получались балканские опанки — в национальных одеяниях «братушек» было куда больше здравых идей, нежели в александровской форме.

Впрочем, как писал Александр Берс, «у некоторых даже трудно было разобрат, во что были обмотаны ноги».

Офицеры покупали полушубки, войлочные и меховые шапки, овчинные рукавицы и валенки, превращаясь в балканских молодцеватых помещиков. Вместо походных шаровар надевали купленные у местного населения войлочные штаны, широкие в шаг. Вместо шинелей и сношенных полушубков — кожаные пальто и шведские куртки, которые в небольших количествах получали из отрядов Красного Креста.

Во время походов даже расточительные гвардейцы научились беречь сапоги, без которых работать и воевать

ЧЕМ БЛИЖЕ НАША АРМИЯ ПОДБИРАЛАСЬ К СОФИИ, ТЕМ БОЛЬШЕ НЕУСТАВНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ ПОЯВЛЯЛОСЬ В ЕЕ ОДЕЖДЕ. ПОЛКИ ОБРАТИЛИСЬ В КОЧЕВЫЕ ПОЛЧИЩА НЕ ТО ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ, НЕ ТО РАЗБОЙНИКОВ. **В ИХ ОБЛИКЕ ПЕРЕМЕШАЛИСЬ ВСЕ БАЛКАНСКИЕ НАРОДЫ, РУССКАЯ И ТУРЕЦКАЯ ФОРМЫ.**

невозможно. Александр Берс вспоминал: «В снятые с меня мокрые сапоги сейчас же вкладывались маленькие походные колодки; таким образом сапоги не съезжались от мокроты и не доставляли мне тех мучений, которые испытывали другие».

Чем ближе наша армия подбиралась к Софии, тем больше неуставных элементов появлялось в ее одежде. Полки обратились в кочевые полчища не то переселенцев, не то разбойников. В их облике перемешались все балканские народы, русская и турецкая формы. Их изможденные почти раннехристианские лица, недобрые и выразительные, тонули в клокастых бородах горных дикарей.

Однако в начале января перед самым вступлением в Софию все как-то ожили, встрепенулись, в руках засеребрились кусочки зеркал — всем хотелось выглядеть молодцами. И перед самым окончанием войны в Сан-Стефано многие офицеры вернули себе щеголеватый вид, отлично вымывшись, купив белья, сходяв к цирюльнику. Некоторые решили бороды не брить до официального распоряжения. Но и получив его, не спешили с ними расставаться. К примеру, генерал-лейтенант Эрнрот став после окончания войны военным министром Болгарии, продолжал носить густую мужиковатую бороду — в память о своем участии в боях.

ПРАВДА ХУДОЖНИКА ВЕРЕЩАГИНА

Критика александровской формы звучала во многих мемуарах — у облаканных царским вниманием штабных генералов и безымянных пехотных офицеров, журналистов и художников. Критиковал ее и художник Василий Верещагин, участник военной кампании. Ему, любителю комфорта, парижских мод и красоты, пришлось столкнуться с нечеловеческими условиями похода и опробовать новые варианты балканского «обмундирования», собранного из теплого «чего-попало». То, что могло бы стать новой формой армии, он перечислил в статье «Из опыта походов»,

опубликованной в 1889 году. Заканчивается она почти требованием:

«Необходимо, чтобы солдат наш ... сбросил бы с себя иностранную форму, которую он еще имеет и, одетый в полшубок с теплыми рукавицами и носками, наловчился бы во всех маневрах, изворотах и движениях зимою».

Эту статью художник писал явно под влиянием перемен, начатых импе-

ратором Александром III сразу после восшествия на престол. Как и Верещагин, он участвовал в Русско-турецкой войне. Знал о недостатках отцовской формы, любил русский стиль, а западный не любил. Александр III и ввел новый военный костюм, более удобный и патриотичный, превратив солдат и офицеров в картинных коренастых мужиков a'la Russe.

● В.В. Верещагин. На Шипке все спокойно...

Листопад в Михайловском

*Всю ночь шел дождь.
Холодный, обложной.
Он нудно молотил
по карнизам и бубнил
в водосточных трубах.
Утром остатки
ночного дождя
капельками повисли
на ветках и травинках*

текст и фото **Юрий ЛЕПСКИЙ**

Я отправился привычной дорогой через лес на усадьбу, наблюдая попутно, как в тумане через поле движется туристическая группа, успевшая ни свет ни заря приехать на огромном автобусе из Пскова. Хорошо бы, — думал я, — успеть выйти к озеру Маленец раньше этой веселой толпы и хотя бы минут пять постоять в тишине на берегу водоема. Я ускорил шаг и углубился в заросли Михайловского парка.

Вдруг сзади раздалися шаги. Чья-то шаркающая походка явно сопровождала мой рейд к Маленцу. Я оглянулся. Никого. Тропинка позади меня была абсолютно безлюдной. Иду дальше, уже прислушиваясь. Нет, все-таки кто-то идет за мной следом. Резко останавливаюсь и поворачиваюсь всем корпусом. Пусто! Успел спрятаться за деревьями? Возвращаюсь на несколько шагов назад, внимательно оглядываю стволы старых лип. Никого. Неужели я сам дожил до слуховых галлюцинаций? Пить надо меньше, решаю я и в этих печальных размышлениях начинаю двигаться дальше.

Вот и скамейка на изгибе восточного берега Маленца. Люблю здесь присесть, поглядеть на озеро, на уток и лебедей, копошащихся в камышах. Присел и на этот раз. Оглушительная тишина! И вдруг — опять шаркающие шаги, прямо передо мной, у опушки леса. И опять то же: шаги слышу, а кто идет — не вижу. Но на этот раз догадался быстро. Я умудрился не заметить то, что было прямо перед глазами — листопад. В полной тишине облако летящих листьев с шорохом, похожим на шаги, ложилось на уже опавшую листву. Это он, листопад, следовал за мной, он тревожил мое воображение, он «прятался» за кустарником и стволами деревьев, это он что-то нашептывал мне, а я не сумел его услышать.

Так что же он шептал? «Скоро снег, ты понимаешь, скоро снег», — шуршал он. Я понял.

*«Скоро снег, ты понимаешь,
скоро снег», — шуршал он.
Я понял.*

«Пока мишку не встретила, я ничего не боялась...»

*монолог таежной охотницы-северянки Людмилы Киприяновой, о которой **мужчины слагают легенды***

ТЕКСТ **Константин БОЖКО**

• Поселок Онега, где Людмила работает бухгалтером. И где нашла свое счастье.

Людмила Киприянова — уроженка поморской деревни Кянда, что у самого Белого моря. Училась в сельской школе, оканчивала ее уже в городе. Потом техникум связи. Сегодня — бухгалтер по расчетам с населением в ОАО. В Онеге про нее легенды ходят среди охотников. Удивление попеременно с уважением. Как часто вам приходилось видеть женщину, идущую с ружьем на волка? Женщину, для которой встреча с медведем в лесу, как для вас с маршруткой возле работы?

Мы наконец-то познакомились, когда меня занесло по рыбацким делам в Онегу...

«В жизни мне повезло с мужем. Нажили трех дочерей, построили дом! Малой 20 годков уже будет. Она у меня школу с медалью закончила, в жизнь отпущу — и программа минимум выполнена.

Рыбалка и охота были вначале способом прокормить семью. Теперь — как способ сохранить себя и свое душевное равновесие. Люблю летнюю рыбалку с удочкой. По осени до больших снегов и весной — охоту. Мелочница я, охочусь по перу. (мелочница — по мелкой дичи. — **Авт.**) Зимой люблю рыбалку на озерах и на малых реках, на мормышку со льда...»

Так эта удивительная женщина начала рассказ о своем таежном житье-бытье, который привожу без редакторской правки.

РОДНЯ

И отец мой был охотник, и оба старших брата охотники с детства. Они и мужа моего пристрастили. У меня же не было возможности раньше. Семья, три дочки росли. И всю науку охоты я проходила уже в зрелом возрасте.

Отношение ко мне, женщине с ружьем, разное. Но с кем охотилась, со многими дружу. Местные охотники уважают. А бабы — по-разному.

ДЕРЕВНЯ

А места у нас красивые здесь, лесные. Бабушка моя рассказывала, что жила в наших краях народность такая: «чудь белоглазая» и «лопари». В Кянде, от языческих племен, сохранилось капище, лесок за школой — священное для них место. Там никогда лес не вырубали, хотя это почти в центре деревни. До сих пор его никто и не трогает. Опасно.

Как эти народы выглядели, не знаю, но бедные они были. Ели строганину и рыбу сырком. Охотники хорошие и море знали. Рассказы эти бабушкины мне, маленькой, были как сказки.

РЫБАЛКА

Рыбалка — это жизнь! Настоящая! Я, бывает, на озера одна хожу. Давно уже, со школы. У нас в деревне это нормальное явление, многие женщины — рыбачки и шастают по озерам в одиночку. Но есть человек, с которым мне всегда хочется идти в лес. Это мой муж, Сергей. Не всегда удается, он же работает по вахтам.

Плохо только, когда болеешь. Все на рыбалке, а я как дура дома сижу. Вот душераздирающая история жизни! Тяжела ты, женская доля!

ОХОТА

Основная масса охотников теперь об охотничьей этике и думать не думает. Главное для них — добыча. Все остальное — лирика. Из чего стрелять, их не заботит, что есть, из того и лупят по всему, что движется. И не звери сегодня — пьяные охотники главная угроза. Особенно весной.

- «С одеждой женской для охоты — просто беда! Ее очень мало, и стоит она дороже, чем мужская».

Сама столкнулась с этим. В зююю пьяные, с амбициями, палили во все, что попало, на берегу моря Белого. Хорошо, знакомые предупредили не ходить в их сторону.

Не надо бояться медведей, волков и лесников. Самые страшные и в лесу, и в жизни — дураки.

ЭКИПИРОВКА

С одеждой женской для охоты — просто беда. Ее очень мало, и стоит она дороже, чем мужская. Почему так? Первый мой летний костюм был солдатский, старого образца: галифе и куртка. Летние костюмы — мужские, они вполне меня устраивают. Тут важен цвет и удобство, и чтоб комары не кусывали. А, что касается зимы... Дети с мужем подарили на 8 марта зимний костюм, красивый и удобный. Полукомбинезон очень теплый, а куртка слабовата, на мой взгляд. На «Буране» в нем можно ездить, но в крепкий мороз в старой шубе теплее.

- «А места у нас красивые здесь, лесные...»

- С мужем и рыжей Белкой наша охотница — как за каменной стеной.

Новые материалы, из которых шьют, в общем-то неплохие, только работают они при средних температурах. То же и с термобельем. Заявлены прекрасные характеристики, а на деле все намного скромнее. Хотя, конечно, это лучше простой футболки и на теле сохнет быстрее.

СОБАКИ

Мой Кайс, рыжая карелка, ушел в страну вечной охоты. Его около 6 часов утра у самого нашего дома сцапали волки. Мы обычно запускаем собак на ночь домой, а утром отправляем гулять, потом их кормим. Так было и в этот раз. Утром они из дома выбежали, через некоторое время другой мой кобелек, Тимон, залаял уж как-то совсем недобро. К кормежке Рыжик не прибежал, чего с ним никогда не бывало, и все утро нас не покидало чувство тревоги.

Только рассвело, муж пошел на поиски. Он нашел место гибели по волчьим следам и крикам ворон. По остаткам рыжей шерсти и определили: Кайс это. Куда ему, маленькому прыгуну, противостоять трем матерым волчицам? Он и гавкнуть не успел. И сожрали его в двухстах метрах от ближайшего жилья. Утащили по дороге в сторону совхоза, на поле. Там, в кустах, и пировали на виду всего околотка...

Собаки — первые помощники на охоте. Без собаки глухарей не найдешь. С ними безопасно, комфортно и добычливо, а так — только рябов охотить. К собакам привыкаешь. У каждой свой характер и свои особенности. Новая всегда, как новый член семьи, и надо приспособиться к ней. Потерю переживаешь. Вспомнишь — всплакнешь иногда.

ОРУЖИЕ

Без ружья в лесу как-то и беспокойно. ТОЗ-34, 20-й — самый женский калибр. Патроны последнее время покупные, отечественные, что по карману. Ружье иногда — просто повод уйти в лес и погулять. А иногда и измотать себя до большей усталости. Чтобы все плохое, что накопилось, сгорело как в костре и мысли в голове стали светлые.

В лесу — там бывает всяко. И страшно тоже. Страшно, когда уже темнеет или совсем темно. Но пока мишку не встретила, ничего не боялась.

МЕДВЕДИ

Мне как-то на медведей «везет». Регулярно встречаю их в лесу. Вот и в этом году весной видела небольшого, и в прошлые выходные. Такого красавца насмотрелась! Здоровый, с «душкой» светлой по спине. Ресницы у него густые и длинные. Так он на меня побежал! Напугалась, конечно. Отсалютовала вверх из ружья. Он оценил обстановку: баба-дура с мужиком и двумя собаками. И ушел.

Или так еще было. Пернатые с приливом моря летят к берегу. Вот я и шла к намеченной цели, чтоб успеть до начала перелета занять позицию. Вдруг посреди глыб заметила какое-то движение. Темное пятно. Иду и рассматриваю пристально, что ж это там за такое. А из-за глыб мне навстречу медведь. Его невозможно было заметить раньше. Маревом над заливом и ледяные глыбы скрывали. Выстрел вверх не напугал его. Перезарядила быстро ружье. Пуля всего одна, в нижнем стволе. В верхнем — «нулевка». Бежать некуда: справа льды, слева непролазная стена тресты (тростника. — Авт.).

И вот, когда расстояния стало ну совсем мало, я принялась ругаться. Отборными и многоэтажными. И откуда что взя-

ЧЕМУ НАУЧИЛИ МЕНЯ ВСТРЕЧИ С МЕДВЕДЯМИ?

1. Любить и ценить жизнь.
2. Осторожности и осмотрительности.
3. Знать, кто в лесу хозяин.
4. Что они очень умные и что у них очень развита интуиция.
5. Пониманию, что на их земле мы гости.
6. Что не я такая сильная.
7. Что ангел-хранитель меня бережет. Во всяком случае пока.

лось? Он опешил, чуть постоял удивленно и ломанул в заросли. Каково это было зверю? Встретить на пути бабу, орущую маты во все горло, с горящими глазами и ружьем наперевес. Я бы тоже убралась куда подальше.

ПТИЦА

Эх! Такая птичка пролетела у меня над головой однажды! Орлан-белохвост!

Ощущения, я вам скажу... Хотелось присесть и зарыться в мох. Размах крыла и вид его наводили на мысль глубокого к нему уважения. А я-то подумала было, что это глухарь на дереве сидит, а там птенец орлана. Солнце мне в глаза светило, я и извиниться не успела, ноги быстро перебирала. Ну вы понимаете...

ЗАЙЦЫ

Я думаю, заяц самый умный и хитрый из всех зверей. Потому и живой.

В этом году только одного зайку взяла. Остальные умнее меня оказались. Заяц быстро привыкает к белому цвету снега и через неделю-другую носится как угорелый. Здесь охотнику важно думать, как заяц: где можно залечь в сухое и безопасное место, где и обзор, и возможность незаметно уйти при малейшей опасности. Понимать надо зверушку, а он хитрец!

ВОЛК

В тот год волки измотали пастухов и доярок. Они открыто лежали на дальнем поле. А ночью пастухи жгли костры, чтобы их отпугнуть.

Осенью с собакой моей Белкой пошли на охоту. Вышли на старые вырубки, пособирали грибов и дальше, по сухому болоту. Вдруг собака резко свернула в низкорослый ельник. Стала рыскать. Я скинула с плеча ружье. Застыла в ожидании вылета птицы. Но из ельника вместо птицы выскочили две собаки: одна моя, а вот другая... Волк!

Не успела даже ни о чем подумать. Крикнула. Волк остановился, собака под ноги мне, а я выстрелила. Стреляла почти в упор, метров с шести, дробью «пятеркой». И сразу, из другого ствола, «единицей». Зверь упал. Перезарядила ружье. Жду, напряженно вслушиваясь. Никого. Подошла. Волк-сеголеток. Тяжелый. Подтащила зверя под елку, спрятала и пошла в деревню за подмогой. Это около пяти километров.

Взгляд лосихи-матери все перевернул в груди... Хищник живет в каждом из нас, и не выстрелить — это тоже поступок

Хорошо, брат оказался дома. Взяли большой рюкзак и принесли добычу домой. А волки после этого ушли и не беспокоили деревню целый месяц.

ЛОСИ

Было со мной... Поздней осенью уже. Собаки держали двух лосей. Вернее, лосиху с лосенком. Я подошла к ним близко, и пули в стволы зарядила, и ружье вскинула. Был бы верный выстрел. Но взгляд лосихи-матери все перевернул внутри. Столько в нем было и силы, и мольбы, и всего, что в словах невозможно выразить. Муж был рядом, засвистел — и они убежали. Хищник живет в каждом из нас, и не выстрелить — это тоже поступок.

И О СЕБЕ

Мужики не понимают, как сильно меняется мир, как меняемся мы, женщины. Я думаю, они просто боятся признаться себе в том, что у нас многое получается. В том числе и на рыбалке, и на охоте. В нас больше тщеславия, азарта и упертости доказать, что мы не хуже. И мы более терпеливы в достижении цели. И умеем долго ждать. Вот тогда и приходит везение.

Родные братья и те не признавали мои успехи. Только когда я обставила их по всем статьям, успокоились. Попривыкли, зауважали, пусть и до сих пор ревниво относятся ко всему, что связано со мной и охотой. Критикуют мое мнение и мои советы. Я на них не обижаюсь. Я знаю, что они гордятся мной.

Природа — это для меня все. Она исцеляет и дает силы жить. Она дарит нам столько позитива, сколько мы можем впитать, принять и постичь душой.

Мне это необходимо. Я же очень слабая женщина

«Любовь к родному пепелищу...»

ЖУРНАЛ «РОДИНА» И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (ГАРФ) СОЗДАЮТ УНИКАЛЬНЫЙ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРС, ПРИЗВАННЫЙ СПАСТИ И СОХРАНИТЬ ДЛЯ БУДУЩИХ ПОКОЛЕНИЙ СОКРОВИЩА ДОМАШНИХ СЕМЕЙНЫХ АРХИВОВ

Почему-то многие думают, что архив — это нечто скучное, не-обитаемое, а потому покрытое густой пылью, как Антарктида вечным льдом. Но стоит сказать «домашний архив» — и всем ясно, о чем идет речь.

О тяжелых фотоальбомах с черно-белыми и желтыми снимками. О бабушкиных грамотах, которые когда-то висели на стене. О письмах отца из армии. О школьном дневнике за первый класс. Об уцелевшей записке с последней парты. О счастливом трамвайном билете, вложенном в томик Блока на память о том самом дне, когда...

Никто все это дотошно не собирал. Как-то само собралось и расположилось по углам. Причудливое создание Гуттенбергова станка, фотоаппарата «Смена», летних вечеров на даче, студенческой дружбы и тех долгих разлук, когда почтальона ждут во дворе и по выражению его лица узнают, есть ли письмо. Нечаянный архив запечатленных печалей, молитвенной нежности и редких радостей. Этому раннему, чувственному, живому архиву мы и посвящаем наш ДАР — Домашний Архив «Родины».

Нам хочется вернуть домашнему архиву его многократно

попранное достоинство. После погромов и революций, эмиграций и эвакуаций, террора и войн многие семьи в нашей стране оказались на духовном пепелище. А нынешнее беженство с Украины — сколько людей вынуждены были бросить все, спасая детей!

Тем бережнее мы должны хранить то, что уцелело. Что усилиями памяти воскрешено в рукописных мемуарах наших дедов и бабушек. Чаше всего у этих рукописей, как и у всего, что хранится в домашних архивах, — один экземпляр. Утрата этого экземпляра всегда невозполнима, а потому трагична.

Три фонарика: СВЕТ «ВО ТЬМУ ВЕКОВ»

Эти истории мне рассказали не люди, а вещи и документы: прадедушкины часы, черно-белый негатив, листок из отрывного календаря.

Мне трудно сейчас представить, что и часы, и негатив, и листок — все они могли потеряться при переездах, исчезнуть из нашего дома. И самое печальное — никто бы из нас этого не заметил!

И у меня не было бы трех этих фонариков. Ведь каждая вещь, каждый листок домашнего архива — это фонарик, которым мы можем посветить во «тьму веков». Тонкий луч такого фонарика способен осветить для нас множество маленьких и больших событий, открыть нам многое из того, о чем мы и не могли догадываться...

ТЕКСТ **ДМИТРИЙ ШЕВАРОВ**

Да, для кого-то это «бумажки», «пустяки», а государственные архивы, увы, не в состоянии принять на хранение даже малую толику частных собраний. Вот и кажется порой нашим старикам: драгоценные для них рукописи, книги, фотографии никому не нужны, а подробности, милые одному или двум сердцам на свете, более никому не интересны.

Но мы убеждены, что есть духовные ценности в границах дома, есть святыни одной комнаты, есть семейные реликвии, достойные пристального внимания историков (даже если кому-то эти реликвии кажутся

непонятными или смешными). Без уважения к этим частным ценностям, к этим «пустякам» и «бумажкам» не может быть гражданского общества и уважения к истории Отечества.

Да и сама история страны не будет полной без тех скромных свидетельств, что хранятся в наших домах. Дети никогда не будут гордиться Родиной, если они не гордятся своими дедами и прадедами.

Задача интернет-ресурса «Домашний Архив «Родины» — предоставить каждой российской семье возможность создать электронную версию своего домашнего архива, уточнить свое

родословие, найти сведения о своих предках, получить профессиональную помощь от научного сообщества историков и архивистов.

Очень хочется, чтобы все мы смогли выполнить завещание Павла Флоренского, оставленное им будто бы не только от своего имени, но и от имени наших предков: «Пусть все около вас будет напитано воспоминаниями, так чтобы ничего не было мертвого, вещного, неодухотворенного... Дома, библиотеки, вещей не продавайте без самой крайней нужды...»

А дебютирует наша новая рубрика семейным расследованием журналиста Дмитрия Шеварова, которое убеждает: даже листок календаря, бережно хранящийся в домашнем томишке Пушкина, может привести каждого из нас к удивительным открытиям...

ЕСТЬ ПРЕДЛОЖЕНИЕ!

Свою историю присылайте на адрес редакции журнала «Родина»: ул. Правды, 24, стр. 4, Москва, 125993 и на электронный адрес rodinainfo@rg.ru. Сайт журнала: rodina.rg.ru

ЧАСЫ. МОЙ ПРАДЕД И ПОЭТ ВОЛОШИН

Среди немногих вещей, оставшихся у нас в семье от моего прадеда Елисея Ивановича Волянского — его карманные часы. Верхняя крышка и циферблат не сохранились, давно заржавевший механизм беззащитно обнажен. На обратной крышке, украшенной выгравированными медалями, — надпись, указывающая на то, что часы изготовлены швейцарской фирмой Longines (Лонжин) в 1900 году. Под крышкой, на регуляторе точности написано сверху Avance (быстрее — фр.), а ниже Retard (медленнее).

Иногда по утрам я беру в руку эти часы и пару секунд прислушиваюсь: вдруг за ночь произошло чудо и они пошли. Но молчат, навечно сцепившись, шестеренки-колесики. Я даже не знаю, когда они остановились, когда последний раз показали точное время. А эта точность была очень важна для Елисея Ивановича, ведь он был военным врачом, начальником лазарета Черноморского флота.

Впрочем, речь не о часах, а о том времени, которое они отсчитывали.

В ноябре 1916 года судьба свела доктора Елисея Ивановича Волянского с поэтом Максимилианом Александровичем Волошиным.

Елисей Иванович не успел оставить воспоминаний об этой встрече, как и вообще каких-то записок о своей жизни: революция и последующие события не дали ему такой возможности. Дневников он не вел, писем его не сохранилось.

Поэтому я могу лишь реконструировать эту встречу по письмам Волошина (его письма за

• Г. Верейский. Портрет поэта Максимилиана Волошина. 1924 г.

• Доктор медицины Елисей Волянский. Фото 1900 года.

1916 год вошли в 10-й том собрания сочинений*) и воспоминаниям моей бабушки Веры Елисеевны.

Началась эта история 17 июля 1910 года. В тот день Максимилиан Волошин упал с велосипеда и серьезно повредил правую руку (разрыв локтевых связок). В начале Первой мировой войны такая травма освобождала от направления в армию. Волошин говорил: «Судьба заботливо сломала мне правую руку, отняв у ней возможность стрелять и убивать, оставила ей возможность писать и рисовать...».

Но после огромных потерь, понесенных русской армией, отсрочки были сняты. И даже увечные должны были предстать перед медкомиссиями.

В конце октября 1916 года 39-летний поэт получил предписание явиться на освидетельствование в Керченский военный лазарет. 10 ноября 1916 года он приезжает в Керчь и, очевидно, уже наутро прибывает в госпиталь, размещавшийся в крепости на окраине города.

Вот как тогда выглядели эти места по воспоминаниям моей бабушки Веры Елисеевны: «Крепостной лазарет стоял в пяти верстах от города, в целинной степи. Тут же, рядом, была и наша квартира. С одной стороны нашего палисадника, выходившего в степь, проходила дорога, ведущая от города мимо лазарета в крепость. А в степи, вдали, возвышались пригорки, называвшиеся «передовыми укреплениями». Тогда эти бастионы уже частично осыпались и заросли травой. Но в мощных стенах сохранялись переходы. Мы, дети, проходили по ним при свете свечи, ожидая встретить что-то необычное...».

Похоже, Волошина сразу же принял мой прадед, служивший в ту пору в звании полковника начальником лазарета. Имя Максимилиана Волоши-

*Максимилиан Волошин. Собрание сочинений. Том десятый. Письма 1913–1917. М., «Эллис Лак», 2011.

на, несомненно, было знакомо ему. И скорее всего не по стихам, а от общих знакомых (жена Елисея Ивановича, Вера Михайловна, была из литературной семьи). Каким поэт предстал перед моим прадедом? Очевидно, таким, каким его описал в 1915-м в своих стихах Илья Эренбург: «Вежливость глаз очень ласковых.// Но за свитками волос густыми // Порой мелькнет порыв опасный... // Голова его огромная...».

А каким был мой прадед в ту пору? Ему 49 лет. Выпускник Петербургской военно-медицинской академии, хирург, участник Русско-японской войны. У него четыре сына и дочка. Дочка – это как раз моя бабушка Вера Елисеевна. В 1916 году ей было семь лет. По ее воспоминаниям Елисей Иванович был в ту пору «высоким, полноватым, красивым блондином с большими, на выкате, светло-кариими глазами...».

Вряд ли Елисей Иванович ограничился лишь консилиумом. Возможно, он пригласил своего невольного гостя отобедать. О чем могли беседовать Елисей Иванович и Максимилиан Александрович? Быть может, о том, о чем Волошин потом позднее писал в одном из писем: «Спокойно можно оставаться на своем месте, никуда не спасаясь, потому что во всем мире больше нет спокойного и безопасного места...»

16 ноября Волошин возвращается домой, в Коктебель, с белым билетом в кармане и самыми добрыми воспоминаниями о госпитале и военных врачах.

Из письма М.С. Цетлиной, 21 ноября 1916 года: «Я был на испытаниях в Керченском лазарете, меня свидетельствовали 8 военных врачей и единогласно признали негодным из-за руки. Я очень боялся, что меня там задержат месяц и больше, как это делают обычно. Но, к счастью, оказалось, что меня там все более или менее знали и продержали только сутки, чего еще, кажется, ни с кем не бывало... У всех должностных, официальных и военных лиц, с которыми мне приходилось иметь дело все это время, я встречал такой радушный и предупредительный прием, что отовсюду уезжал, приобретя несколько дружеских связей. В Керченском лазарете, о котором меня со всех сторон предупреждали, что это гораздо хуже каторжной тюрьмы, – это было особенно удивительно...»

Не знаю, виделись ли еще Волошин и мой прадед. Похоже, что нет. Но их дальнейшие судьбы говорят мне: это были люди одного нравственного выбора.

После революции оба остались на родине – и доктор Волянский, и поэт Волошин. Когда весной 1919 года друзья-писатели уговаривали Волошина ехать с ними за границу, Максимилиан Александрович ответил: «Когда мать больна, дети ее остаются с нею».

К лету 1917 года Елисей Иванович получил звание генерала, за которое уже осенью его в лю-

● Семья начальника Керченского лазарета Черноморского флота Е.И. Волянского (слева направо): Михаил, Елисей Иванович, Вера, Богдан, Юрий, Вера Михайловна, Роман. Керчь, 1913 год.

бой момент могли растерзать. Оставаясь в России, он рисковал всем: детьми, любимой работой, жизнью. Сейчас этот смертельно опасный выбор нам не вполне понятен. Да, любовь к родине – святое чувство, но должны ли страдать дети за любовь родителей к родине?

Но этот вопрос легко задавать сейчас, а как бы мы ответили на него тогда, не имея ни средств к существованию, ни близких или друзей за границей?..

Из воспоминаний Веры Елисеевны Волянской: «В Керчи вдруг появились буйные толпы сошедших с кораблей матросов. Их пытались урезонить. Начались стычки, а потом и погромы, убийства. Зверски расправлялись со старшими офицерами, военврачами. Нам рассказали, как в Севастополе одного военного врача рубанули саблей в живот, вывалились кишки. Одичавшие матросы заставили его ползти вокруг столба, пока он не умер...»

Весной 1918 года лазарет закрыли. Елисея Ивановича с пятью детьми выселили из квартиры. Вернувшегося в Одессу Елисея Ивановича, как врача «из бывших», нигде не брали на работу. Показывать какие-либо документы о том, что он был начальником лазарета в генеральском звании, прадед, конечно, не мог.

Последние годы Елисей Иванович Волянский работал участковым врачом в одесской поликлинике № 6. В нашем семейном архиве сохранилась санпросветовская брошюра, изданная в Харькове в 1925 году: доктор Е. Волянский «Как нужно жить, чтобы здоровым быть и дольше прожить».

Умер Елисей Иванович в 1932-м. В один год с Волошиным.

● Те самые часы фирмы Longines

PS. Эта публикация не могла бы состояться без трудов Владимира Петровича Купченко (1938–2004) – замечательного отечественного литературоведа, исследователя жизни и творчества М.А. Волошина, создателя Дома-музея поэта в Коктебеле.

ДВА НЕГАТИВА. МОЙ ДЕД И ВЗОРВАННЫЙ ХРАМ

Минувшим летом, разбирая с мамой дедушкин архив, мы нашли завернутые в папиросную бумагу два черно-белых негатива. На каждом было написано: «Измаил. Храм!».

Осенью мне удалось отсканировать эти пленки. Теперь время от времени я открываю в компьютере папку с дедушкиными снимками и долго рассматриваю их. Это тяжело. Но, мне кажется, эти снимки что-то очень важное хотят сказать нам, сегодняшним. И поэтому я вглядываюсь в них.

Вот люди прижались к решетке (она, кстати, сохранилась до сих пор): испуганные дети, опечаленные старики, любопытные домохозяйки, увлеченные зрелищем подростки, хмурые молодые рабочие в спецовках, оробевшие советские служащие...

Замечаю детали, которых не замечал поначалу. Только увеличив на экране компьютера снимки, я увидел птиц — похоже, белых голубей, — бесстрашно кружащихся вокруг купола гибнущей колокольни. Вокруг лязг техники, грохот сокрушаемого камня, крики людей, а они, как ангелы, не отлетают в стороны, не покидают храм до конца. Быть может, то был тот день и час, когда ангелы становятся видимы?..

Почему именно на время «оттепели» (с 1958 по 1964 год) пришлось очередной приступ агрессии по отно-

шению к Церкви? Зачем власть вновь, как и в первые послереволюционные годы, с изуверством стала уничтожать веру отцов и доламывать памятники старины? Кто и какую угрозу почувствовал тогда в православии? Что стояло за жесткими антирелигиозными директивами — страстное желание Н.С. Хрущева поскорее избавиться от всего, что, по его мнению, было помехой на пути к коммунизму, или сложная игра скрытых сил, желавших подставить «первое лицо» под удар, дискредитировать его в глазах людей.

Кому и зачем хотелось унижить народ, только начинавший оттаивать душу после войн и репрессий? Только вернулись из ада лагерей те, кто сумел выжить. Вернулся из космоса Юрий Гагарин. Страна открывалась миру. Тысячи людей после чада коммуналок обретали свой дом... И тут вдруг по сотням райцентров и областных городов среди бела дня — скрежет танков и бульдозеров. Происходило демонстративное разрушение самых заметных храмов, тех, что архитекторы называют «доминантами городской среды».

Почему интеллигенция — поэты и писатели, владевшие умами миллионов людей, собиравшие на свои выступления стадионы, — почему они постарались не заметить происходящего?..

А происходило все это летом 1963 года. Мои дедушка и бабушка, ху-

● Леонид Иванович Рыбаренко. 1963 год, Измаил, у мемориальной доски суворовским солдатам.

дожники по образованию (окончили Одесский институт изобразительных искусств), режиссеры научно-популярного кино Леонид Иванович Рыбаренко и Вера Елисеевна Волянская, приехали в командировку в Измаил. Там жил автор сценария их будущего фильма Ниссон Моисеевич Орлов.

Фильм посвятили сбережению леса, о чем тогда мало кто задумывался (по сути, с этого фильма началось советское экологическое кино*). Нашли название: «Наш неизменный друг». Обсуждали сценарий, намечали места съемок. В свободное время знакомились с городом.

Вот как вспоминала о дальнейших событиях Вера Елисеевна (у нас в семье хранится рукопись бабушкиных воспоминаний, которые она успела написать в 1990-х годах): «Однажды вечером мы сидели в гостях у Орлова и его жены Маруси и обдумывали планы на следующий день. Слушали музыку — Ниссон был большой знаток и любитель хорошей музыки. У него дома стоял чудесный, хранимый с давних

● Гибель храма у одних вызвала потрясение и протест, у других — лишь любопытство.

*Когда фильм вышел на экран, Леонид Максимович Леонов в «Литературной газете» (30 марта 1965 года) написал: «Это отличное произведение кинопублицистики надо посмотреть каждому, для кого живая природа — не звук пустой...» См. также статью «О большой щепе» в сборнике: Л. Леонов. Литература и время. «Молодая гвардия», 1967.

времен, патефон. И вдруг мы услышали страшный грохот с той стороны, где стоял храм. Мы спешно отправились туда, а когда мы подошли, то увидели страшное зрелище: налетавшие на церковь танки крушили ее. И длилось это трое суток! Все эти дни толпы людей окружали церковь. Реагировали по-разному: одни плакали и кричали, другие, постояв, молча уходили подальше. В последний день крушили колокольню. Сбросили колокола. Сбросили на землю крест. Казалось бы — всё, конец, но сама церковь никак не хотела разрушаться. И тогда началось зверство: к вершине колокольни привязали тросы, и бульдозеры начали тянуть, дергать во все стороны...».

Все эти дни Леонид Иванович приходил на место событий с фотокамерой и снимал происходящее. Это не были осторожные съемки «скрытой камерой». Во-первых, на дедушку нельзя было не обратить внимания: статный мужчина с внешностью бравого генерала 1812 года. Во-вторых, по складу характера дед был человеком бесстрашным и прямым, в кустах никогда не прятался, в войну был награжден орденом Красной Звезды.

Леонид Иванович не только фиксировал для истории расправу над храмом, он пытался ее остановить — пошел в горком, предъявив билет члена Союза кинематографистов. Его хотели «по-товарищески» урезонить, ссылались на директиву «из центра», просили не поднимать шум, угрожали не допустить в дальнейшем киногруппу в город (так и случилось потом).

Дедушка продолжал снимать хронику разрушения. Причем в его объективе были уже и местные руководители, приехавшие на место событий.

Вера Елисеевна вспоминала: «В один из дней к Леониду подошел какой-то человек и предложил прекратить съемку, «если вы не хотите, чтобы аппарат с пленкой у вас отобрали в органах». Леня продолжал снимать и за три дня отснял три пленки...».

Конечно, Леонид Иванович рисковал. Если не жизнью и свободой, то уж точно — любимой работой, благополучием семьи. Но в те дни он исполнил то, что считал своим долгом. В его открытом стоянии с фотокамерой был протест. В том, как дедушка бережно хранил измаильские негативы, было его послание внукам и правнукам: помните.

Осенью 1963 года на Свердловскую киностудию, где работали Леонид Иванович и Вера Елисеевна, из Москвы пришла бумага с требованием строго наказать режиссера Л.И. Рымаренко за его поведение в Измаиле. Но вскоре в верхах пошли нестроения, власть Хрущева зашаталась, и студийное начальство спустило дело на тормозах...

Из воспоминаний Веры Елисеевны: «В измаильской газете в то лето написали, что на месте церкви построят «прекрасный дом». Не знаю, что они там построили... Мы потом не раз еще приезжали в Измаил, но в сторону той площади больше не ходили. Даже смотреть в ту сторону не хотелось...».

Не сразу мне удалось выяснить, как назывался уничтоженный храм. Связался с измаильскими старожилками. Они сначала предполагали, что это храм Димитрия Солунского, но вскоре пришли к выводу, что в 1963 году был разрушен Свято-Никольский храм.

Я переслал несколько снимков одному моему читателю-измаильцу. Он написал мне: «К сожалению, никого в лицо я не узнал. Мне было три

● Над куполом, как ангелы, выются птицы.

года! Но многие из мальчишек, надеюсь, еще живы. Среди взрослых людей практически одни «пароходчики». Так называли моряков Дунайского речного пароходства. Я моряков того времени сразу узнал по болоньевым плащам. Все в то время их покупали в Австрии и по туфлям с острым носком. Судя по снимкам, это не просто моряки, а командный состав Дунайского пароходства — старпомы и капитаны...».

Мне сообщили, что на месте храма никакого «прекрасного дома» так не возвели. Одно время была спортплощадка, а сейчас — заросший пустырь.

«Мы оказались внизу, а неверху, потому что мы согрешили пред Господом Богом нашим, не слушая гласа Его...»

(Вар.2, 5)

КОММЕНТАРИЙ
СПЕЦИАЛИСТА

Даже домашним мемуарам нужен исторический фильтр

ИДЕЮ «РОДИНЫ» ПОДДЕРЖАЛ ДИРЕКТОР ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ СЕРГЕЙ МИРОНЕНКО:

— Редакция начинает очень перспективный проект. Но я на правах старого друга и автора «Родины» хочу сразу предостеречь: не всякий материал, который вам пришлют, представляет исторический интерес. И тем более читательский. А в качестве примера сошлюсь на личный опыт.

... В прошлом году часть отпуска я провел, как и всегда, в российской глубинке. И вот в селе Поим Пензенской области (всего-то

две тысячи населения) захожу в местный музей. Работают в нем настоящие подвижники, патриоты своей малой родины. Материалы там и о войне 1812 года, и об афганской войне, и о коллективизации, и о местных умельцах-сапожниках, чьи сапоги победили на всемирной выставке в Париже.

И вдруг я вижу икону, возле которой останавливаюсь совершенно ошеломленный. Этой иконой благословляли жителей Поима, которые уходили на Первую мировую войну. Так вот, на обороте иконы — написанные в тот день фамилии этих самых сельчан!

ЛИСТОК КАЛЕНДАРЯ. НАШЕ СЕЛО И КНЯГИНЯ ВОЛКОНСКАЯ

Люблю брать с полки синие томики пушкинского собрания, оставшиеся мне от дедушки Коли. Послевоенное издание. Между страниц попадаются пожелтевшие листки от настенного календаря. Все листки июньские или февральские, остались от пушкинских годовщин.

Когда мои дети берут Пушкина, я всегда прошу их не потерять эти листочки, хотя и не могу толком объяснить, что в них такого особенного. И в самом деле: ну что интересного можно узнать, к примеру, из календарного листочка от 6 июня 1982 года? Воскресенье, полнолуние, 65-й год Октябрьской революции, «в Торжке в среднем ежедневно рождается три новых семьи»...

Но пока я верчу в руках пустяковый листок, что-то происходит со мной. Я вдруг хорошо представляю, как утром дедушка подошел к календарю, оторвал листок, увидел на обратной стороне «Послание З.А. Волконской» и прочитал его бабушке:

...Не отвергай смиренной дани,

Внемли с улыбкой голос мой,

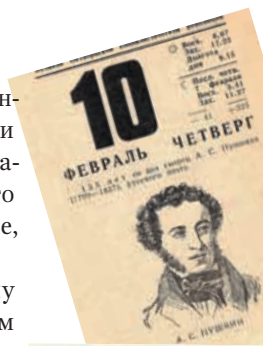
Как мимоездом Каталани

Цыганке внемлет кочевой.

Бабушка даже руками всплеснула: «Коля, ну что за мальчишество!»

Дедушка по своему обыкновению заглянул в энциклопедический словарь, никогда не сходявший с его стола, чтобы узнать про Каталани. Оказалось, что Анжелика Каталани — итальянская певица с необыкновенным серебристым сопрано, три раза приезжала в Россию, обожала пение московских цыган...

...Родное дедушкино Китово находится всего в тридцати с небольшим верстах от пушкинского Болдина. В XIX веке имение Китово принадлежало Зинаиде Волконской. Потом оно перешло к ее сыну и его приемной дочери маркизе Кампанари. И хотя дедушка успел до революции побатрачить, ни к княгине, ни к маркизе у него не было никаких классовых претензий. Напротив: он, старый коммунист, находил что-то промыслительное в том, что наши пред-

• Дедушка Николай Фролович Шеваров.

ки были крепостными именно княгини Волконской, урожденной Белосельской-Белозерской, не без основания считавшей себя наследницей Рюрика.

Много лет дедушка искал подробности того, как «царица муз и красоты» управляла его родной деревней. Ему верилось, что княгиня не могла миновать Китово, тем более что неподалеку — пушкинские владения. Дедушка увлек этой мыслью пионеров Китовской семилетки, которым он регулярно отсылал посылки с книгами, а в письмах рассказывал о Зинаиде Волконской.

Дедушка списывался с Италией, где Зинаида Александровна провела большую часть жизни; посылал запросы в архивы, расспрашивал пушкинистов, вылавливал из прессы все упоминания о княгине. Помню, как дед переживал, узнав о последних днях Волконской: она скончалась в Риме от простуды, застудившись после того, как в январе отдала на улице свое пальто замерзающей нищей женщине. Римская беднота оплакивала русскую княгиню, как оплакивали бы свою благодетельницу китовские крестьяне.

Сколько себя помню, дедушка все звал меня в Китово, но сам же и тянул с поездкой, чего-то опасаясь, а чего — я тогда понять не мог. Теперь понимаю: он боялся увидеть переменившееся село и навсегда проститься с родным видением, с детством.

...Увы, судя по результатам наших разысканий, в дедушкину деревню Волконская не только не навещалась, но и вряд ли знала о ее существовании на белом свете — таких деревень у княгини были сотни. Умом я это понимаю, но вслед за дедушкой верю: княгиня непременно встречалась с Пушкиным где-нибудь в полях за Китово. У околицы стоял мой прапрадед — мальчонка лет семи. Он шмыгал носом и вслушивался в чудесные звуки, долетавшие из сумерек. То Волконская пела пушкинскую элегию:

Погасло дневное светило,

На море синее вечерний пал туман...

Но и это еще не все: сотрудники музея разыскали сельчан — участников Первой мировой войны! И от экспозиции буквально дух захватывает...

Эту икону мы показали на прошлогодней выставке в малом Манеже «Взгляни в глаза войны». А вспомнил я о ней, чтобы подтвердить простую истину: любой документ эпохи всегда цепляет за живое, когда за ним стоит конкретная, может быть, даже бытовая история. Вот и лица поимских мужиков преобразили обычную неприметную икону, заставили взглянуть в нее, задуматься, вспомнить...

На самом деле растущий интерес людей к своим корням — общемировая тенденция. Тенденция очень хорошая, потому что настоящим гражданином, с моей точки зрения, не может стать Иван, не помнящий родства. В архивах Западной Европы есть специальное «семейное» направление. Например, в Финляндии 6000 человек ежегодно приходит в государственный архив заниматься своей историей, родословной. Там вынуждены оборудовать специальные читальные залы, проводят семинары с посетителями, консультируют их. Мы только в начале этого

пути, хотя и у нас есть архивы, которые стонут от наплыва людей. Как, например, военно-исторический в Лефортово...

Мы окажем «Родине» и ее читателям всю возможную поддержку — и советами, и архивными материалами. Может быть, я и сам доведу до конца свой семейный поиск. Мой дед окончил медицинский факультет Московского университета, потом стал деятелем народного просвещения, на «Челюскине» плавал врачом. Когда мой сын немного подрос, мы чертили родословную и до прадедушек дошли, а дальше уже нет...

Нюрнбергский процесс в тихих процессах семейной памяти

*Сын фронтового
репортера Мих.
Долгополова ищет
ответы на свои
вопросы отцу*

ТЕКСТ **Николай ДОЛГОПОЛОВ**

В Нюрнберге работали зубры советской журналистики во главе с Борисом Полевым. Фронтовики, орденосцы. Отец был постарше, и его прозвали Папой. Но это не зубры, а Папа — спецкор «Известий» Мих. Долгополов написал письмо, странным образом дошедшее до министра иностранных дел.

Текст для тех суровых времен предельно откровенный. Суточные — грошовые, им, корреспондентам еще хватает. А переводчики, женщины — стенографистки, машинистки — прямо голодают. Обносились. Надо помочь. И почему-то помогли. Этому есть документальные свидетельства в книгах о Нюрнберге людей, там побывавших.

Откуда вдруг такая необычная смелость? Взял, написал. Отец оставил мне много вопросов, и этот из самых трудных.

● Любовь к даче передавалась у нас в семье по наследству. Мих. Долгополов в Ново-Дарьино с сыном Колей. 1954 год.

ПОЧЕМУ ОТЕЦ ПОШЕЛ ДОБРОВОЛЬЦЕМ?

Невероятный вихрь, который мог подняться лишь в революционную смуту, закрутил и отца, подбросил неммыслимым изломом судьбы к армейским вершинам. У нас дома мыкались по сундукам буденовка со звездой и солдатский ремень — красноармеец 1-го стрелкового полка Долгополов за три года сделал, как сегодня бы сказали, фантастическую карьеру. Пошел в армию добровольцем. Я, признаться, могу оценить порыв сына лишенца. А вот понять, зачем и почему...

К концу 1923-го он был уже начотделом по учету бронемашин и танков управления бронесил РККА. Носил сколько-то шпал и занимал должность, соответствующую генеральской. Видимо, поэтому, в знак военных красноармейских заслуг, ему, сыну не того и не тех, оказали невиданную милость: предложили вступить в партию и учиться в военной академии. Учиться хотелось, ведь позади была XI Московская гимназия и лишь три курса Плехановского, из которого выгнали за буржуйское происхождение. А вот в партию — нет, не тянуло.

Из всего нашего долгополовского клана, здорово выбитого матросом Кузьмой в начале 20-х и затем Гитлером, этот негласный семейный запрет примыкания к партии нарушил один я. Наградой явились беспрерывные даже в застойные времена передвижения по миру в качестве специального корреспондента «Комсомолки» и пять с лишним лет собкорства во Франции. Отец же так и остался стопроцентно беспартийным. Даже став журналистом, к тому же сотрудником отдела литературы, он остался вне очерченного круга. В затянувшуюся эпоху соцреализма это выглядело невероятной аномалией.

КАК ОН ВЫЖИЛ В 1938-М?

В тот год корреспондентов «Комсомолки», куда он пришел в 1927 году, стали брать одного за другим. Отец вспоминал, что арестованных начальников всегда вывозили на главном, издательском лифте. Если на издательском, то навсегда, на расстрел. Если на дальнем — значит, могло и повезти: тюрьма или ссылка. Ерунда вроде бы, но всегда почему-то сбывалось. После спуска на дальнем лифте некоторые через несколько лет возвращались и даже снова принимались в редакцию, как, например, проживший долгую жизнь Евгений Рябчиков, открывший стране пограничника Карацупу.

Об арестованных в редакции не говорили ни хорошо, ни плохо. Воспринимали как неизбежность и даже смутно верили в подспудную вину товарищей. До чего же убийственное было время! Жалели только Косарева. Считали: уж его-то, вроде бы любимца Сталина, пронесет, и, когда все-таки не пронесло, поняли: очередь за нами.

Однажды утреннее появление в редакции отца вызвало шок: «Миша, ведь тебя должны были арестовать еще вчера. Вот, приказали стол печатать». Так и проработал несколько недель под испуганными взглядами в опустевшем кабинете, не решаясь сорвать пломбы. Народ в редакции ежился. Довольно бесстрашно вел себя только ближайший друг — знаменитый репортер Миша Розенфельд: вечерами, как и прежде, они с отцом не пропускали ни единой премьеры в открывшихся после лета театрах. Все остальные ждали неминуемого ареста. Потому что все знали о товарищеских отношениях Мих. Долгополова с генеральным комсомольским секретарем товарищем Александром Косаревым.

Возможно, отца спасла его профессиональная увлеченность. Не старался пробиваться в начальники: я за всю свою

• Старший брат воевал в Гражданскую по другую сторону. А отец честно и добровольно служил красным.

уже немалую журналистскую жизнь не встречал человека, который бы так гордился должностью специального корреспондента.

ОТЧЕГО ЕГО НЕ ПУСТИЛИ В КАНН?

Да и писал Мих. Долгополов не о политике, всегда об искусстве. И тут он знал всех: Станиславский, Немирович-Данченко, Качалов, Москвин, Мейерхольд... Может, решили не трогать чудака-журналиста, который был знаком со всеми поголовно и которого безоговорочно признавала вся театральная Москва?

Отзвуки этого признания успел захватить и я. Мы с отцом как по маслу проходили на премьеры всех театров, демонстративно не показывая пропуска. Седовласый, высокий — 192 см, всегда очень хорошо и аккуратно одетый, в начищенных мною до блеска остроносых ботинках, он небрежно кивал администратору на меня и маму: «Это со мной!» Люди знали: идет Мих.! И, раздевшись всегда в директорском кабинете, мы, вернее отец, попадали в окружение главрежа, артистов, знаменитостей. Наперебой начинались разговоры, сплетни, рассказы... Только записывай. И папа открывал свою синенькую записную книжечку и записывал, записывал своим неровным, неразборчивым почерком.

Однажды утреннее появление отца в редакции вызвало шок: «Миша, ведь тебя должны были арестовать еще вчера. Вот, приказали стол печатать»

По молодости, оборвав военную карьеру и демобилизовавшись из армии, отец пошел в кино. Снимался в массовках, сыграл несколько ролей и даже одну главную. Кино нужны были интеллигентные молодые люди в метр девяносто. Он лишь гарцевал на лошадях, которых любил до конца жизни, галантно целовал, становясь на одно колено, руки киношным красоткам, курил сигары и пил шампанское из бокалов на высоких ножках. Образ абсолютно не соответствовал реальному облику: отец ненавидел табак и если пил, то очень изредка — красное сухое...

На полном серьезе мне рассказывали байки, как мой папа отдыхал в санатории с Михаилом Булгаковым. При тогдашних строгостях отец выручал друга, выбрасывая ночью со второго этажа связанные простыни и подтягивая к окну сначала писателя, а за ним и его гостю. Чушь. Хотя бы потому, что папа был настолько неумел в быту, что элементарно не мог при всем желании и уважении к Михаилу Афанасьевичу связать простыни узлом. Какой узел! Держал ли он в руках молоток или хотя бы гвоздь?

В детстве папа привел меня к Елене Сергеевне — жене давно ушедшего Булгакова. Она в ту пору болела, хотя прожила еще долго, очень жаловалась папе, что не издают книг мужа, а вот пьесы — ставят. У меня, маленького, вдруг разболелась голова. Елена Сергеевна сразу определила — мигрень. Промассировала виски и на прощание нацепила теплую шапочку: «Это — его. Тоже все время мучился». Отец шутил, что вроде не по Коле шапка. Тогда я не мог понять, чей головной убор

• Компания довольно разношерстная. Слева направо — Леонид Утесов, с которым дружили со времен «Веселых ребят». Дальше отец и знаменитый конферансье Михаил Гаркави. А справа писатель Лев Никулин. Помните его роман «Мертвая зыбь»?

• 5 мая 1945-го в Берлине народная певица Лидия Русланова выступала на ступеньках поверженного, у нас в семье говорили только так, рейхстага. Слева отец, который с ней дружил до конца своих дней. Потом он все сокрушался: «Сапоги почистить не успел, очень быстро мы шли».

в -надцатый раз отснятый материал, Мих. вдруг выпалил: «Так это же «Веселые ребята». Александров обещал поить его шампанским до конца дней своих, но обошлось бутылочкой, распитой в редакционном кабинете.

Отец и сам сочинял сценарии. Вместе с другом по «Комсомолке» Илюшей Бачелисом они сделали по-нынешнему хит конца 30-х: «Граница на замке». Название, ставшее крылатым, придумал папа. Потом были десятки документальных фильмов и довольно известные художественные — «Сильва» с другом Гришей Яром и «Девичья весна» об ансамбле «Березка», которым руководила первая жена Надежда Надеждина.

Стыдно до жути, но трижды и без особых усилий довелось мне побывать на Каннском кинофестивале. Отец, человек достатка среднего, рвался туда чуть не до последних лет. Копил деньги, записывался в специализированные тургруппы... и его, спецкора «Известий» с 1938-го по 1977-й, члена Союза кинематографистов и множества других творческих союзов, из списков — всегда в последний момент — удаляли. Где-то рядом с Парижем жил сводный брат Жорж.

ПОЧЕМУ ОН НЕ ПУГАЛСЯ ИНОСТРАНЦЕВ?

Когда одолевала грусть, отец звонил Михаилу Туганову — знаменитому руково-

ПОСМОТРЕВ С ГРИГОРИЕМ АЛЕКСАНДРОВЫМ В -НАДЦАТЫЙ РАЗ ОТСНЯТЫЙ МАТЕРИАЛ, МИХ. ВДРУГ ВЫПАЛИЛ: «ТАК ЭТО ЖЕ «ВЕСЕЛЫЕ РЕБЯТА»!

я потерял на следующий же день. Но, значит, была степень доверия и после ухода Михаила Афанасьевича.

Был в чудесных отношениях с Эйзенштейном, Довженко, Птушко... Поддерживал «Гришу» Александрова с его фильмой о джаз-бэнде с Леонидом Утесовым в главной роли. Только вот название никак не могли придумать и, посмотрев,

● Не знаю, какие отношения между собой были у великих – лирического тенора Ивана Козловского и кинорежиссера Сергея Эйзенштейна (справа). А Мих. дружил с обоими.

дителю циркового конного аттракциона. Я и вырос с этим именем на устах: когда болел, папа всегда развлекал рассказами о конниках Туганова, громивших фашистов.

Они вместе входили в Берлин, и это сближало — для людей их поколения взятие рейхстага было, по-моему, высшей и непревзойденной точкой. Между фронтовиками складывались особые отношения. Быстро различали друг друга, легко сходились. Увы, многие здорово пили — приучили их заветные и неизбежные в трудный час наркомовские сто грамм. На награды особо не смотрели. Говорили о фронтах, о полководцах, чаще всего о городах, где начинали. Обязательно о Берлине. Расписаться на рейхстаге считалось вершиной.

Вместе с кинорежиссером Романом Карменом — Ромкой — вспоминали, как ехали по трупам. А когда спросили у шофера, по чьим, то оба офицера получили по первое число.

Фото фронтовых корреспондентов на фоне рейхстага висело в квартире на видном месте. А больше всего на свете, это подчеркивалось без излишней скромности, папа гордился тем, что единственным из советских журналистов присутствовал на двух пиках войны: на подписании Акта капитуляции Германии в Карлсхорсте и на Нюрнбергском процессе. Отец заплатил за победу

гибелью двух братьев. Старший, Вова, погиб в ополчении под Москвой, а младший, Коля, — 9 мая 1945-го под Кенигсбергом. Коля был вообще парень невезучий — в 17 лет попал в тюрьму «за помощь кулакам» и промотался несколько лет по лагерям. Отца чуть не выгнали тогда из «Комсомолки», но встал горой редактор Тарас Костров, и от журналиста — брата осужденного — отцепились. Потом покончили с Костровым.

Страх был спутником того поколения. Можно ли было без него, когда сегодня ты знаменитый Николай Робертович Эрдман, а уже завтра — высланный Папин-Сибиряк? Сколько не создано и не написано из-за этого удушающего недуга. Когда папа спросил Николая Робертовича, что было самым страшным на севере, тот ответил: «Когда конвойный говорит, давай перебрасывай снег сюда. Перебросим, а он: а теперь давай перебрасывай обратно». Людей творческих это убивало.

ОТЕЦ ВОЗИЛ ВЕЛИКОГО ШОСТАКОВИЧА НА СВОЕМ УБОГОМ «МОСКВИЧЕ» К НАМ НА ДАЧУ. А ГЕНИЙ СМЕЯЛСЯ: «МИША, ВЫ ХОРОШИЙ ЖУРНАЛИСТ, НО КАК ВЫ ПОЛУЧИЛИ ПРАВА?»

Отец возил великого Шостаковича на своем убогом «Москвиче» к нам на дачу. А гений смеялся: «Миша, вы хороший журналист, но как вы получили права?» Может, ему было хорошо в компании неумелого водителя, ибо помнил, как после очередного разгрома его оперы в заказной рецензии отец нашел Шостаковича в полуобмороке у газетного киоска и отвез в каюту на корабль, на котором вместе они и отправились путешествовать по Волге?

А почему с отцом так дружили иностранцы, люди уехавшие? Он состоял в трогательной переписке с директором «Ла Скала» Антонио Гиригелли. Или вдруг в 1975 году позвонил мне в «Комсомолку»: «Срочно приезжай домой, нужна твоя помощь». Я рванул на Горького и, благо близко, застал картинку. Он и художник Николай Александрович Бенуа, заскочивший из Франции, по очереди пытаются вытянуть штопор из бутылки. Пробку-то я вытянул с первого раза. Но что толку? Кто мне Бенуа и кто я ему? А с отцом они дружили...

КАК В НЕМ УЖИВАЛИСЬ СТРАХ И МУЖЕСТВО?

Когда папы не стало, я попытался было разобрать огромнейшие залежи архивов. И не смог. Сломался на вторую неделю. Знал, что отец — трудяга. С утра до ночи и снова с раннего утра стучала в нашем доме машинка. В это время заходить в кабинет строго запрещалось. Но не думал я, что столько написано и столько загублено. Маленькая толика издана, поставлена, снята. Меня особенно угнетали кипы киносценариев, на которые уходили годы жизни. Они высились бесполезными памятниками журналистскому, писательскому трудолюбию.

Почему, по-нашему говоря, не пошло? Нет ответа.

Может, причина в том, что сидел в отце какой-то внутренний цензор, мешавший загнать в фильм то, о чем он так увлекательно рассказывал. Все же пройденная в жизни школа всесоюзного страха проникла и в сердце, и в душу. И этого проклятого цензора, омерзительного, намертво засевшего, было уже не выдавить. Сводный брат — беляк, бежал за границу, а младший и любимый брат Коля отсидел за помощь кулакам. Его и в войну-то взяли только в штрафбат, и позор, непонятно за что навешенный, пришлось смывать кровью.

Я нашел письмо отца своей тете, так куда-то в 1920-е в отличие от всех своих родственников не сбежавшей и осевшей в коммуналке в Ялте. Как у них, у той прослойки, и полагалось, общались на вы: «Тетя, прошу Вас, покажите Коленьке место, где мы в детстве отдыхали. Только объясните все аккуратно, с присущим Вам тактом. Объясните, что это наше семейное гнездо, добровольно переданное, кажется, простым железнодорожникам». И баба Женя привела меня в гнездо с мраморной лестницей. В санатории отдыхали работники МПС. Между прочим, когда мне говорят, что «Крым-то все равно не наш», слышать это тошно. Он и наш, и лично мой тоже.

Но почему такой жуткий страх уживался с постоянными командировками на фронт? Там что, страха не было? Исчезал? Эта его записка из Нюрнберга... Мне и сегодня попадается в Интернете книга Мих. Долгополова и неведомого мне и никому Кауфмана «Финские изверги». Отец тихо, опять тихо, рассказывал, что когда воевал в Финляндии, ему поручили написать о концлагерях, где умирали тысячами наших. И всегда добавлял, что по сравнению даже с немцами, а он навидался и фашистских лагерей, финны были жесточайшими палачами.

Мало медалей, за всю жизнь — один орден. И грустное, на сто процентов сбывшееся напутствие: «Привыкай, нас, Долгополовых, не награждают. Не обращай внимания. Не в том наше счастье».

Кое-что я принимал как надо. Иногда терялся. Тиски давили. Но главная потеря не в том, что не успел, не написал. Числю себя в умело потерявших волшебную палочку. Порвалась связь. Мы не приняли эстафеты. Не сумели взять от старших их луч-

• Друг семьи Олег Попов был простым парнем. И шутки у него с отцом были простыми.

шее. Оно кануло. Исчезло. Мне кажется, навсегда. Был долгий как жизнь момент, когда тяжелобольной правитель отдал все, что можно было отдать. Отцы собирали, склеивали по кусочкам, брали Берлин, а мы... Легче легкого справедливо сказать, что не виноваты, так сложилось, это все он и Беловежская пуща. Но большой грех и на нас. Культура уходит, как и переходящая в чужие владения земля. Так что еще раз низкий поклон за Крым.

... А отец мой болел страшно. Операция за операцией, и врачи-чудотворцы вытаскивали с того края. Выбравшись на пару месяцев из больницы, папа просил: «Отведи меня в «Известия». Подышу редакцией». И я тащил его в дом на Пушкинской. За неделю до смерти канатоходец Волжанский пригласил его в цирк на премьеру. Последний выход в свет. Высокий полет, риск, удача... Его принесли домой на руках, и папа сказал: «Ну, кажется, я совсем отходил. Даже рецензию не написать».

27 августа 1977 года он присел на дачную завалинку. Сказал: «Как сегодня поют птицы». И умер. Тело его потеряли по пути в Москву, и мы с заводом «Комсомольской правды» Володи Снегиревым мучительно тыкались во все подмосковные морги.

Отыскивали. Но как многое затерялось и ушло.

Сидел в отце какой-то внутренний цензор, мешавший загнать в фильм то, о чем он так увлекательно рассказывал

P.S. Замечаю за многими друзьями. Если вгрызаются в собственную генеалогию, значит, значительная часть пути пройдена, наступило время подведения итогов. Значит, осознание неотвратимого все-таки отогнало лень с ее вечным: не сейчас, завтра, потом, к чему торопиться. Как раз и пришла пора торопиться. И надо обязательно забросить в угол никчемную скромность. **Иначе кусочек маленькой, но дорогой лично для тебя истории уйдет в никуда, как уходит сегодня, проваливаясь во тьму-тарары, многое, если не всё и вся.**

Александр Колчак и его команда

Поразительные фотографии минувшего века писатель-маринист Николай ЧЕРКАШИН нашел на блошиных рынках

Мгновения истории, остановленные «фотокорами», «фэдами», «сменами»... Слава богу, что все эти старинные, чаще всего безымянные «миньоны», фотопортреты на тисненых серебром и золотом паспарту под папиросной бумагой, фронтовые — на скупых квадратиках «фотки», фигурно обрезанные карточки более поздних лет — не выбросили, не сожгли, а принесли на Измайловский вернисаж. Много лет я прихожу сюда едва ли не каждую субботу (в этот день самый большой выбор, на рынок приезжают «антиквары» со всей страны и даже с Украины), перебираю стопки потрепанных, измятых фотографий и открыток, вырванных с мясом из осиротевших альбомов, покупаю приглянувшиеся...

Охотников до этого, казалось бы, неходового товара немало. Кто-то собирает старые фото,

на которых изображены автомобили и мотоциклы. Кому-то важны снимки военных людей в качестве иллюстраций к альбому униформ. Театральные художники подыскивают образцы мужских костюмов и женских нарядов начала XX века...

Как это все попадает на блошиные рынки? Поговорил с продавцом.

— Раньше просто выбрасывали на помойку или сжигали. А теперь люди поумнее стали. Умерла старушка одинокая, к ней дворник наведается и первым делом фотоальбом заберет. А там он уже знает, кому нести. Заказчиков много.

На прилавках старые фото лежат в беспорядочных колодах, перетасованные как придется. Но если разложить их по хронологии и смыслу, могут открыться поразительные исторические панорамы — не сохраненные ни в каких архивах, не опубликованные ни в каких книгах. Крупницы народной памяти, рассеянные по прихоти случая...

1.

2.

3.

4.

5.

1. \ Самая моя большая удача в «измайловских охотах» — вот этот снимок.

Офицеры русского флота перед освоением Северного Морского пути. Через три года экспедиция откроет огромный кусок суши — Землю Императора Николая II (ныне Северная Земля).

В центре, заложив руку за борт кителя, сидит командир «Вайгача», один из инициаторов ГЭСЛО (Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана) капитан 2-го ранга Александр Колчак. Он счастлив: сбылась заветная мечта — выйти на штурм Арктики на специально построенных судах с новейшим гидрографическим оборудованием. К тому же два месяца назад у него родился первенец — сын Ростислав. На груди кавторанга — Владимир с мечами и бантом, за Порт-Артур.

Кто мог предсказать, что через десять лет его, как и сидящего по левую руку судового врача Эдуарда Арнольда, ждет расстрельная пуля?

По правую руку от командира — старший офицер «Вайгача» старший лейтенант Константин Ломан. Его тоже ждет печальная доля: погибнет в 1917 году на полуострове Сворбе (южная оконечность острова Эзель (Сааремаа) при взрыве артиллерийских береговой батареи.

За спинами сидящих (слева направо) стоят: вахтенный начальник лейтенант Николай Гельшер (расстрелян в Петрограде в 1919 г.), лейтенант Виктор Нилендер (эмигрантская судьба забросит его в Бразилию, умер и похоронен в Сан-Паулу).

Далее — лейтенант Георгий Брусиллов, тот самый, что через два года снарядит

на свой страх и риск частную экспедицию, уведет в полярные льды шхуну «Святая Анна» и безвестно сгинет в белом безмолвии Арктики. По одной из версий, вмерзшая в лед шхуна попала в круговое течение и по сию пору дрейфует вместе с вечными льдами. По другой — «Святую Анну» вынесло в 1915 году на чистую воду в Северной Атлантике и на пути в Россию она была потоплена германской подводной лодкой.

Наконец, последний в ряду — лейтенант Алексей Пилкин, герой Порт-Артура, впоследствии капитан 2-го ранга, родной брат контр-адмирала, который в годы Гражданской войны возглавлял в Северо-Западной русской армии Морское управление. Умер в эмиграции в 1960 году. Похоронен Алексей Пилкин в Ницце.

6.

ПРОЕКТ «БЛАГОДАРЕНЬЕ СНИМКУ»

Дорогие читатели!

Рубрика «Благодаренье снимку» будет постоянной в нашем журнале. И, значит, никак не обойдется без вашей поддержки. Просим присылать в редакцию старые фотографии, ставшие, на ваш взгляд, документами эпохи. Не важно, куплены они на развалах или хранятся много десятилетий в семейных альбомах, — важно, чтобы в них бился пульс Времени.

Автором идеи и ведущим рубрики будет давний автор «Родины» писатель Николай Черкашин. Совместными усилиями мы обязательно составим уникальную фотопанораму истории нашей Родины.

Ваша «Родина»

! Фотографии можно присылать на электронный адрес rodinainfo@rg.ru,
• а бумажные копии снимков — на почтовый адрес редакции:
125993, Москва, ул. Правды, 24, стр. 4. Редакция журнала «Родина»

7.

8.

9.

Семеро смелых... Бесстрашно смотрят они навстречу черным судьбам своим. 1910 год. Французский порт Гавр. Палуба «Вайгача».

Еще не открыта Северная Земля... Она одна им будет общим памятником. Фотография не подписана, но всех, кто на ней изображен, удалось установить с помощью замечательного историка русского флота, автора «Родины», ныне, увы, уже покойного, Владимира Викторовича Лобыцына.

2—3. \ А вот мужчин начала того же века из этой топографической партии установить гораздо сложнее. Перед нами инженеры-геодезисты, принимавшие участие в изысканиях по возведению длинного моста. Через Волгу? Или какую-

то великую сибирскую реку? Судя по присутствию армейского капитана, работа велась в интересах военного ведомства.

4. \ Портрет-миньон петербургской гимназистки — в отличие от многих он подписан: гимназия принца Ольденбургского, Нина Богатенкова.

5. \ Весьма потертой фотооткрытке подпись не требуется: знатоки без труда узнают актрису Ольгу Чехову.

6—7. \ Два крохотных, чуть больше почтовой марки фото времен Первой мировой войны.

8. \ А вот этот небольшой пожелтевший клочок фотобумаги — редчайшая

удача: великий князь Николай Николаевич, бывший главнокомандующий русской армии в годы Первой мировой, снят, скорее всего, в Ницце, где доживал свой век в эмиграции. Он направляется к своему авто, у которого почтительно замер шофер. Один из тех офицеров, что разделили с великим князем и фронтовые годы, и безвременье изгнания.

9. \ И, наконец, еще один выдающийся подарок блошиного рынка: цесаревич Алексей обедает в окружении офицеров. Вероятно, снимок сделан в Могилеве в Ставке Верховного главнокомандующего в 1916 году. Надеюсь, профессиональные историки смогут атрибутировать эту фотографию.

Высоцкий и война:

ЭТО было, было, было...

• «Когда на смерть идут — поют, а перед этим можно плакать...» — Высоцкий в спектакле «Павшие и живые» на Таганке. Фото РИА Новости

текст **Николай АНДРЕЕВ**

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ
«ЗНАНИЕ»
ГОТОВИТСЯ
К ПЕЧАТИ
БИОГРАФИЧЕСКАЯ
КНИГА «ЖИЗНЬ
ВЫСОЦКОГО»*.
А ЭТОТ
МАТЕРИАЛ АВТОР
КНИГИ НАПИСАЛ
СПЕЦИАЛЬНО
ДЛЯ ЖУРНАЛА
«РОДИНА».

Сильный на впечатления, на события эпизод детства Высоцкого — два года в Германии. Там служил его отец Семен Владимирович, он и взял к себе сына.

Через неделю, как устроились, Володя прибегает к Евгении Степановне, мачехе, взволнованный: «А ты знаешь, что мы живем у фашиста?» — и показал ей фотографию, на которой изображен хозяин дома со свастикой на мундире. С этого дня стал дерзко вести себя с фрау Ани, хозяйкой дома — грубил, хамил. Отношения накалились до такой степени, что Семен Владимирович принял решение переехать в другой дом. И переехали. Но Володя был непримирим: однажды, встретив фрау Ани с мужем, он подбежал к нему и крикнул: «Вилли, ты — фашист! Фашист! Фашист!» Евгения Степановна пыталась его успокоить, но Володя был в страшном возбуждении: «Фашист! Он убивал детей! Он мог папу убить, он мог тебя убить. Он всех детей убивал, он — фашист...»

ЖИЛИ ВЫСОЦКИЕ В ЭБЕРСВАЛЬДЕ, небольшом городке километрах в сорока к северо-востоку от Берлина. Условия роскошные — занимали целый этаж дома, у Володи отдельная комната. Общался, с кем хотел, в том числе и с немецкими детьми. Катался на велосипеде, да с выкрутасами — спиной к движению, с трюками. Перед отъездом из Эберсвальда на родину Володя

отдал велосипед Гансу, своему немецкому другу. «Мы ж собирались взять велосипед с собой», — напомнил сыну Семен Владимирович. Володя объяснил: «Ты у меня живой, а у него нет папы...»

ВОТ ЧТО ИНТЕРЕСНО: о чем разговаривали на вечеринках в доме у Высоцких в Эберсвальде? Ведь там собирались люди, доверяющие друг другу, в том числе и дядя Володи — Александр Владимирович, которого он очень уважал, прислушивался к его мнению, гордился им. Позже Лидия Сарнова (племянница Евгении Степановны) скажет Володе: «Но отец твой тоже военный». А он: «Нет, ты не понимаешь, это боевой офицер!» Алексей Владимирович артиллерист, прошел всю войну. Командовал противотанковой батареей — это, считай, штрафбат, уцелеть почти невозможно. Семен Владимирович связист. Устанавливал связь под огнем — опасно.

Вспоминали они бои? Они ведь знали, что Победа пришла благодаря каж-

* Издание осуществлено при поддержке президентского фонда Б.Н. Ельцина

додневной и еженощной работе, противоестественной человеческой натуре, а часто и непосильной. Тогда, сразу после войны, не было еще хвастливых рассказов, каковыми отличались ветераны в 70—80-е годы. Сразу после Победы не нафантазируешь: каждый воевавший имел представление, что такое бой и что такое жизнь и смерть. Впечатления для своих военных песен Высоцкий почерпнул именно тогда.

Алексей Владимирович, дядя, когда услышит «Штрафные батальоны», скажет: «Это ж надо — как будто Володя воевал...»

1973 ГОД. Высоцкий и Марина Влади едут на машине в Париж. Польшу проскочили на одном дыхании. Затем серая, скучная Германская Демократическая Республика. Влетают в Западный Берлин — сверкающий и жизнерадостный. Первый западный город, который Высоцкий увидел. Вот где он потерял самообладание. Вот где он испытал унижение. Записал в дневнике:

«Дотянули до Западного Берлина. Любезный немец выпускал нас из ГДР — в этот любимый и ненавистный для демократических Западный Берлин. Пограничники ФРГ — просто машут рукой, даже не проверяя паспортов — зачем?»

Устроились в маленьком пансионате «Антика». 30 марок — ночь. Пошли есть — ели нечто выдающееся. Берлинский какой-то гигантский кусок — целую ногу с костью от свиньи, т. е. вареный окорок. Весь съесть невозможно — мы съели. Потом погуляли: город богатый и американизированный — ритм высокий, цены тоже, и все есть на тротуарах — стеклянные витрины-тумбы, там лежит черт в ступе. Никто не бьет стекла и не ворует. Центральная улица — Курфюрстенштрассе — вся в неоне, кабаках, магазинах, автомобилях. Вдруг ощутил себя зажатым, говорил тихо, ступал неуверенно, т. е. похух совсем. Стеснялся говорить по-русски — это чувство гадкое, лучше, я думаю, быть в положении оккупационного солдата, чем туристом одной из победивших держав в гостях у побежденной.

Даже Марине сказал, ей моя зажатость передалась. Бодрился я, ругался, угрожал устроить Сталинград, кричал (но для нас двоих): «суки-немцы» и т. д. Однако я их стесняюсь, что ли? Словом — не по себе, неловко и досадно».

Драматические впечатления от Западного Берлина ничуть не отразились на творчестве Высоцкого, в том числе и на военной теме. И не поменялось отношение к Победе — это великий подвиг. Иначе не написал бы Высоцкий великих песен о войне. Почти каждый концерт он начинал песней «На братских могилах не ставят крестов...» — и аудитория сразу была его. Он потом мог петь о чем угодно — «Разговор у телевизора», «Я из дела ушел», «Песенку прыгуна в высоту», «Веселую покойницкую», любую — аудитория воспринимала его как своего.

В 1970 ГОДУ Высоцкий отвечал на анкету, которую притащил рабочий сцены театра Анатолий Меньшиков. Среди вопросов был и такой: «Ваша любимая песня». Высоцкий написал: «Вставай, страна огромная!» Меньшиков был разочарован: «Я думал, Володя, ты человек серьезный, а ты шутками отделался». — «А что тебе не нравится?» — «Да вот... «Вставай, страна огромная» — это же патриотическая песня, ее хором поют...»

И вдруг! Глаза у Высоцкого сузились — прострелил Меньшикова насквозь.

«Щенок! Когда у тебя мороз по коже пойдет от этой песни, ты поймешь, что стоит за этим».

Взять и заставить людей слушать, затаив дыхание! Это качество хорошо иметь полководцу

«И только потом, — пишет Меньшиков, — поздним умом я понял, что в анкете он нигде не покривил душой. Я узнал про его военное детство. Понял, что значила для него эта песня. А она же действительно потрясает!»

ВСЕРЬЕЗ НАЧАЛАСЬ ДЛЯ ВЫСОЦКОГО ВОЕННАЯ ТЕМА, когда он пришел в Театр на Таганке. Любимов поставил к 20-летию Победы спектакль «Павшие и живые». Юбилей отмечался мощно — Брежневу надо отдать должное, он возродил уважение и к этой дате, и вообще к Победе.

«Павшие и живые» — это даже не спектакль, а поэтическая композиция по стихам военных поэтов: Бориса Слуцкого, Давида Самойлова, Александра Межирова, Константина Симонова, Михаила Кульчицкого... Оформление предельно аскетичное: три дороги, Вечный огонь. Для этого спектакля Любимов попросил Высоцкого написать песню. Песню необычную: от имени немецких солдат. Песню точную по психологии, не кривляющуюся, сильную. Невообразимой сложности задача — Высоцкий справился с блеском.

● Фото РИА Новости

*По выжженной равнине —
За метром метр —
Идут по Украине
Солдаты группы «Центр».*

И ритм нашел — в нем угроза,
напор и в то же время обреченность.

*А перед нами все цветет —
За нами все горит.
Не надо думать! — с нами тот,
Кто все за нас решит.*

К этим словам — «Не надо думать! — с нами тот, кто все за нас решит» — комиссия по приемке спектакля и прицепилась. Увидели в них, как тогда говорили, аллюзию. И не только к этому прицепились — чуть ли не каждая строчка из стихов военного времени вызывала подозрение. Спектакль запретили. И только после многочисленных переделок к концу юбилейного года разрешили. Песню «Солдаты группы «Центр» удалось отстоять.

У Высоцкого около полусотни песен, так или иначе связанных с войной. Среди них есть знаменитые, которые он сам часто исполнял — «На братских могилах...», «О погибшем друге», «Штрафные батальоны», «Военная песня», «Песня о госпитале», «Сыновья уходят в бой», «Тот, который не стрелял», «Про Сережку Фомина»... Дру-

гие реже — «Баллада о ненависти», «Баллада об оружии», «В плен — приказ: не сдаваться, — они не сдаются», «Песня о конце войны»...

ПОЛНО ИСТОРИЙ, откуда Высоцкий черпал сюжеты песен. Артур Макаров рассказывал: «Мы не давали себе отчета — откуда все это берется. Еще одна новая песня — ну и хорошо. Даже если и узнавали что-то из нашей жизни, то никто не обращал внимания. Ну, например, меня вывезли из блокадного Ленинграда. Володя часто просил меня рассказать о блокаде — и я рассказывал, что знал...»

Понятно, что песня «Ленинградская блокада» — следствие рассказа Макарова:

*Я вырос в ленинградскую блокаду,
Но я тогда не пил и не гулял,
Я видел, как горят в огне Бадаевские склады,
В очередях за хлебушком стоял.*

Обрывок фразы, намек на ситуацию преобразались в сюжет... Еще одна история, рассказанная Яловичем, сокурсником по Школе-студии МХАТ. Идут они с Высоцким по улице Горького, слышат разговор двух мужчин, один другому: «Представляешь, встречаю я его, а у него, тыловой крысы, на груди Золотая Звезда Героя». Высоцкий это запомнил. И результат:

*Встречаю я Сережку Фомина,
А он — Герой Советского Союза...*

Хотя не верится в такой случай. Звезду Героя в военные времена по блату не получишь, даже пронырливой тыловой крысе. Но история в песне с тайной, в ней много смысла. Известный журналист Андрей Иллеш рассказывал такой случай середины 50-х годов: «В нашем дворе обитали три бывалых алкоголика. Толик и Карандей были личностями яркими... Третий же вообще без лица, без особенностей и оригинальности поведения. Звали его просто — Васнадзе. Трезвым я его не встречал. Неожиданное произошло 9 мая. Утром во двор вышел Васнадзе как стеклышко. На лацкане пиджака с загнутыми наружу уголками висела звезда Героя Советского Союза. Мужики открыли рот от изумления: Васнадзе оказался Героем».

Происходило это, кстати, совсем недалеко от Большого Каретного — в Камергерском переулке. Жил Андрей в доме, напротив МХАТа и его Школы-студии. Васнадзе вполне годится на прообраз Сережки Фомина.

Хотя сам Высоцкий на одном из концертов утверждал: «Я все придумываю, иначе это не было бы искусством. Я думаю, это настолько придумано, что становится правдой».

Но ведь так придумано, что от жизни не отличишь. А иные рассказывают вполне жизненную историю, а не веришь...

Высоцкий продолжает: «Темы — повсюду: те новые впечатления, которые я получаю, являются основой, а вообще это все придумано, обрастает материалом. Я же имею право на авторскую фантазию, на какие-то допуски. Песни мои — сюрреальные: в них иногда происходят такие вещи, которых мы в нормальной жизни, может быть, никогда и не видим. Десять процентов я беру из чьих-нибудь рассказов и собственных впечатлений, а на девяносто процентов придумано. Иначе нет

• А вот в кино Высоцкий, увы, недоевал. Мало было ролей под стать его таланту.

тайны, ее даже песней не назовешь, какая же это поэзия?!. Героев я не ищу — в каждом из нас похоронено по крайней мере тысяча персонажей. Есть глаз, есть ухо, слышишь и видишь все вокруг. Трудно объяснить, где я беру героев для песен — вот они здесь, вы все здесь передо мной сидите».

Любимов рассказывал: «Я был с Владимиром в войсках, и очень крупный военачальник говорил, что он завидует дару этого человека влиять на людей. «Какая у него сила, какая у него огромная энергия — взять и заставить людей слушать, затаив дыхание! Это качество хорошо иметь полководцу».

В 1963 году Высоцкий с другом Михаилом Туманишвили отправились подзаработать в Сибирь — читали стихи, отрывки из прозы. А выступали они от Калмыцкой филармонии. И что-то там возникло с финансами — перерасход, что ли... Прилетел проинспектировать их работу директор — суровый мужчина, в возрасте, прошел Отечественную. Высоцкий спел «Штрафные батальоны», «Мне этот бой не забыть нипочем». Ветеран войны был потрясен. Туманишвили рассказывает: «Я тогда впервые увидел, как взрослый сильный человек может сломаться от Володиных песен. Он сидел и плакал. Здоровый мужик — крепкий, кряжистый. Он сказал: «Ребята, работайте, как хотите! Вы чудные парни!»

ЗРЕЛЫЙ ВЫСОЦКИЙ скажет: «И самое главное, я считаю, что во время войны есть больше возможности, больше пространства для раскрытия человека — ярче он раскрывается. Тут уж не соврешь, люди на войне всегда на грани, за секунду или за полшага от смерти. Люди чисты, и поэтому про них всегда интересно писать».

ОДНУ ИЗ ИСТОРИЙ дяди Алексея Владимировича, рассказанных маленькому Володе, он вспомнит через много лет. Дядин батальон держал оборону в плавнях, а фланги не прикрыты. В панике сообщили об этом открытым текстом. Немцы его перехватили и поперли напрямую. Командир батальона дал команду на отход. Приказ расстрелять его за это не был приведен в исполнение, потому что начался сильный обстрел...

Боевой эпизод стал основой для песни «Тот, который не стрелял».

Мой командир меня почти что спас,
Но кто-то на расстреле настоял,
И взвод отлично выполнил приказ,
Но был один, который не стрелял.

Комбат услышит
эту песню. Скажет:
«Да, это было. Точно.
Было,
было,
было...»

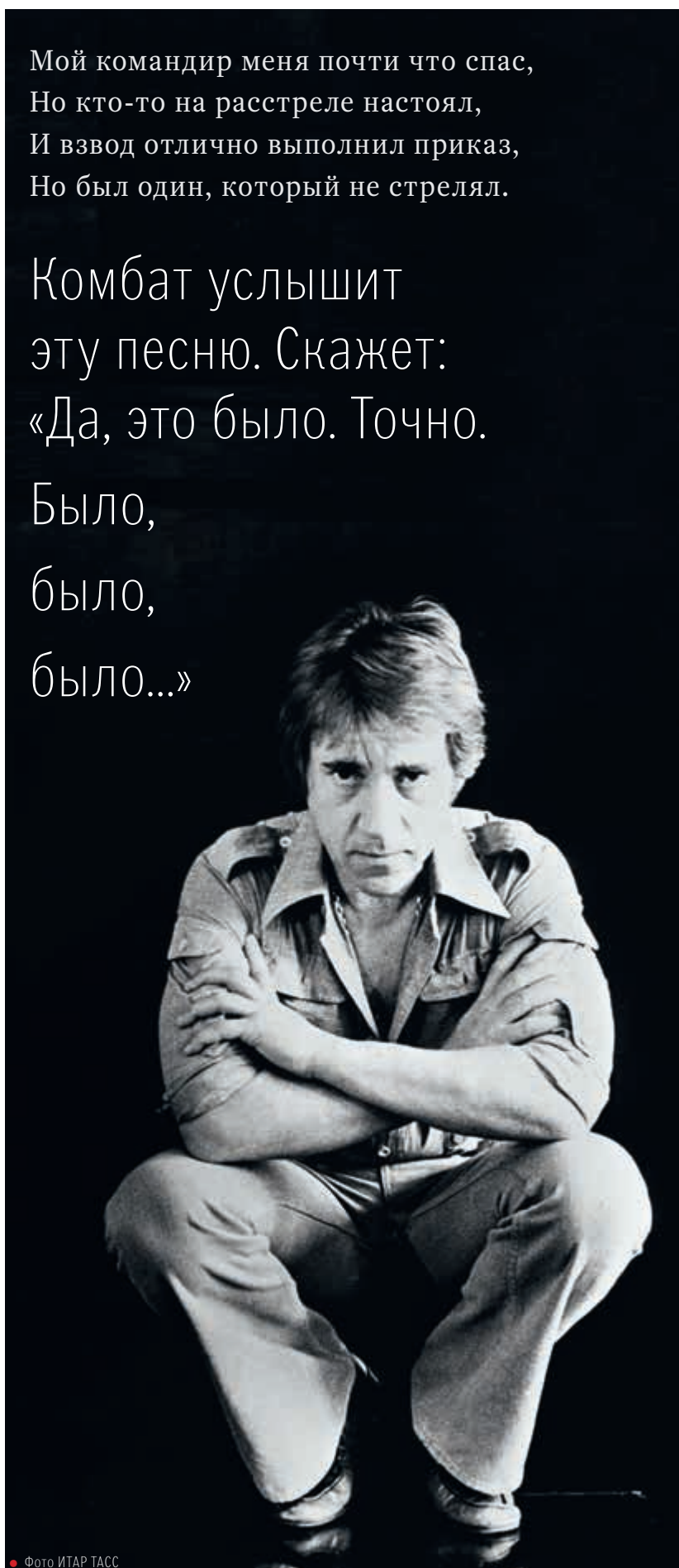

Фото ИТАР ТАСС

РУБРИКА «ПИСЬМА ОТ РУКИ»

Не только наши дети, но и мы сами привыкли к электронной переписке. Когда на полке между книг нам вдруг попадет давнее, написанное от руки письмо, мы смотрим на него виновато и зачарованно. Эти круглые штампы с названиями городов, непрменная картинка в левом углу — со зверушками или красными командирами, с какой-нибудь рыбкой или Кремлевской башней.

В письмо могли быть вложены засохшие цветы, осенние листья, марки, фотографии... Но все это только окрестности письма, а вот оно само. Стоит открыть вчетверо сложенный листок — и сожмется время, мы услышим голос, родной, милый, единственный. Стоит прочитать первые строки — и все живы,

смерти нет. Как многое, оказывается, можно сказать почерком, наклоном букв, помаркой, манерой своим особенным образом сгибать листок бумаги...

Священник Павел Флоренский со свойственной ему тонкой мудростью отмечал: «В произведении руки человеческой... всегда есть таинственное мерцание жизни, как непосредственно чувствуется это мерцание... в тончайших оплетениях жилок листа. Машинная же вещь не мерцает, а блестит, лоснится мертво и нагло. И напрасно было бы думать, что дети этой разницы не подмечают; нет, они чувствуют ее в возрасте уже самом раннем...»

Об этом наша рубрика «Письма от руки».

письмецо в конверте

ПОГОДИ, НЕ РВИ...

• Фото РИА Новости

О чем не следует забывать в век торопливых электронных имейлов

ТЕКСТ **ДМИТРИЙ ШЕВАРОВ**

Еще в отрочестве, обнаружив в собрании Пушкина том писем, я отчего-то был поражен странным чувством: почему письмо, хрупкий невесомый листок бумаги, легко прошел веков завистливую даль, а человеку этого не дано?..

Принявшись за чтение пушкинских писем, я с досадой наткнулся на вкрапления французских слов. За переводом надо было отправляться в полумрак комментариев (а там, в этих подвалах, столько всего, что того гляди утонешь!).

«Гаврила — слуга Пушкина». А «Пу» — это, оказывается, Пугачев. «Сашка рыжий» — сын поэта Александр Александрович. «Абрамово — почтовая станция между Арзамасом и Ардатовым, в 12 верстах от Болдина».

Много лет спустя, открыв карту Нижегородской области, я вдруг увижу, что родное дедушкино Китово (куда мы с ним так мечтательно собирались, да так и не собрались) находится всего в 30 с небольшим километрах от пушкинского Болдина. Ах, почему мы не посмотрели на эту карту, пока дедушка был жив!

А вот к пушкинским письмам возвращаться — всегда отрада. Но отчего-то иногда вдруг с каждой страницы слышишь слово «прощай»...

В июньском письме 1831 года Пушкин прощается с князем Вяземским: «Прощай до свидания». Мы привыкли к отрывочным «Прощай» и «До свидания». И у Пушкина они обычно отделены друг от друга запятой: «Прощай, до свидания». А тут нет запятой, потерялась, забылась и неожиданно восстановился чистый смысл: мы, конечно же, прощаемся не навсегда, а до следующего свидания. «Прощай до свидания»... Вот как надо бы нам прощаться. И приветствовать наших близких и друзей полной фразой, с нежностью или подчеркнутым уважением: мой любезный, моя душа, мой ангел...

В слове «прощай» уже светится «прости», но это все-таки еще жест, взмах руки. Но вот в письмах тридцатых годов Пушкин все чаще пишет «прости» вместо «прощай».

Это поразительно, но почти у всех своих корреспондентов он просит прощения. В текст, наполненный житейскими или литературными подробностями, эти настоячивые «прости» врываются как тревожные вестники последнего прощания:

«Прости, душа...» (П. Плетневу, 9 декабря 1830 г.);

«Прости, отвечай...» (П. Нащокину, 19 июня 1830 г.)

«Простите меня великодушно...» (И. Киреевскому, 4 января 1832 г.);

«Прости...» (Н. Пушкиной, 2 октября 1833 г.).

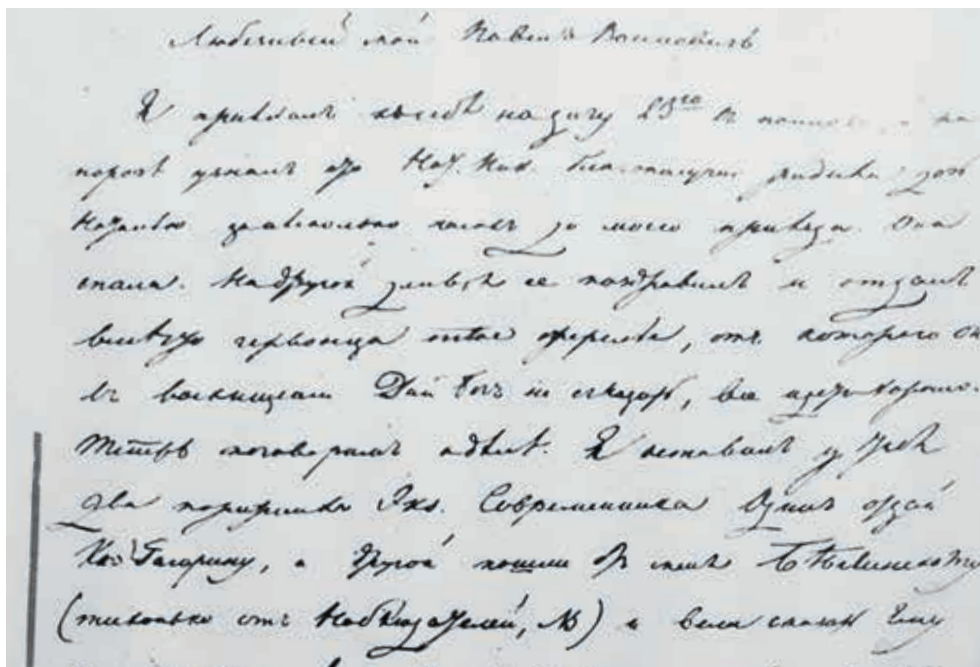
Как жаль, что раньше я ничего не знал об этом Пушкине. Нам говорили о пророке, мы разбирали «Онегина», но вот Пушкина, который просит

В ПРОИЗВЕДЕНИИ РУКИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ВСЕГДА ЕСТЬ ТАИНСТВЕННОЕ МЕРЦАНИЕ ЖИЗНИ

прощения, — нет, я не узнал его в той одинокой фигуре, что бродила за дождливым окном.

Итак, начнем наши «Письма от руки» с Пушкина — с кого же еще нам в России начинать? Пляшем от печки, читать и писать начинаем с Пушкина.

«ПИШУ, А НИКТО МНЕ НЕ ОТВЕЧАЕТ...»

Александр Сергеевич ПУШКИН — Павлу Воиновичу НАЩОКИНУ

февраль 1833 года

Из Петербурга в Москву

Что, любезный Павел Воинович? получил ли ты нужные бумаги, взял ли ты себе малую толику, заплатил Федору Даниловичу, справил ли остальную тысячу с ломбарда, пришлешь ли мне что-нибудь? Коли ничто еще не сделано, то сделай вот что: 2525 рублей доставь, сделай одолжение, сенатору Михаилу Александровичу Салтыкову, живущему на Маросейке, в доме Бубуки, и возьми с него расписку. Это нужно, и для меня очень неприятно.

Что твои дела? За глаза я все боюсь за тебя. Все мне кажется, что ты гибнешь, что Вейер тебя топит, а Рахманов на плечах у тебя. Дай Бог мне зашибить деньгу, тогда авось тебя выручу. Тогда авось разведем тебя с сожительницей, заведем мельницу в Тюфлях, и заживешь припеваючи и пишучи свои записки. Жизнь моя в Петербурге ни то ни се. Заботы о жизни мешают мне скучать. Но нет у меня досуга, вольной холостой жизни, необходимой для писателя. Кружусь в свете, жена моя в большой моде — все это требует денег, деньги достаются мне через труды, а труды требуют уединения.

Вот как располагаю я моим будущим. Летом, после родов жены, отправляю ее в калужскую деревню к сестрам, а сам съезжу в Нижний да, может быть, в Астрахань. Мимоездом увидимся и наговоримся досыта. Путешествие нужно мне нравственно и физически.

Александр Пушкин

Оседлавший Конька

*Современные мысли
по случаю
двухсотлетия
со дня рождения
Петра Ершова*

ТЕКСТ **Лев АННИНСКИЙ**,
обозреватель журнала «Родина»

ДАТА РОЖДЕНИЯ ИЗВЕСТНА: шестой день месяца апреля двести лет тому назад. Место рождения менее известно. Биографы не копаются в заставках Ишимского уезда (тем более, что чиновник-отец по нуждам службы часто меняет адреса) — место рождения отпрыска станут определять в его жизнеописаниях глобально-значимо и анкетно безошибочно: уроженец Сибири.

Вообще-то семейство мечтает о более престижных местах. Перебирается в Тобольск. Потом, наконец, в Санкт-Петербург. Это определяет судьбу юного Ершова: ему как раз 16 лет, и его вместе с братом зачисляют в столичный университет — учиться филологии и юриспруденции...

А там-то и ждет его тот самый судьбоносный конек...

Надо его только оседлать.

В 1834 году юный студент пишет курсовую работу — стилизацию народной сказки под титулом «Конек-Горбунок». Подает профессору Плетневу. Тот читает. Сначала про себя. Потом курсу, в рядах которого сидит автор. И тоже слушает — то ли свое сочинение, то ли запись подслушанных в народе сказок...

Успех — феноменальный! Публикация в журнале «Библиотека для чтения»! Полдюжины отдельных изданий, одно за другим!

На крыльях успеха выпускник университета возвращается в Тобольск, рассчитывая заняться литературной и просветительской деятельностью: успех «Конька-Горбунка» обеспечивает и спрос, и безбедное существование...

И что же?

Судьба (счастливая? несчастная? обманчивая?) определяет Ершова в местную гимназию — и он честно вкалывает там сначала учителем, потом инспектором, потом директором — до своей отставки, после которой вплоть до смерти (в 1869 году) продолжает публиковать новые опусы — без всякого заметного резонанса. Жизнь кончает тихо и безвестно...

если не считать того, что Конек продолжает триумфальную скачку в умах и чувствах россиян.

Эта скачка и есть то чудо, которое ввело ее автора в золотой фонд российской словесности и снизило ему любовь читателей на столетия вперед...

А стоит у истоков чуда мифическим (в смысле: таинственным) образом — Александр Сергеевич Пушкин, которому Петр Александрович Плетнев показывает сочинение своего подопечного студента.

Оценки Пушкина ловят на слух, передают из уст в уста, уточняют, оспаривают:

«ТЕПЕРЬ ЭТОТ РОД СОЧИНЕНИЙ можно мне и оставить...»

(Точно: после 1834 года — оставил, но вряд ли только из-за «Горбунка». — Л. А.)

«ЭТОТ ЕРШОВ ВЛАДЕЕТ РУССКИМ СТИХОМ, точно своим крепостным мужиком». (Шутит? В Сибири крепостных нет. — Л. А.)

Шутки шутками, но конь легенды скачет! А что, если Пушкин не просто похвалил дебютанта, а прочел при нем его опус? А что, если кое-что и подсказал? А что, если и вписал кое-что в «Конька-Горбунка»?

Но сейчас более существенным мне кажется другой вопрос: почему сказка воспринята с таким восторгом миллионами читателей, которые отдали ее своим детям (хотя написана — для взрослых),

почему второе столетие читается как откровение русской души — независимо от того, кто нашел слова: великий классик или начинающий студент?

Что таится в этом тексте, с первых строк западающем в память?

«ЗА ГОРАМИ, ЗА ЛЕСАМИ, за широкими морями, не на небе — на земле жил старик в одном селе. У старинушки три сына: старший умный был детина, средний сын и так и сяк, младший вовсе был дурак...»

Оставим лукавую неопределенность «прописки» (то ли на небе, то ли на земле), но почему сразу — дурак?

Да потому, что в тылу у «дурака» всегда — брат, могучий умница, который прикроет в случае чего...

А если «случай чего» как раз и таит загадку русской реальности, что оборачивается «и так и сяк»? «Так» — как восприняли сказку миллионы читателей. И «сяк» — как воспринял отвергший ее неистовый Виссарион?

«БЫЛО ВРЕМЯ, КОГДА НАШИ ПОЭТЫ, даровитые и бездарные, лезли из кожи вон, чтобы попасть в классики, и из сил выбивались украшать природу искусством; употребить какое-нибудь простонародное слово или выражение, а тем более заимствовать сюжет сочинения из народной жизни, не исказив его пошлым облагорожением, значило потерять навеки славу хорошего писателя. Теперь другое время; теперь все хотят быть народными; ищут с жадностью всего грязного, сального и дегтярного; доходят до того, что презирают здравый смысл, и все это во имя народности...»

Прозрачная параллель с Далем выводит Ершова на совершенно невообразимый уровень — не по масштабу (тут резонанс сравним), а по существу вклада. «Толковый» Словарь Даля и «бестолковая» сказка Ершова — в разных краях словесности. Но — одной словесности и одной реальности.

Но Белинский не хочет всматриваться:

«...О СКАЗКЕ Г. ЕРШОВА — НЕЧЕГО И ГОВОРИТЬ. Она написана очень не дурными стихами, но, по вышеизложенным причинам, не имеет не только никакого художественного достоинства, но даже и достоинства забавного фарса. Говорят, что г. Ершов молодой человек с талантом; не думаю, ибо истинный талант начинается не с попыток и подделок, а с созданий, часто нелепых и чудовищных, но всегда пламенных и, в особенности, свободных от всякой стеснительной системы или заранее предположенной цели...»

Ничего не навевает?

Ломоносов и Тредиаковский учтиво полемизировали, отдав все срамное на откуп бесстыдному Баркову. «Другое время» с поисками сального и дегтярного — это уже времена Белинского. И сейчас — не оно ли вновь наступило? Когда на месте героики упоенно развлекается самозабвенная попса?

Может, умопомрачительную смену российских эпох чует и отвергает неистовый критик? Да он ли один? Не это ли чует Кольцов при мысли о том, что богатырская голова русского исполни-

Фото РИА НОВОСТИ

на может скатиться с плеч от соломинки (в три дня! — причитает Розанов в Октябрьские дни... В три дня, — причитаем и мы, провозжая в небытие канувший Советский Союз).

Два горбика, меж которыми держится на своем коньке умный русский «дурак», — не тот же ли образ неизбывной «сдвоенности»? Не тут ли — тайна зоркости сибирского студюзуса, попавшего в стольную реальность и учуявшего эту реальность с такой ирреальной стороны, которую Белинский знать не хочет и со страхом отвергает?

Откуда страх-то?

А — «ЧТОБЫ НЕ БЫЛО содому, ни давёжа, ни погрому, и чтобы никой урод не обманывал народ!»

Ведь урод — тот, что возлежит в столице, — не кто иной, как царь-батюшка...

Вот только столица та — игрушечная, не в центре мироздания, а тут, «недалёко от села»; мироздание — море-окиян, не всамделишный; в нем поперек пути лежит родная страна под названием «Рыба-кит», вся истыканная, изрытая, зачем-то проглотившая кучу соседей, попутно и для нее надо бы выпросить прощения у судьбы. Но цель куда как попроще, очередная услуга царю, который дурит не хуже нашего героя.

Сев на своего Конька, герой добывает царю девицу; девица оказывается тощей дурнушкой (тьфу! Не за что ухватиться!);

ЧТО ТАИТСЯ В ЭТОМ ТЕКСТЕ, С ПЕРВЫХ СТРОК ЗАПАДАЮЩЕМ В ПАМЯТЬ?

однако для успешного сватовства ищут знатока («Ерша-гуляку» — в этом имени Ершов особенно трогателен); сводят царя и невесту (авось потолстеет!), и тут очередной абсурд: ей — пятнадцать, она за царя-старика идти не хочет; однако «бочки с фряжским» делают свое дело: напившийся народ дерет глотки, поздравляя царя с законным браком...

Что имеет повествователь с этого дуроломства? Да ни капли! «По усам бежало, в рот не попало». Неизбывный абсурд просвечивает сквозь скачку бытия, требующего изумительно прозорливой дурости от седока. Который уже почти два века все седлает, седлает Конька для бесконечных подвигов.

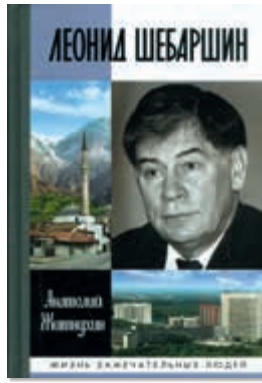
• Художник Д. Дмитриев. Иллюстрации к сказке П. Ершова «Конек-Горбунок».

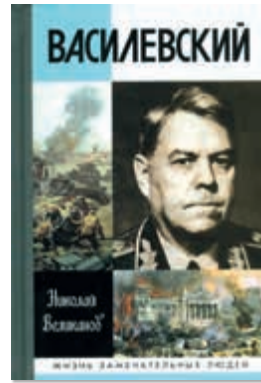
Бердинских В. А. История советской поэзии. — М.: Ломоносов, 2014. — 448 с.

В обобщающую книгу по истории русской поэзии советского периода, написанную профессором, доктором исторических наук писателем Виктором Бердинских, вошли критико-биографические статьи о более чем сорока поэтах. Первый раздел «Большая четверка» отдан крупнейшим поэтам XX века — Б. Пастернаку, А. Ахматовой, О. Мандельштаму и М. Цветаевой. Оригинальные разделы о советском неоромантизме (Н. Тихонов, Э. Багрицкий, М. Светлов) и советском неоклассицизме (А. Сурков, В. Луговской, К. Симонов), детской поэзии (К. Чуковский, С. Маршак, С. Михалков), «неокрестьянской» поэзии (А. Твардовский, М. Исаковский, Н. Рубцов), «лагерной» поэзии (В. Шаламов, А. Баркова), «бардовской» поэзии (Б. Окуджава, А. Галич, В. Высоцкий), о «поэтах-эстрадниках» (Е. Евтушенко, А. Вознесенский). Отдельная глава посвящена поэзии И. Бродского.

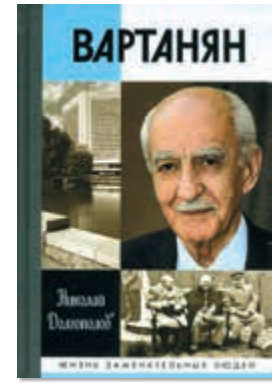
Житнухин А.П. Леонид Шебаршин. Судьба и трагедия последнего руководителя советской разведки. — М.: Молодая гвардия, 2014. — 237 с.: ил. — (Жизнь замечательных людей: сер. биограф.; вып. 1472).

Герой книги — профессиональный разведчик, прошедший путь от оперативного работника наших зарубежных резидентур до руководителя Первого главного управления КГБ СССР. Ему выпала участь возглавить советскую внешнюю разведку в период, когда рушились устои Советского Союза, к чему приложили руку и западные спецслужбы, и их пособники внутри страны, сумевшие создать «пятую колонну» при прямом попустительстве высшего руководства государства. Годы нелегких испытаний для Л.В. Шебаршина — патриота-государственника, человека исключительно образованного и интеллигентного — обернулись временем мучительных переживаний за судьбу России и размышлений о путях преодоления тяжелого кризиса, в который она была ввергнута. Отягощала его состояние и болезнь, предопределившая трагический исход жизни. Автор приводит новые факты и сведения, касающиеся политических событий, в которых довелось участвовать герою книги.

Великанов Н.Т. Василевский. — М.: Молодая гвардия, 2014. — 461 с.: ил. — (Жизнь замечательных людей: сер. биограф.; вып. 1477).

Один из прославленных маршалов Победы Александр Михайлович Василевский оказался в годы хрущевского правления и в последующее время в тени истории. А ведь роль его в Великой Отечественной и в советско-японской войнах трудно переоценить. По вкладу в разгром германского фашизма его вполне можно поставить вровень с Г.К. Жуковым. Они, конечно, были во многом разные — и по складу характеров, и по образу мышления. Не случайно И.В. Сталин как-то сказал: «Если бы соединить вместе Жукова и Василевского, а затем разделить пополам, мы получили бы двух лучших полководцев. Но в жизни так не бывает». Писатель-историк Н.Т. Великанов достоверно прослеживает жизнь и деятельность сына священника, ставшего выдающимся советским полководцем, от рождения и до последних дней. Это честный рассказ о незаурядном военачальнике и в то же время обыкновенном человеке: о его военных успехах и неудачах, о доверительном отношении к нему «отца народов» и неприязни Никиты Хрущева, не обойдены и «острые углы» его биографии.

Долгополов Н. М. Вартанян. — 2-е изд. — М.: Молодая гвардия, 2014. — 201 с.: ил. — (Жизнь замечательных людей: сер. биограф.; вып. 1470).

Георгий Андреевич Вартанян (1924—2012) — первый сотрудник нашей нелегальной разведки, удостоенный звания героя Советского Союза в период работы за рубежом в мирное время. Вместе с супругой, Гоар Левоновной, он 45 лет отработал в «особых условиях» — вдали от родины, превратившись, согласно оперативной легенде, в удачливого и очень состоятельного коммерсанта. Разведчику пришлось бывать и работать примерно в ста странах мира — и в ряде из них его «контактами» были высшие руководители государств, спецслужб и вооруженных сил. До недавнего времени наши знания о работе Георгия Вартаняна ограничивались событиями обеспечения безопасности «Большой Тройки» во время Тегеранской конференции 1943 года. Автору книги Николаю Долгополову удалось заметно расширить временные и географические рамки биографии легендарного разведчика. В этом ему помогли ученики, коллеги и начальники Георгия Андреевича, а также — Гоар Левоновна Вартанян.

СЕМЕЙНАЯ ПОЛКА

ТЕКСТ **Дмитрий ШЕВАРОВ,
Семен ЭКШТУТ,
Елена ЯКОВЛЕВА**

Елисева О. И. Повседневная жизнь русских литературных героев. XVIII — первая треть XIX века. — М.: Молодая гвардия, 2014. — 399 с.: ил. — (Живая история: Повседневная жизнь человечества).

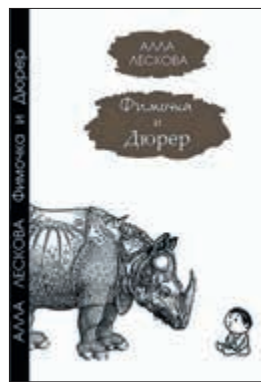
Так уж получилось, что именно по текстам классических произведений нашей литературы мы представляем жизнь русского XVIII и XIX веков. Справедливо ли это? Во многом, наверное, да: ведь следы героев художественных произведений, отпечатавшиеся на поверхности прошлого, нередко оказываются глубже, чем у реально живших людей. К тому же у многих вроде бы вымышленных персонажей имелись вполне конкретные исторические прототипы. Но за прошедшие столетия очень многое из того, что писалось или о чем умалчивалось авторами прошлого, ныне непонятно: смыслы ускользают, и восстановить их чрезвычайно трудно.

Так можно ли вообще рассказать о повседневной жизни людей, которых... никогда не существовало? Автор настоящей книги — известная исследовательница истории Российской империи — утверждает, что да, можно. И по ходу проведенного ею увлекательного исследования перед взором читателя возникает удивительный мир, в котором находится место как для политиков и государственных деятелей различных эпох — от Петра Панина и Екатерины Великой до А. Х. Бенкендорфа и императора Николая Первого, так и для героев знакомых всем с детства произведений: Чацкого и Софьи, Молчалина и Скалозуба, Дубровского и Троекурова, Татьяны Лариной и персонажей гоголевского «Ревизора».

Литвяк Е. Первая мировая война. Путешествие во времени к героям забытых сражений. Для читателей младшего и среднего школьного возраста. — М.: Фонд Святого Василия Великого, 2014. — 60 с.

Сборник коротких рассказов, выполненный в виде словаря, статьи которого располагаются в алфавитном порядке. В словаре — не сухие цифры и факты, а увлекательные истории о повседневной жизни на войне, о новых видах оружия того времени (к примеру, первая статья книжки-словаря — «Аэропланы Сикорского», вторая — «Бронепоезд»...), о героях Великой войны, среди которых были не только солдаты и офицеры, но даже женщины и дети. Отдельные рассказы посвящены маршу «Прощание славянки», авиатору Нестерову и Георгиевскому кресту. В оформлении книги использованы письма и фотографии времен Первой мировой войны. Автор книги — замечательный педагог, литератор и журналист Елена Литвяк. Историк по образованию, она много лет работала в газете «Первое сентября», а сейчас преподает историю в гимназии «Рождество» (<http://www.shkola-snegiri.ru>), что находится в селе Рождествено Истринского района Московской области. Недавно в издательстве журнала «Фома» вышла книга Елены Литвяк об истории Летнего сада, которая состоит из небольших рассказов, понятных и дошкольникам. А как писать для малышей Елена знает, возможно, лучше всех писателей, ведь она — мама четверых детей.

Лескова А. Фимочка и Дюрер. Санкт-Петербург, 2013, 208 с.

К популярности в интернете есть несколько легких путей: побольше фотографий котиков, глупости, политики, самопиара, провокаций — и у тебя высокий рейтинг. Филологу и психологу Алле Лесковой, учившейся у Юрия Лотмана, удалось добиться успеха, минуя эти проверенные пути... У ее «Фейсбук»-дневника более тысячи читателей и свыше двух тысяч подписчиков. Это почти СМИ. Недавно «френды» уговорили Аллу (ее уже называют лучшим автором социальных сетей) сделать из своих записей книгу. И получилась «Фимочка и Дюрер». Первый тираж разлетелся мгновенно, на выходе второй... У Аллы совсем нет новостей. Точнее, есть, но это — новости «маленького мира» — семьи, дома, улицы, автобуса, случайного такси. Всего того, что на расстоянии вытянутой руки. Новости «большого мира» — споры о политике, долетают до нее, только если вызвали «личное размышление». Поэтому «Открытое письмо моей кошке» в ее дневнике смотрится естественнее, чем открытое письмо президенту.

Император Александр I и Фредерик-Сезар Лагарп: Письма. Документы: в 3 т. Сост., вступ. ст. и коммент. А.Ю. Андреева и Д. Тозато-Риго; пер. с фр. В.А. Мильчиной; ответ. ред. С.В. Мироненко. — М.: Политическая энциклопедия, 2014. — (Серия «Бумаги дома Романовых»).

Впервые на русском языке полностью издается переписка российского императора Александра I и Ф.-С. Лагарпа, который после окончания службы при дворе Екатерины II принял активное участие в политической жизни Швейцарии конца XVIII в. И в течение полутора лет возглавлял созданную здесь Гельветическую республику, а затем после воцарения своего ученика приехал в Петербург и в 1801—1802 гг. оказал существенное влияние на формирование концепции либеральных реформ в России. Первый том издания содержит свыше двухсот документов и охватывает период от начала воспитания будущего Александра I до второго отъезда Лагарпа из Петербурга в мае 1802 г. Среди переписки Лагарпа и Александра за эти годы выделяются несколько писем, которые имеют ключевое значение для понимания личности и мировоззрения молодого российского императора. Предлагаемое издание продолжает серию книг издательства «Политическая энциклопедия» «Бумаги дома Романовых», которая вводит в научный оборот не известные ранее исторические источники, связанные с российской императорской фамилией. В этой книге читатель познакомится с уникальными и никогда прежде не публиковавшимися на русском языке документами, которые характеризуют личность и царствование императора Александра I (1777—1825).

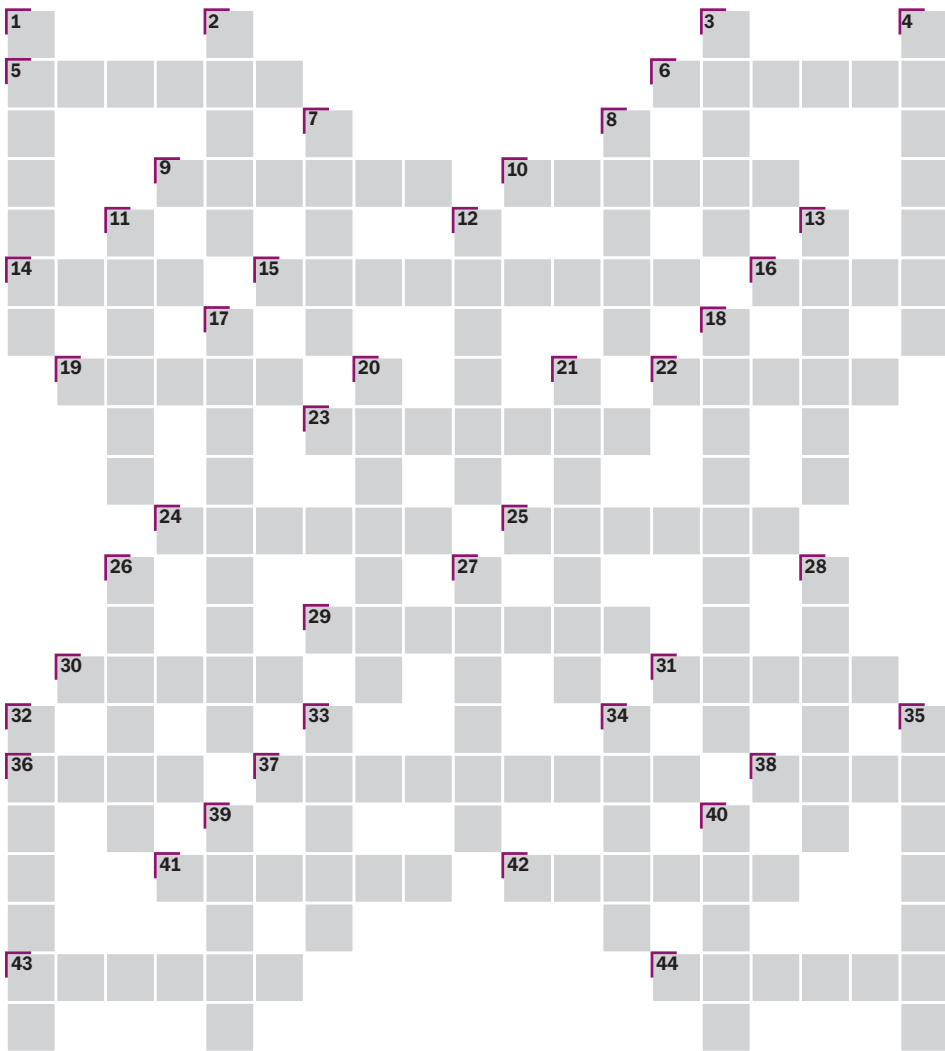
Кроссворд составил В.Г. Иванов

По горизонтали:

5. Литературный отец майора Пронина.
 6. Легендарная песня Великой Отечественной войны.
 9. «Угорела ... в нетопленной горнице» Пословица.
 10. Советский художник-баталист, автор картины «Трубачи Первой Конной армии».
 14. «Мать городов русских».
 15. Граф, генерал-губернатор Москвы, предполагаемый организатор Московского пожара в 1812 году.
 16. Русский военный и государственный деятель, генерал-фельдмаршал, последний наместник Царства Польского.
 19. Торговое поселение на Руси.
 22. Картина И. Левитана «... на Волге».
 23. Революционер-народник, один из организаторов убийства императора Александра II.
 24. Ученый и изобретатель, один из создателей первой советской ракеты на жидком топливе «ГИРД-Х».
 25. Колыбель и первая база Русского Черноморского флота.
 29. Холодный суп, любимая еда «квасных» патриотов.
 30. Река в Польше, на которой в 1914 году шли бои между русскими и немцами.
 31. Мелкие цветные бусинки.
 36. Русский поэт, педагог, домашний учитель Ф. Тютчева и М. Лермонтова.
 37. Ломовой извозчик.
 38. Духовенство.
 41. Должность, утвержденная Петром I, чиновник, наблюдающий за деятельностью администрации.
 42. Настоятель православного монастыря.
 43. Объединение крестьянских хозяйств, появившееся в СССР в 30-е годы.
 44. Ремешки позади седла для пристежки багажа.

По вертикали:

1. Самая маленькая старинная медная монета.
 2. Старинный танец, родившийся в Запорожской сечи как комплекс военных упражнений.
 3. В славянской мифологии бог огня.
 4. Роман В. Пикуля.
 7. Самый большой колокол Ростова Великого.
 8. Пьеса А. П. Чехова.
 11. Прислуга в барском доме.
 12. Алкогольный напиток, ящик которого ежемесячно И. Сталин отправлял У. Черчиллю.
 13. На Руси верхняя мужская зимняя одежда в виде короткого кафтана.
 17. Роман М. Загоскина «... или русские в 1812 году».
 18. Еженедельная газета атеистической направленности, выходившая в СССР с 1922 по 1941 год.
 20. Народное название денежных купюр, выпущенных Временным правительством.
 21. Подвижная старинная славянская игра.
 26. Старинная русская единица измерения жидкости, 1/2 чарки.
 27. Он может быть деловым или национальным.
 28. Центральная укрепленная часть древнерусского города.
 32. Традиционное блюдо белорусской национальной кухни.
 33. Ледокольный пароход.
 34. Крестьянская верхняя одежда.
 35. Крупнейший в мире и в России художественный и культурно-исторический музей.
 39. Настоящая фамилия этого советского и государственного деятеля Костриков.
 40. Отверстие в улье.

Ответы на кроссворд. №2 2015

По горизонтали: 1. Гатчина. 6. Дагмара. 10. Риони.

11. Диана. 12. Лапта. 13. Норов. 14. Левша. 15. Садно.

16. Европа. 19. Одрина. 20. Васнецов. 23. Болгария.

25. Бишкек. 26. Ландау. 30. Седло. 33. Марфа.

34. Толль. 36. Ави́зо. 37. Тютюн. 38. Квота. 39. Крамола.

40. Чаадаев.

По вертикали: 1. Гадание. 2. Театр. 3. Исаев. 4. Артель.

5. Соловьёв. 6. Диктат. 7. «Голос». 8. Аспид. 9. Азарова.

17. «Враги». 18. Плевэ. 20. Догма. 21. Наина. 24. Сверчков.

25. Бисмарк. 27. Ульянов. 28. Смычка. 29. Басмач.

31. Двина. 32. Олово. 34. Тётка. 35. Литва.

По вертикали: 1. Полушка. 2. Гонак. 3. Парос.
 4. «Каторга». 7. «Сысой». 8. «Леший». 11. Чепуха.
 12. Ковьяк. 13. Бешва. 17. Рославль. 18. «Безбожнич».
 19. Берл. 25. Херсон.
 26. Шкалик. 27. Костюм.
 28. Кремль. 32. «Литке». 33. «Литке». 34. Зипун.
 35. Эрмитаж. 39. Киров. 40. Леток.
 43. Колхо́з. 44. Торока.
 37. Бидюжнич. 38. Клир. 41. Фискал. 42. Игумён.
 31. Бисер. 36. Райн.
 29. Окрошка. 30. Нарев. 31. Бисер. 36. Райн.
 22. Вечер. 23. Желтёв. 24. Цандер. 25. Херсон.
 10. Греков. 14. Киев. 15. Ростопчин. 16. Берл. 19. Рядок.
 9. Барьян. 6. «Катюша». 5. Овалов.

Ответы на кроссворд

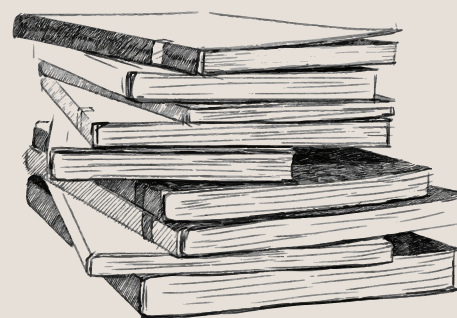
научная

БИБЛИОтека

«РОДИНЫ»

ЭТОТ РЕДАКЦИОННЫЙ
РАЗДЕЛ — ДЛЯ ТЕХ,
КТО ПРОФЕССИОНАЛЬНО
ИНТЕРЕСУЕТСЯ ИСТОРИЕЙ.

Галина ОНУФРИЕНКО

КОРНИ ЧЕТВЕРТОЙ ВЛАСТИ

История журналистики XIX века

В XIX в. целый ряд важных изменений (технологических, собственно журналистских и социально-политических) положил начало качественно новому этапу в развитии мировой журналистики, сформировав и вплотную приблизив газетно-журнальную индустрию к сегодняшнему ее пониманию и виду. Радикальные сдвиги в этом процессе во многом были вызваны научно-техническими открытиями, кардинально изменившими жизнь мирового сообщества. К концу XIX в. телеграф соединил практически все страны мира. Появление нового средства связи вызвало к жизни новый тип организаций — информационные телеграфные агентства. В Европе крупнейшие из них получили названия по фамилиям своих создателей. В 1835 г. бывший банкир француз Ш. Гавас основал в Париже первое в мире информационное агентство «Гавас», которое занималось сбором и распространением информации во Франции и в Европе. В 1848 г. эмигрант из Германии Т. Вольф создал в Берлине агентство «Вольф». В 1851 г. другой эмигрант из Германии П. Рейтер открыл в Лондоне агентство «Рейтер». В Соединенных Штатах информационное агентство «Ассошиэтед пресс» было основано в 1846 г. Жесткая конкуренция между ними закончилась подписанием в 1870 г. картельного договора о создании всемирной сети обмена информацией, в соответствии с которым Рейтер приобрел приоритетное право распространения информации на территории Великобритании, ее колоний и Восточной Азии; Гавас — во Франции, франкоязычных странах и колониях; Вольф — в Германии, Северной Европе, Австро-Венгрии и России. На территории американского континента монопольное право признавалось за американским агентством «Ассошиэтед пресс». Такой информационный передел мира просуществовал до Первой мировой войны.

Быстро завоевал прочные позиции в редакциях газет и журналов телефон, изобретателем которого считается американец А. Белл, запатентовавший новое средство связи в 1876 г. Среди многих технических изобретений XIX века появление фотографии сыграло важную роль в развитии журналистики, значительно увеличив популярность прессы и рост ее тиражей. Французский художник Ж. Ньепс, которому принадлежит главная заслуга в изобретении первого в истории фотоаппарата, в 1813 г. занялся опытами с фотографическими пластинками. Позже к нему присоединился бывший офицер Л. Дагер. После смерти Ньепса он продолжил опыты, завершившиеся в 1839 г. открытием способа проявлять и закреплять фотографические изображения, который стал называться дагерротипией. Технологическое новшество быстро завоевало огромную популярность во всем мире. Имя изобретателя было включено в список величайших ученых Франции. В 1851 г. английский скульптор и химик-любитель С. Арчер существенно упростил и удешевил процесс фотосъемки, открыв фотографирование на коллоиде, положившее начало современной фотографии. В отличие от французского изобретателя, обласканного государством, англичанин, обнаруживший свое открытие как дар миру, не патентовал его, умер в нищете, не дожив до 45 лет.

Прогресс фотодела позволил фоторепортерам заменить художников, которых крупные издания направляли на место событий для создания рисунков к репортажам. Начиная с середины XIX века военные конфликты, такие, как, например, Крымская война 1853—56 годов, уже сопровождалась фотоиллюстрациями в прессе. Первым известным военным фотографом стал румын венгерского происхождения Кароль Сатмари, снявший в ходе этой войны «Лагерь русских улан в Крайове» и «Бомбардировку Силистрии».

Богатый техническими новациями XIX век заложил основы для появления нового средства массовой информации — радио. В 1895 г. русский ученый А.С. Попов представил научному сообществу изобретенный им первый в мире аппарат беспроводной телеграфии — радиоприемник. Спустя некоторое время с его

опытами познакомился итальянский радиотехник и предприниматель Г. Маркони. Усовершенствовав эту техническую новинку, он через два года запатентовал ее и стал использовать в коммерческих целях. В том же 1897 г. Маркони провел первую коммерческую радиотрансляцию с гонок яхт на кубок Америки вокруг острова Уайт: с места событий прямо в газеты.

Быстро прогрессировали техника и технология издательского дела. Саксонец Ф. Кениг создал паровую скоростную машину, американец У. Буллок изобрел ротационную печатную машину, его соотечественник О. Мергенталер — строкоотливной наборный аппарат линотип, названный известным изобретателем Т. Эдисоном «восьмым чудом света». Возросшие возможности полиграфии позволили оперативно выпускать невиданное прежде количество газет и журналов, обеспечивая ими уже не узкие элитные группы, а массовую аудиторию.

На протяжении XIX века кардинальные изменения коснулись самой журналистики. В 1830-е гг. в целом ряде стран во главе с Францией, США и Англией началась экономическая революция в прессе, благодаря которой газета стала экономически выгодным предприятием. Одним из ее инициаторов был энергичный французский издатель Эмиль де Жирарден — автор тиражно-рекламной спирали. Согласно ей, рекламодатель покупает не место в газете, а количество читателей. И чем больше тираж газеты, тем выше цена рекламы в ней. Соответственно, увеличение тиража газеты приводило к повышению цены на рекламу, а вырученные деньги опять шли на рост тиража. Благодаря этому газеты с большим количеством рекламы товаров и услуг продавались ниже себестоимости.

До 1830-х гг. в прессе практически не существовало деления на качественную (элитарную) и массовую журналистику. Массовых газет не было, поскольку еще не появился массовый читатель — человек с начальным образованием и невысокими доходами. Наполеоновские войны, промышленная революция и прочие социально-политические и экономические изменения в мире способствовали формированию этого слоя

читателей. В них были заинтересованы как издатели, так и рекламодатели, ибо дешевые массовые товары считались наиболее выгодными для извлечения прибыли. Первой массовой газетой в Европе стала основанная Жирарденом в 1836 г. La Presse («Пресса») во Франции. В США — основанная Б. Г. Деем в 1833 г. New York Sun («Нью-Йоркское солнце»).

С появлением рекламы возникла коммерческая печать, не знавшая политических и партийных границ. Надпартийная пресса оказалась очень прибыльной, так как пользовалась успехом у читателей независимо от их политических симпатий. В 1870-е годы начался процесс концентрации прессы — газеты и журналы стали скупать первые синдикаты и тресты. Закладывались основы газетных империй. Периодика из информационно-политического института постепенно превращалась в институт информационно-политико-коммерческий.

Новые технологии изменили структуру газет. Ранее журналистика носила преимущественно персональный характер: один человек мог быть и редактором, и издателем, и автором публикаций. К середине XIX в. резко возросли объемы информации. В газетах начали создаваться отделы, появились журналистские специализации: репортер, аналитик. Постепенно складывался дифференцированный журнализм, и газета стала приобретать современную структуру.

В XIX в. следствием социально-политических изменений было появление партийной печати — газет и журналов политических партий. Если ранее пресса поддерживала ту или иную политическую силу исключительно из личных симпатий издателя или редактора, то теперь периодические издания создавались как официальные органы политических партий.

Помимо общих черт журналистика XIX в. имела национальные особенности, развиваясь по специфическим сценариям.

ВЕК ФРАНЦУЗСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

Печально начался новый век для французской журналистики. Дабы не «служить оружием в руках врагов республики», согласно консульскому указу от 17 января 1800 г., из 73, выходящих в то время в Париже газет, 60 подлежали закрытию. Оставшиеся 13 — строгому контролю. Министру полиции Ж. Фу-

ше вменялось в обязанность следить за прессой, редакторами газет и провинциальной печатью. Устанавливался запрет на создание новых газет.

«Мы должны управлять общественным мнением», — заявил в 1804 г. провозгласивший себя императором Наполеон. Как человек начитанный (даже в военных походах он возил за собой передвижную библиотеку) и пишущий (кумир Стендаля в этом качестве), он знал цену слову и придавал огромное значение прессе. «Четыре враждебно настроенные газеты опаснее ста тысяч штыков», — утверждал император.

При Наполеоне восторжествовала авторитарная модель печати и впервые в истории мировой журналистики была создана вертикальная система управления прессой из единого центра. «Пусть даже останется только одна газета, но безусловно верная мне», — писал Наполеон министру Фуше. Каждому департаменту надлежало иметь только одну газету, причем она должна была находиться под властью местного префекта. Это способствовало появлению печатных органов даже в тех провинциях Франции, где их прежде не было. Главной французской газетой, которую первый консул Франции называл «душой и сердцем» своего правительства, стала Le Moniteur («Инструктор»). Она играла роль официального рупора наполеоновской политики, обладала монополией на международную информацию и служила ориентиром для остальных газет.

Контроль властей над прессой непрерывно ужесточался. В штат каждой газеты была введена должность цензора. Право публиковать политические материалы сохранялось только за Le Moniteur. Остальные могли их лишь перепечатывать, а писать исключительно об искусстве, науке, литературе и торговле. Во французской журналистике появился ряд запретных тем: экономические трудности, военные неудачи, преступления.

Чтобы уничтожить неоякобинскую и роялистскую прессу, в 1811 г. декретами Наполеона были закрыты все парижские газеты, кроме четырех, объявленных собственностью государства: Le Moniteur, Journal de l'Empire («Газета империи»), Journal de Paris («Газета Парижа») и La Gazette de France («Газета Франции»). Да и те, по словам императора, «он желал бы видеть сокращенными до размеров носового платка и печатающими только биржевую информацию». Наполеон реализовал свой основной принцип в отношении

прессы, который, по словам историка Е.В. Тарле, сводился к следующему: «Газеты обязаны не только молчать, о чем приказано молчать, но и говорить, о чем приказано говорить».

Поскольку Наполеон вел захватнические войны, по его инициативе для подъема боевого духа французской армии стали издаваться специальные газеты, в которых печатались военные бюллетени и приказы. В завоеванных странах Европы Бонапарт впервые в истории создал систему распространения прессы. В каждом государстве учреждались газеты наполеоновской администрации, ориентированные на Le Moniteur. Кроме того, поощрялась местная печать, поддерживавшая императора. Часто такие газеты издавались параллельно на французском и местном языках.

Наполеон широко использовал политику дезинформации противника через подконтрольную прессу, подкупал иностранных журналистов, а иногда и целые газеты враждебных ему стран, чтобы влиять на общественное мнение. При нем журналистика практически впервые в истории прессы стала элементом пропаганды. «Трехсоттысячное войско не сможет завоевать страну и ее пределы быстрее, чем дюжина перьев наполеоновских журналистов», — писал в 1808 г. министр иностранных дел Австрии К.Л. фон Меттерних.

В последний период правления Наполеона, длившийся сто дней, его отношение к прессе кардинально изменилось. Печать получила практически неограниченную свободу, что должно было помочь ему удержаться у власти. Но эта мера оказалась запоздалой.

После восстановления монархии Бурбонов пресса превратилась в главную арену политической борьбы. При Карле X либеральные газеты открыто и резко критиковали консервативный курс его правительства. Король ответил на это июльскими ордонансами 1830 г., сделавшими невозможным выпуск практически всех оппозиционных изданий. Журналисты коллективно отказались подчиняться указам и призвали к восстанию. Началась революция, одним из результатов которой стало усиление влияния журналистики и либерализация законодательства о прессе. Временное правительство, состоявшее из ведущих журналистов и депутатов, приняло решение пригласить на трон Луи Филиппа Орлеанского, не претендовавшего на абсолютную власть.

Начало периода Июльской монархии было ознаменовано небывалой свободой прессы, что способствовало быстрому увеличению числа периодических изданий. Постепенно создавалась инфраструктура французской журналистики. Открылось агентство по распространению прессы «Ашетт» и первое в мире информационное агентство «Гавас». Вплоть до 1850-х годов оно использовало голубиную почту, как более быстрое, чем пароходы и поезда, средство связи. Рост промышленного производства привел к появлению новых товаров, нуждающихся в рекламе. Сформировалась новая категория потенциальных читателей, которой из-за недостаточного образования и небольших доходов была недоступна элитарная периодика. Благодаря крупным сдвигам в экономике газетами стало возможно и выгодно удовлетворить потребности этой части населения. Созданием дешевой прессы занялся Эмиль де Жиарден, фактически ставший организатором новой французской журналистики.

На счету Жиардена было издание первого в истории журналистики дайджеста — газеты *Voleure* («Вор»); журнала *La Mode* («Мода»), на страницах которого впервые стали публиковаться романы с продолжением (среди авторов: О. де Бальзак, А. Дюма, Ж. Санд) и другой периодики. В 1836 г. он выпустил огромный тиражом первый номер печатного органа принципиально нового типа — ежедневную массовую дешевую газету *La Presse* («Пресса»). Ее успех объяснялся созданием Жиарденом тиражно-рекламной спирали. Жиарден первым разделил газетные расходы на убывающие (затраты, не зависящие от тиража издания: на редактирование, типографский набор, административные расходы) и прогрессирующие (затраты, зависящие от тиража: на бумагу, изготовление газеты, печать тиража, почтовые сборы, налоги).

Но популярность газете *La Presse* обеспечила не только эффективная экономическая концепция. Жиарден ставил перед собой цель просвещать читателя и потому сделал газету энциклопедической. *La Presse* привлекала читателей интересными литературными материалами и знаменитыми именами (например, Виктор Гюго вел в ней раздел политики, Теофил Готье — художественно-критического фельетона).

С Жиарденом связано также первое появление в европейской периодике «скрытой рекламы». Учитывая психологические особенности читателя, который испытывал больше доверия к редакционной статье, чем к содержанию рекламного объявления, он в качестве более дорогой услуги включал эту рекламу

Особым успехом у читателей пользовались разделы криминальных происшествий

в контекст какой-либо статьи, или печатал такую заметку, которая без единого намека на рекламу сама была ею.

Нововведением прессы Жиардена, которое сразу превратилось в газетный феномен, стали романы с продолжением. Параллельно с жанром романа-фельетона во французской журналистике 1840-х годов наблюдался расцвет такого литературно-журналистского жанра, как «физиологии» — политическая и бытописательная публицистика, порой принимавшая форму сатирического памфлета. В сборнике физиологии «Большой город» Оноре де Бальзак так охарактеризовал изменившийся в XIX веке социальный статус издателя и редактора: «Редакторы делают из честолюбивого владельца газеты важную персону, и он желает стать — а иногда и становится — префектом, членом государственного совета... если, конечно, у него нетокает здравого смысла остаться тем, кто он есть, разносчиком славы, трибуном спекуляций и сводней избирателей». Справедливость этого высказывания подтвердила судьба Эмиля де Жиардена, поднявшегося к вершинам государственной власти и ставшего влиятельным общественным деятелем при помощи своей газеты. В конце жизни Жиарден участвовал в разработке закона о печати, который был принят 29 июля 1881 г., спустя три месяца после его смерти.

При Наполеоне III свобода прессы была официально упразднена. Тем не менее добиться послушания от нее было уже невозможно. Создавались новые газеты, возрождались старые. В 1863 г. появилась новая общедоступная газета *Le Petit Journal* («Маленькая газета»), рассчитанная на более массового и менее требовательного читателя, чем газеты Жиардена. Ее основатель Моисей Поллидор Мийо достиг дешевизны за счет аполитичности издания: почтовый налог

и гербовой сбор должны были платить лишь политические газеты. *Le Petit Journal* продавалась за пять сантимов, тогда как остальные газеты стоили в четыре раза дороже. Новая массовая газета отличалась малым форматом, четким делением на отделы и большим количеством иллюстраций, включая фотографии. Особым успехом у читателей пользовались разделы криминальных происшествий, романов с продолжениями (Мийо стал публиковать детективы) и ежедневной хроники. К концу XIX в. газета распространялась тиражом около миллиона экземпляров.

18 марта 1871 г. в результате восстания в Париже к власти пришла Коммуна — первое в мире рабочее правительство. Коммунары захватили редакцию главной французской газеты *Journal Officiel* и превратили ее в основной печатный орган новой власти, назвав *Journal Officiel de la Commune* («Официальная газета Коммуны»). Верные идеалам свободы, они писали в первом номере: «Республиканские власти... надеются, что все газеты поймут, что их главная обязанность заключается в безусловном уважении Республики, в правде, справедливости и искренности, которые будут поставлены под полную защиту».

Коммунары не запретили оппозиционные газеты, поэтому в прессе шла ожесточенная борьба за массы. Газеты Коммуны издавались, как и буржуазные, на коммерческой основе: издатели должны были покупать бумагу, краску. Лейтмотивом большинства рабочих газет было недовольство мягкостью Коммуны к своим врагам. Однако ее руководство ограничивалось лишь «предупреждениями» в адрес наиболее оппозиционных газет. После поражения Коммуны республиканские газеты были закрыты, оставшиеся в живых журналисты-коммунары репрессированы.

В 1870-е гг. борьба за восстановление свободы печати перешла в законодательную сферу. Ее итогом стал закон о печати 1881 г. Он отменял цензуру, предварительное разрешение, залог, гербовый сбор и многие другие ограничения. Упразднились также наказания за так называемые преступления мнений: выступления против конституции, всеобщего избирательного права, частной собственности, культов, семьи. Теперь для издания газеты достаточно было лишь направить письмо прокурору Парижа с указанием ее предположаемого названия, имени, адреса издателя и владельца. Французский закон о печати 1881 г. стал

образцом для соответствующих законодательств многих стран.

Полученные свободы, а также последствия принятия законов Ферри (1881—1882 гг.), сделавших начальную школу во Франции светской, бесплатной, общедоступной и обязательной (что привело к почти всеобщей грамотности населения к 1890-м гг.), вызвало бурное развитие информационной прессы. В последнее десятилетие XIX в. сложилась типология французских газет: политические партийные, политические беспартийные, коммерческие (в том числе бульварные).

В целом же, деятельность таких издателей и редакторов, как Жирарден или Мийо, свидетельствовала о наступлении новой эры в журналистике — эры, в которой пресса ориентируется главным образом на вкусы массового читателя, газеты становятся частью бизнеса, а не политической борьбы. Под влиянием американской массовой прессы новости предпочитают аналитике, репортаж — комментарию, входит в моду журналистское расследование, политическая информация уступает первенство материалам общего и развлекательного характера.

В конце столетия французские журналисты начали осознавать общность своих корпоративных интересов (появились первые профсоюзы прессы), а журналистика стала профессией. В Париже при Высшей школе социальных наук открылась «школа журнализма». На протяжении всего XIX в. пресса утверждала себя как важнейший институт общественной жизни во Франции, как «четвертая власть» и публичная трибуна, с которой разные социальные группы могли выразить свой взгляд на прошлое и будущее страны.

НА БРИТАНСКИХ ОСТРОВАХ

К XIX в. Великобритания подошла мощной, стабильной европейской державой, «мастерской мира» и «владычицей морей». Ее журналистика развивалась в русле традиций предыдущего века. «Сто лет тому назад владеющие классы считали внешнюю политику своей монопольной собственностью, и им бы в голову не пришло справляться у народа... одобряет ли он те или иные военные действия, — писал журналист Д. Сатурин в «Очерке периодической печати в Англии», — народ тогда читать не умел, для

него газет не существовало. Свобода печати существовала лишь для имущих классов, для тех, кто мог платить ...за номер газеты. Народу же вход в храм печатного слова был закрыт благодаря налогу... на каждый фунт бумаги... на каждый номер газеты».

С одной стороны, свобода печати, провозглашенная в Билле о правах 1689 г., способствовала быстрому развитию прессы, в первую очередь политической журналистики. С другой стороны, сохранялось большинство налогов, препятствовавших созданию дешевых газет: установленный в 1712 г. штемпельный налог, взимавшийся с каждого экземпляра периодического издания в зависимости от его тиража, налоги на публикацию рекламы, бумагу. Из-за дороговизны британской периодики круг читателей прессы в Англии в первой половине XIX в. был значительно уже, чем во Франции или США.

В этот период в стране наблюдался расцвет журнальной периодики: в 1810-е гг. только в Лондоне издавалось более 30 журналов, а в 1820-е — уже около 100. Эдинбург превратился во второй интеллектуальный центр Англии. Среди большого количества периодических изданий выделялись четыре журнала, наиболее влиятельных в области культуры и общественно-политической мысли — The Edinburgh Review («Эдинбургское обозрение»), The Quarterly Review («Ежеквартальное обозрение»), Blackwood's Magazine («Блэквудовский журнал»), The London Magazine («Лондонский журнал»), а также газета, ставшая синонимом качественной прессы — The Times («Времена»).

Ежеквартальный The Edinburgh Review был основан как орган партии вигов (либералов). Издателем журнала выступил книгоиздатель А. Констебл, который одним из первых стал платить авторам высокие гонорары. Статьи The Edinburgh Review политического и литературно-критического характера воспринимались как «истина в последней инстанции». С этим журналом связан один из самых громких скандалов в истории английской литературы: в нем был высмеян юношеский сборник стихов лорда Байрона, на что оскорбленный поэт отреагировал стихотворной сатирой «Английские барды и шотландские обозреватели», отстояв тем самым право литератора на ответ критику.

Ежеквартальник The Quarterly Review был основан в Лондоне как издание тори (консерваторов). За ним стояла фирма «короля книгоиздателей» Дж. Мюррея. «Крестным отцом» The Quarterly Review стал Вальтер Скотт. Журнал быстро сравнялся по влиянию с изданием вигов, на его счету был даже скандал, аналогичный «байроновскому» — разгромная рецензия на поэму Джона Китса, приведшая в итоге к смерти поэта.

Blackwood's Magazine — печатный орган так называемых «младших тори» издавался в Эдинбурге. Его идейным вдохновителем был все тот же Вальтер Скотт, а «финансовой основой» — издательская фирма Уильяма Блэквуда. Первыми редакторами журнала были Дж. Локхарт, будущий зять Вальтера Скотта, и Дж. Вильсон, автор драматической поэмы «Чумной город», послужившей сюжетной основой для пушкинского «Пира во время чумы». Редакторский тандем Локхарт — Вильсон приобрел известность своими сатирическими атаками на либералов. Журнал The London Magazine был чисто литературным изданием и, несмотря на свое недолгое,

Из-за дороговизны британской периодики круг читателей прессы в Англии в первой половине XIX в. был значительно уже, чем во Франции или США.

шестилетнее существование, оказал значительное влияние на развитие английского эссе.

На рубеже XVIII—XIX вв. газеты в Англии не имели такого влияния на общественное мнение, как журналы. Однако именно тогда, в 1785 г., появилась газета, ставшая синонимом респектабельности британской прессы. Ее основатель, владелец типографии Джон Уолтер, решил издавать «летопись своего времени, точно фиксирующую самые разные сведения». Установка на точность и широту информации отразилась в первоначальном названии газеты Universal Daily Register («Универсальный ежедневный регистратор новостей»). Через три г. Уолтер сменил его на более удобное — The Times («Времена»), под которым газета вошла в историю мировой прессы.

Другое важное для английской журналистики событие произошло в 1802 г. —

на свои деньги, сохраняя полную независимость, талантливый публицист У. Коббет начал выпускать ставшую знаменитой еженедельную газету Political Register («Политический обозреватель»). Выходившее в течение 33 лет издание, на страницах которого резко критиковалось всевластие правящей олигархии, пользовалось большой популярностью. Еженедельник цитировали многочисленные газеты и журналы, а о самом Коббете писали, что «он представляет собой нечто вроде четвертого сословия в политике страны» и является «самым сильным политическим писателем современности».

Заметным явлением в британской журналистике первой половины XIX столетия было развитие чартистской печати, выразительницы идей чартизма — первого массового, политически оформленного движения рабочих в Великобритании. Главной газетой движения стала еженедельная The Northern Star («Северная звезда»), основанная в Йоркшире в 1838 г. одним из лидеров чартизма адвокатом Фергюсом О'Коннором. Пик ее популярности пришелся на 1848 г., когда на страницах газеты регулярно появлялись материалы из охваченных революционным движением Франции, Германии, Австрии. Основными жанрами чартистской публицистики были воззвания, политические обзоры, открытые письма к политическим деятелям, литературные обзоры. Кризис чартизма конца 1840-х годов привел к падению популярности чартистских газет и журналов.

К началу XIX в. в Великобритании сформировались три основные разновидности периодики: ежеквартальные журналы, ежемесячные журналы, ежедневные утренние и вечерние газеты (ориентированные на хорошо образованную публику). Так, из двух правительственных газет одна была утренней (True Britton — «Верный британец»), другая — вечерней (Sun — «Солнце»). Ежедневные газеты печатали стенограммы парламентских дебатов, политические статьи, информацию из-за рубежа, биржевые новости, судебную хронику. Благодаря «принципу анонимности», господствовавшему в британской прессе до середины XX века, все материалы публиковались без подписи.

Особое место среди ежедневных утренних политических газет занимала либеральная Morning Chronicle («Утренняя хроника») — самый авторитетный парламентский вестник, печатный орган виггов, оппозиционный правительству.

Ее редактор Дж. Пери привлек к сотрудничеству с газетой таких известных писателей как Ч. Диккенс и С.-Т. Кольдريدж.

Главным конкурентом Morning Chronicle была Morning Post («Утренняя почта») — печатный орган консерваторов. Она носила литературно-политическую направленность. Важное место в газете занимала поэзия, широко и со знанием дела освещалась светская жизнь столицы. Издатель Morning Post Д. Стюарт одним из первых в английской журналистике понял значение рекламы для привлечения читателей и увеличения тиражей.

Беспорным лидером среди качественных английских газет XIX в. стала The Times, авторитет и влияние которой выходили далеко за пределы Великобритании. Стремясь привлечь читателей, газета печатала парламентские отчеты, иностранные новости, светские сплетни (Дж. Уолтер отсидел в тюрьме 16 месяцев за критику в печати умственных способностей герцога Йоркского и принца Уэльского). Подлинным творцом The Times стал сын Джона Уолтера Джон Уолтер II, решивший сделать газету общенациональной, самой информированной и независимой от политической конъюнктуры. Это издание, единственное среди ежедневных британских газет, ценой больших расходов создало надежную корреспондентскую сеть внутри страны и за рубежом. Зарубежную информацию The Times часто получала быстрее, чем Форин оффис, что привело к судебному разбирательству, закончившемуся в пользу газеты. Чтобы меньше зависеть от чиновников, приказывавших задерживать суда, везущие корреспонденцию для The Times, газета приобрела в собственность корабли, почтовые кареты, создала собственную курьерскую службу.

При Дж. Уолтере II окончательно сформировались такие принципы деятельности газеты, как независимость, обязательное соблюдение конфиденциальности источников информации, неоднократная перепроверка публикуемой информации, приверженность высокому литературному языку, профессионализм сотрудников редакции. Основу штата The Times составляли выпускники элитных частных школ и университетов.

В 1817 г. Дж. Уолтер II стал членом парламента, а на пост редактора назначил Томаса Барнса, чьи усилия возвели газету в ранг непререкаемых авторитетов в мире информации, закрепив за ней статус влиятельного издания. Взвешенная позиция The Times, не допускавшая

явного радикализма, и ориентация на традиционные ценности среднего класса выгодно отличали ее от популистских и радикальных изданий того времени. Апогей могущества The Times, чей контингент подписчиков составляла высшая денежная, родовая и литературная аристократия, пришелся на события Крымской войны, в период редакторства Джона Дилейна — человека крайне осторожного и многоопытного, тесно связанного с британским истеблишментом.

Освещать военные действия был отправлен знаменитый корреспондент The Times Уильям Рассел, первый военный корреспондент в истории британской прессы. Его репортажи с места боев вдохновляли поэтов (А. Теннисон по прочтении отчета Рассела о гибели британской кавалерии написал поэму «Атака легкой бригады»), строки репортажей становились крылатыми выражениями, а разоблачения военных и политических кругов привели к смене военного руководства и к отставке правительства (лорда Дж. Абердина на посту премьер-министра сменил его политический противник лорд Г. Пальмерстон).

В середине XIX в. The Times получила прозвище «Громовержеца» — корректировщика линии правительства. Ее ежедневный тираж достиг 60 000 экземпляров, тогда как тираж ближайшего конкурента едва приближался к 6000. Точность и качество репортажей, своевременность освещения событий, высокий уровень передовиц и аналитических статей, осведомленность в хитросплетениях европейской политики сделали The Times эталоном европейского периодического издания и самой влиятельной газетой западного мира. Пресса в лице The Times становилась подлинной «четвертой властью». Как выразился однажды Авраам Линкольн, The Times — «одна из величайших сил в мире», и он не знает ничего, что «превосходило бы ее по мощи, за исключением Миссисипи».

Газета всегда была чутка к технологическим изобретениям. The Times первой в Европе использовала возможности парового печатного станка Ф. Кенига, что позволило ей перейти с выпуска 300 экземпляров газеты в час на 1100. Затем были освоены такие новинки, как ротационный печатный станок и строкоотливная машина. Влиятельная газета долго старалась сохранить свое лидерство в освещении международной жизни, противодействуя выходу телеграфного агентства «Рейтер» за пределы чисто биржевой информации. Но после

того как оно опередило The Times в сообщении 8 сентября 1855 г. о падении Севастополя, газета потеряла первенство в этой области. В 1858 г. The Times заключила договор с «Рейтер» и стала публиковать телеграммы не только от собственных корреспондентов, но и от агентства.

Во второй половине XIX в. английская журналистика кардинальным образом изменилась. Этому способствовало постепенное упразднение казначейских поборов, душивших прессу. В 1853 г. был отменен налог на публикацию рекламы в газетах, в 1855 г. – гербовой сбор, в 1861 г. – специальная пошлина на газетную бумагу. Устранение последних препятствий к развитию журналистики обусловило резкий рост числа газет и журналов. Если в 1861 г. в Англии выходило 563 газеты и журнала, то в 1867 г. – 1294. Появились такие дешевые ежедневные газеты как продававшаяся в розницу за один пенс The Daily Telegraph («Ежедневный телеграф»), рупор лейбористов, и ее главный конкурент Standart («Стандарт»), рупор консерваторов. Стимулы для развития получила провинциальная печать.

Теряющая мировое лидерство британская промышленность нуждалась в грамотных рабочих. В 1870 г. был принят так называемый закон Гладстона об обязательном всеобщем обучении, что вскоре привело к существенному расширению и качественному изменению читательской аудитории. Появилась масса грамотных людей, которые умели читать и писать, интересовались новостями, но чей кругозор был ограничен, а читательские вкусы не сформированы. Чтобы информация была для них понятна, ее следовало излагать в облегченной форме. Результатом стало деление английской прессы на качественную и массовую.

Образцом качественной печати долгое время оставалась газета The Times. Потом к ней добавилась созданная в 1888 г. для финансовых кругов и промышленников газета Financial Times, специализирующаяся на освещении финансово-экономических вопросов.

К концу XIX в. дорогостоящая The Times оказалась в сложном финансовом положении. Ей, рассчитанной на ограниченную читательскую аудиторию в несколько десятков тысяч человек, пришлось конкурировать с массовыми британскими газетами, тиражи которых, а, следовательно, и финансовые возможности были солидными.

«Новая журналистика» не ставила перед собой задачу дать читателям объективную информацию с глубоким анализом. Акцент делался на сообщении новостей, а не на их комментировании. В 1881 г. предприниматель Джордж Ньюнес начал издавать в Манчестере еженедельник Tit-Bits («Лакомые кусочки») – первый в Англии дайджест местной и зарубежной прессы. Помимо традиционных рубрик, в нем появились колонки скандалов и сплетен, женская и спортивная странички, широко использовались иллюстративные материалы, устраивались различные конкурсы, розыгрыши призов среди читателей. Tit-Bits стал самым читаемым еженедельником на Британских островах. Его тираж исчислялся сотнями тысяч.

У Ньюнеса появилось немало последователей, среди которых были братья Альфред и Гарольд Хармсворты. Изучив опыт Ньюнеса и американской The New York World («Мир Нью-Йорка») Дж. Пулитцера, они создали в конце 1880-х гг. сеть дешевых периодических изданий для разных категорий малоимущих читателей: молодежный еженедельник Answers to Correspondents («Ответы корреспондентам»); журнал Forget-me-not («Незабудка») для работающих женщин; журнал Home Chat («Домашняя беседа») для домохозяйек; детский журнал Comic Cats («Смешные коты») и журнал беллетристики Union Jack («Юнион Джек»).

В 1894 г. группу элитарных лондонских вечерних газет потеснила выпускаемая Хармсвортами первая массовая вечерняя газета The Evening News («Вечерние новости»), быстро завоевавшая популярность. За достижения в области журналистики королева Виктория присвоила братьям дворянские титулы: Альфред стал лордом Нортклифом, Гарольд – лордом Ротермиром. Через два года Хармсворты создали утреннюю массовую газету The Daily Mail («Ежедневная почта»), стоившую полпенса, то есть в два раза дешевле, чем самые дешевые столичные газеты. The Daily Mail проповедовала джингоизм (британский шовинизм) и культурный популизм, что стало формулой успеха данного издания. В XX в. газетные магнаты Хармсворты купили The Times.

С работы в Tit-Bits начал свою деятельность на рынке прессы другой газетный магнат – Артур Пирсон. В 1890 г. он основал массовый журнал Pearson's Weekly («Еженедельник Пирсона»), содержание которого составляли беллетристические очерки и повести, а также

всевозможные шарады и ребусы. Пирсон оказался чрезвычайно изобретательным газетчиком, находившим все более изощренные способы борьбы за увеличение тиража (лотереи и конкурсы с денежными призами, договор с владельцами железных дорог о продаже Pearson's Weekly на вокзалах, выплата компенсаций родственникам погибших на железной дороге с номером его газеты в кармане и т.д.). Через шесть лет появился Pearson's Magazine («Журнал Пирсона») – литературно-политический журнал, в котором помимо политических дискуссий печатались рассказы и новеллы известных писателей: Э. Синклера, Б. Шоу, Г. Уэллса, М. Горького, Дж. Гриффита.

The Daily Mail Хармсвортов вдохновила Пирсона на создание своей массовой полупенсовой газеты. С 1900 г. в Лондоне стала выходить The Daily Express («Ежедневный экспресс»), до сих пор пользующаяся популярностью. Обе газеты были самыми успешными изданиями, представлявшими английскую «желтую прессу» с ее установкой на скандал, развлекательность, облегченную подачу информации.

К концу XIX в. журналистика в Великобритании превратилась в профессию, о чем свидетельствовало появление в стране первого профессионального объединения журналистов («Институт журналистов») под патронажем королевы и учреждение высшего журналистского образования: в 1890 г. в Лондоне открылась специальная школа журналистики.

ПРЕССА ГЕРМАНИИ

Главная особенность развития германской журналистики состояла в местном характере прессы. До последней трети XIX века Германия оставалась отсталым полуфеодальным «захолустьем Европы» разделенным на множество крупных и мелких самостоятельных государств, каждое из которых имело свою прессу. Объединял немецкие земли только немецкий язык. Условия для возникновения единой общегерманской прессы отсутствовали.

Развитие печати в Германии шло медленнее, чем в Англии и Франции. Причиной была не только ее раздробленность, но и суровая цензура, установленная правителями еще в XVIII веке. Издатель журнала Hermes («Гермес») Фридрих

Брокгауз писал в 1823 г.: «Наша немецкая журналистика являет собой полное ничтожество». В 1825 г. содержание немецкой прессы было столь бедным, что читающая публика предпочитала ей французские газеты и журналы.

Многочисленные цензурные ограничения привели к тому, что в начале XIX в. немецкая пресса довольствовалась бесстрастным изложением фактов и была весьма скупа в комментариях. В отличие от французских, немецкие периодические издания не стремились навязать читателю свою точку зрения. Они отличались серьезностью тона и хорошей осведомленностью в разных сферах жизни. В начале XIX века немецкая пресса почти не публиковала объявлений. И только в 1820-е гг. они заняли значительное место в немецких газетах и журналах.

Некоторые германские государства имели более или менее либеральные законы. Так, например, в начале XIX в. цензура была упразднена в Баварии, Ганновере, Гессене, Мекленбурге, Вюртемберге и Нассау. В то же время цензура в Пруссии, Саксонии, Австрии по-прежнему оставалась очень жесткой. «Цензура не допускала обсуждения событий, настроений и требований эпохи, — пишет Г.Ф. Вороненков в книге «Путь длиною в пять столетий: От рукописного листка до информационного общества», — именно те вопросы, которые волновали сердца, запрещено было затрагивать в печати».

В объединенной Германии дольше, чем в других ведущих европейских странах, сохранялась цензура. Это отразилось на качестве журналистики. Государство вплоть до начала XX в. имело множество рычагов воздействия на прессу. В результате продолжительной борьбы за свободу печати возникла мощная политическая печать.

Толчок развитию политической прессы в Германии дала Великая французская революция и последовавшее в результате наполеоновских побед установление французского господства на значительной части немецких территорий. Одним из первых изданий, в которых осуществился переход от литературно-художественной к политической проблематике, стал журнал *Der Deutsche Merkur* («Немецкий Меркурий»), издававшийся немецким

писателем Виландом. В статьях на политические темы он приветствовал французскую революцию, требовал радикальных реформ в Германии.

Однако со временем отношение к Наполеону в среде немецкой буржуазной интеллигенции стало меняться. Сначала он воспринимался как символ французской революции, потом в нем увидели главу оккупационного режима. После разгрома Пруссии и подписании унижительного Тильзитского мира Наполеон ввел строгую цензуру. С 1811 г. немецким газетам и журналам под страхом немедленного закрытия было запрещено печатать политическую информацию,

Цензурные ограничения привели к тому, что в начале XIX в. немецкая пресса довольствовалась бесстрастным изложением фактов и была весьма скупа в комментариях

не опубликованную прежде официальной парижской газетой *Le Moniteur*. Ни одно немецкое периодическое издание не осмелилось сообщить читателям о поражении Наполеона в России, до тех пор, пока русские войска не оказались на немецкой территории.

С одной стороны, французское господство ускорило буржуазные преобразования в Германии. С другой — стало тяжелым бременем для населения оккупированных территорий. Поражение Наполеона в «Битве народов» под Лейпцигом в 1813 г. вызвало у немцев патриотический подъем. Выразителем этих настроений стала газета *Rheinischer Merkur* («Рейнский Меркурий»), основанная Йозефом Герресом. Его газета старалась пробудить патриотическое сознание и демократический дух немецкой буржуазии. Геррес первым стал публиковать передовицы с продолжением. После него такая форма стала традиционной для немецкой периодики. Кроме того, он стремился к тесному контакту с читателем, что побуждало его придавать своим статьям разговорную форму, рассчитанную на чтение вслух. *Rheinischer Merkur* критиковал немецких правителей, не дававших народу поли-

тических прав, вследствие чего в 1816 г. газета была закрыта.

После падения режима Наполеона на территории Германии в 1815 г. был создан Германский союз, объединивший 35 княжеств и 4 вольных города. В его конституции говорилось, что первое союзное собрание должно выработать одинаковое законодательство о свободе печати для всех союзных государств, но данное обещание не было выполнено. Вместо этого в 1819 г. был издан закон о печати, почти дословно повторявший французское законодательство 1814 г., и немецкой прессе пришлось дожидаться свободы слова до 1848 г.

В 1819 г. на съезде германских государей в Карлсбаде были приняты решения, направленные против «злоупотреблений» свободой прессы. Под строгий контроль были поставлены университеты, периодические издания подвергались обязательной предварительной цензуре. Тогда же в Пруссии была создана верховная цензурная коллегия, а в 1822 г. принято постановление о газетном штемпеле, без которого ни одна газета не могла выйти в свет. Многие журналисты эмигрировали, а те, что остались, вели борьбу с цензорами.

В 1832 г. Союзный сейм принял постановление, отменявшее свободу печати. Ответом журналистов стало создание «Союза печати», провозгласившего своей главной целью борьбу за свободу прессы.

В 1830-е гг. появилось большое количество разнообразных газет — утренних и вечерних, столичных и провинциальных, ежедневных и ежемесячных, элитарных и массовых. Однако тема политики присутствовала практически во всех изданиях. На середину 1830-х годов пришелся пик борьбы двух лагерей немецкой интеллигенции: либерально-демократического и консервативного. Первые выпускали журналы *Aurora — Eine Zeitschrift aus dem sudlichen Deutschland* («Аврора — журнал из южной Германии») и газету *Zeitung für die elegante Welt* («Газета для эlegantного мира»), вторые — газету *Literatur-Blatt* («Литературный листок»). 1830—1840 гг. стали временем появления в Германии первых рабочих организаций. Идеологом немецкой рабочей печати стал В. Вейтлинг, издававший два журнала — *Der Hilferuf der deutschen Jugend* («Призыв о помощи немецкой молодежи») и *Die Republik der Arbeiter* («Республика рабочих»), в которых проповедовал идеи уравнительного коммунизма и революционные методы борьбы.

От взошедшего на прусский престол в 1840 г. короля Фридриха-Вильгельма IV ждали либеральных реформ. Представители прессы получили от него цензурную инструкцию. С одной стороны, король осуждал несправедливые притеснения, которым подвергались журналисты и литераторы, говорил о необходимости и значении смелой публицистики. С другой — предписывал цензорам соблюдение цензурного эдикта 1819 г., носившего дискриминационный характер. Решительным критиком этого распоряжения стал молодой К. Маркс. В статье «Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции» он вскрыл истинный характер документа, показал лицемерие короля и тем самым обратил на себя внимание как смелый публицист.

Став сотрудником либеральной кельнской газеты *Rheinische Zeitung* («Рейнская газета»), Маркс опубликовал цикл критических статей под заголовком «Дебаты о свободе печати», где рассматривал печать как выражение национального духа, а партийную печать — как оружие в политической борьбе. Вскоре он стал главным редактором газеты, которую провозгласил «первой политической газетой Германии». В качестве редактора Маркс добился большого успеха, многократно поднимая ее тираж. Газета стала выразителем настроений демократических кругов. Но в 1843 г. правительство, преследовавшее *Rheinische Zeitung* за резкую критику королевского произвола и порядка в Пруссии, закрыло газету.

С началом революции 1848 г. К. Маркс и Ф. Энгельс стали издавать в Кельне газету *Neue Rheinische Zeitung* («Новая Рейнская газета»). Важнейшим пунктом ее политической программы было объединение Германии как необходимая предпосылка быстрого социально-экономического и культурного развития страны на демократической основе. Газету отличало особое внимание к теоретическим вопросам, полемический характер и сатирическая направленность многих материалов. Ее страницы стали трибуной не только для немецкого, но и для европейского пролетариата. Вскоре *Neue Rheinische Zeitung* была закрыта.

Мартовская революция 1848 г. вызвала подъем немецкой прессы. Ассамблея немецкой Конфедерации позволила каждому княжеству по своему усмотрению отменять цензуру. Из-за раздробленности большую роль в Германии играла провинциальная пресса.

Печатный орган крупной либеральной буржуазии *Kölnische Zeitung* («Кельнская газета»), являвшийся самой читаемой немецкой провинциальной газетой XIX в., выступал в защиту интересов народа, но «в пределах законности». Главным оппонентом демократической и либеральной прессы была консервативная и антиреволюционная *Neue Preussische Zeitung* («Новая прусская газета») — монархическое издание, выражавшее интересы прусской верхушки. Инициатором ее создания был непримиримый противник левой прессы Отто фон Бисмарк». Девизом газеты служили слова: «Вперед! С богом, за короля и отечество». Ее программа состояла в том, чтобы «как можно более энергично бороться с умами, зараженными бунтарскими настроениями».

В 1862 г. Бисмарк стал главой правительства Пруссии и направил свои усилия на достижение единства Германии. Он всегда рассматривал прессу как средство для достижения определенных политических целей. Ему принадлежит известная фраза: «Печать — это не общественное мнение». В борьбе с либеральной периодикой Бисмарк широко использовал подкуп, административные и репрессивные методы. Канцлер не только читал и анализировал содержание газет, но возбуждал против них судебные процессы и закрывал их. В 1865 г. телеграфное бюро Вольфа было подчинено правительству. Новый закон «Общие союзные определения, касающиеся злоупотребления прессы» (1865) существенно ограничил свободу слова, ввел высокий денежный залог для издателей общественно-политической периодики и систему предупреждений. В 1871 г. старания Бисмарка увенчались успехом: было провозглашено создание Германской империи во главе с императором Вильгельмом I. Первым рейхсканцлером нового государства стал О. фон Бисмарк.

Объединив страну, рейхсканцлер решил создать общегерманскую газету, которая была бы официальным органом правительства и трибуной для его политических выступлений. Ею стала некогда либеральная *Norddeutsche Allgemeine Zeitung* («Северогерманская всеобщая газета»). Она финансировалась из учрежденного Бисмарком тайного и неподконтрольного парламенту Рептильного фонда. Бисмарк подкупал и «прикармливал» не только проправительственные издания и конкретных журналистов, но даже «карманную» оппозицию. Обыватели, читая подобные

«оппозиционные» издания, наивно верили в свободу прессы. Они не подозревали, что эта мнимая оппозиционность щедро оплачивалась из Рептильного фонда. Бисмарк, считавший журналистику одним из лучших средств манипуляции общественным мнением, всегда использовал прессу как инструмент своей политики. Например, опубликованная им в *Neue Preussische Zeitung* фальсифицированная так называемая «Эмсская депеша» спровоцировала начало франко-прусской войны, что привело к окончательному объединению Германии и полному военному поражению Франции.

В 1874 г. был принят новый закон о печати, носивший ярко выраженный разрешительный характер. Его первый параграф гласил: «Свобода прессы подлежит лишь тем ограничениям, которые допускаются или предписываются настоящим законом». Несмотря на жесткую регламентацию деятельности журналистики, этот закон, вопреки сопротивлению Бисмарка, содержал зачатки хоть и ограниченной, но реальной свободы печати: отмену предварительной цензуры, ограничение случаев судебного разбирательства.

По инициативе Бисмарка в 1878 г. рейхстагом был принят «Закон против общественно опасных устремлений социал-демократов», фактически запретивший всю партийную печать, что привело к изданию этих газет за пределами Германии. В Швейцарии выходила газета *Vorwärts* («Вперед»), в Англии — *Socialdemokrat* («Социал-демократ»). В итоге германская левая пресса приобрела ценный опыт подпольной работы и борьбы.

К концу XIX в. в Германии, позднее, чем в других странах Европы, стал набирать силу процесс концентрации печати. Первыми газетными магнатами в стране были Рудольф Моссе, Леопольд Ульштайн и Август Шерл. Появилась коммерческая, массовая пресса, газеты мнений, бульварные газеты. Развивалось профессиональное образование: курсы профессора Коха при Гейдельбергском университете; берлинская Высшая школа журналистики под руководством Рихарда Вреде, редактора немецкого журнала *Die Kritik* («Критика»).

Продолжение в следующем номере.

Василий КАШИРИН,
кандидат исторических наук

ТАЙНАЯ ВОЙНА НА ПРУТЕ

Бессарабские жандармы против мазепинцев, потемкинцев и австро-германской разведки

В годы Первой мировой войны, вплоть до выступления Румынии на стороне Антанты в августе 1916 г., территория этой страны была ареной ожесточенной схватки секретных служб противоборствующих лагерей. Основные события этой незримой борьбы происходили в столичном Бухаресте, который являлся объектом главного внимания стратегической разведки и тайной дипломатии обеих сторон. Не менее напряженное и драматическое противостояние разворачивалось на русско-румынской границе, на реке Прут и в дельте Дуная. Главными участниками этой борьбы с российской стороны были офицеры пограничной стражи и чины политической полиции, в первую очередь — Бессарабского губернского жандармского управления (БГЖУ). А их противниками выступали сотрудники австро-венгерской и германской разведок, имевшие широкие агентурные сети в приграничной полосе на румынском берегу Прута, среди местных контрабандистов, а также представителей русской революционной эмиграции, в том числе оставшихся в Румынии матросов мятежного броненосца «Князь Потемкин-Таврический».

С румынской территории вражеские секретные службы пытались развернуть работу по сбору агентурных сведений о положении в Бессарабии и на всем черноморском юге России, а также осуществлять диверсии против стратегических объектов в русском тылу и против судов дунайской экспедиции особого назначения адмирала М.М. Веселкина, которая до осени 1915 г. поддерживала связь между Россией и союзной ей Сербией. Задачу русской полиции и контрразведки усложняло то обстоятельство, что пересечение русско-румынской границы в начале XX в. было делом достаточно простым. Еще в 1898 г. МВД России установило практику выдачи так называемых легитимационных билетов для перехода в Румынию жителям 21-верстной приграничной полосы (для поисков скота, приобретения леса и камыша). Однако местные полицейские власти выдавали такие билеты совершенно посторонним лицам, даже жителям Кишинева и Бельца, совершавшим поездки в Яссы и Бухарест. И только в феврале 1915 г. русские власти постарались ограничить эту порочную практику¹.

В самом начале войны была мобилизована и отправлена на австрийский фронт 20-я Хотинская бригада пограничной стражи, в результате чего полностью обнаженным остался участок русско-румынской границы протяженностью свыше 116 верст. Этим подарком судьбы и русских властей не замедлили воспользоваться контрабандисты, начавшие в широких размерах ввозить в Россию из Австрии водку и спирт; не теряли времени и неприятельские агенты². Глава австро-венгерской военной разведки в годы войны генерал Макс Ронге вспоминал, что разведывательный пункт в Черновицах доставлял множество сведений, так как «Румыния благоприятствовала проходу разведчиков»³. Лишь некоторое время спустя зияющая дыра в пограничной линии империи была закрыта силами других пограничных бригад, 21-й Скулянской и 22-й Измаильской. 12 июня 1915 г. командир Скулянской бригады полковник М.А. Нарбут докладывал в штаб 7-й армии, что охрана границы во вверенной ему части была доведена до высшего напряжения сил, но все же нельзя было исключить случаев ее нелегального перехода. «Борьба с евреями за последнее время становится все труднее, и сеть их агентов по контрабанде и по тайной перевозке в Румынию и обратно разных лиц все увеличивается», — писал Нарбут. В качестве желательной меры он предлагал выселение всех евреев из 50-верстной приграничной полосы вглубь страны и запрещение им перемещаться внутри этой полосы⁴.

С довоенного времени и вплоть до лета 1916 г. во главе БГЖУ стоял полковник Отдельного корпуса жандармов Константин Федорович Нордберг, знаток местного революционного движения и опытный специалист по агентурной работе. В Бессарабской губернии к началу 1914 г. организованного революционного подполья не существовало, что позволяло управлению Нордберга ограничиваться слабой внутренней агентурой числом в шесть человек, а также одиннадцатью филерами из унтер-офицеров⁵. Закордонная агентура БГЖУ состояла из одного агента у ротмистра С.М. Ральцевича с пограничного пункта в Рени и двух агентов у подполковника М.С. Афанасьева с пограничного пункта в Измаиле⁶. Они работали в основном на Дунае среди матросов русского Дунайского пароходства, наблюдая за их связями с тайной организацией «Союз черноморских моряков».

После начала войны задачи, стоявшие перед бессарабскими жандармами, существенно усложнились, а силы и средства в их распоряжении оставались крайне незначительными. На всю агентуру этого управления, как на территории Бессарабии, так и закордонную, выделялось всего по 400 руб. в месяц⁷. До войны данная сумма считалась достаточной, но в условиях военного времени этих денег стало не хватать. Острый недостаток ассигнований отчасти восполнялся, благодаря денежным суммам, которые отпускал Нордбергу штаб Одесского военного округа⁸. В свою очередь, начальник БГЖУ отправлял начальнику штаба округа свои донесения по Румынии. Лишь 5 января 1916 г. товарищ министра внутренних дел С.П. Белецкий по ходатайству Нордберга дал согласие на увеличение отпуска на агентурные расходы (на пограничных пунктах в Рени, Килии и Скулянах) на 300 руб. в месяц⁹.

Острым оставался вопрос с нехваткой личного состава. Всего в БГЖУ состояло на службе 6 офицеров, 5 вахмистров и 42 унтер-офицера и прикомандировано было еще 5 офицеров и 46 унтер-офицеров. Однако эта группа жандармских чинов была распределена по многим участкам. Начальник управления имел двух помощников-офицеров — одного по Кишиневскому, Бендерскому и Аккерманскому уездам, другого по Бельцкому, Хотинскому, Сорокскому и Оргеевскому уездам. У каждого из них в подчинении была группа унтер-офицеров. Постоянный и прикомандированный личный состав БГЖУ нес службу на постоянных и временных пограничных пунктах в Измаиле, Рени, Скулянах, Липканах, Килии¹⁰.

1 июля 1915 г. Нордберг пожаловался в Департамент полиции, что он оказался практически лишен возможности вести наблюдение за подозреваемыми в шпионаже, так как из восьми филеров вверенного ему управления двое были направлены в Рени для охраны грузов экспедиции особого назначения, двое находились на постоянном дежурстве на станции Кишинев и только четверо могли вести текущее наружное наблюдение¹¹. Жалоба осталась без внимания, и 30 октября 1915 г. Нордберг писал уже в штаб Отдельного корпуса жандармов о том, что на службе по секретной и строевой части у него в подчинении находилось всего 1 вахмистр и 7 унтер-офицеров, «перетомление коих уже отражается на успехе работы». Нордберг просил прикомандиро-

Потемкинцы в Румынии

вать к его управлению еще одного офицера и двух унтер-офицеров¹².

В военное время главная задача бессарабских жандармов заключалась в борьбе с угрозой из-за кордона. Революционная деятельность в самой Бессарабии, по оценке Нордберга, после начала войны замерла, что позволяло его подчиненным более активно работать по ту сторону румынской границы. Но в Департаменте полиции были не вполне довольны агентурной работой Нордберга: в апреле 1916 г. ему было поставлено на вид, что по отчетности у него числились 16 секретных сотрудников, тогда как сведения поступали только от 5 из них¹³.

Главная задача закордонной работы БГЖУ заключалась в наблюдении за контактами русской революционной эмиграции с неприязтельными секретными службами, а также в борьбе с попытками тайного ввоза в Россию динамита и подрывной литературы. Ценным агентом Нордберга стал Григорий Васильевич Калюжный — выходец из крестьян Херсонской губернии, бывший коچهгар, ходивший на судах Русского общества пароходства и торговли. До войны он под кличкой Крюк работал на начальника жандармского управления Одессы П.П. Заварзина, давая тому сведения по Союзу черноморских моряков, в котором имел партийную кличку Григорий Сова или Григорий Лоза. Согласно правилам, сотрудничество охранки с ним прервалось, когда Калюжный был призван на срочную службу в армию. В августе 1913 г. он дезертировал из домашнего отпуска и с тех пор проживал с женой в румынском Галаце, столярничал, позднее сидел без работы¹⁴. В апреле 1915 г. Калюжный предложил Одесскому охранному отделению свои услуги по осведомлению о деятельности «Союза вызволения Украины» — националистической организации мазепинского толка, содержавшейся австро-

германскими секретными службами. Предложение Калюжного было принято.

«Союз вызволения Украины» был образован в Австро-Венгрии в конце 1914 г. К следующей весне его представители вступили в контакт с проживавшими в Румынии матросами — участниками восстания 1905 г. на броненосце «Князь Потемкин-Таврический». Посредниками в их сношениях выступили Замфирий Арборе-Ралли, патриарх российской революционной эмиграции в Румынии, и один из вождей румынской социал-демократии доктор Христиан Раковский. Они вошли в контакт с жившим в Галаце бывшим потемкинцем Даниилом Пустяковым, который согласился за деньги переправлять через Прут подрывную литературу и взрывчатку. Динамит предполагалось использовать для диверсий против железнодорожных сооружений и верфей в Николаеве. Кроме Пустякова, игравшего ключевую роль в организации переправки динамита, к этому делу были причастны потемкинцы Николай Рыжков и Петр Блохин, живший в Бухаресте в доме 10 по улице Чаршия. Там находился пункт временного хранения динамита, который планировалось переправлять через Прут в окрестностях Слободзеи, позже — в районе Рени или Измаила¹⁵.

Первая попытка ввезти в Россию партию динамита провалилась; исполнители Александр Клочко и Торос Торосов (Марк, в прошлом активист революционного Союза черноморских моряков) были задержаны и депортированы румынскими властями; вскоре они уже сидели в одесской тюрьме¹⁶. После этого на связь с потемкинцами в январе 1915 г. вышел прибывший в Галац неизвестный, назвавшийся эмиссаром «Союза вызволения Украины». Русская полиция предположила, что им мог быть Израиль Гельфанд (он же Александр Парвус) или малороссийский социал-демократ Микола Железняк. Не-

известный располагал крупными денежными средствами и огромными запасами подрывной литературы, особенно «Вестника Союза вызволения Украины». Григорий Сова, он же агент Крюк, согласился помочь с доставкой этих предметов на русский берег. Всю зиму 1915 г. взрывчатка и литература переправлялись в огромном количестве. Грузы перевозились на специально купленных лодках в Рени, затем по железной дороге в Одессу, откуда растекались по всему югу России. Весной уполномоченный «Союза вызволения Украины» был арестован румынскими властями и выслан из Галаца, однако переправка грузов продолжалась¹⁷. 7 августа 1915 г. в Галац для переговоров о переправке динамита приехал германский подданный Прест¹⁸.

Начиная с мая 1915 г. деятельность группы потемкинцев на румынском берегу Прута была предметом внимания различных органов русских секретных служб — контрразведки штаба 7-й армии и Главного управления Генерального штаба, БГЖУ и Департамента полиции. Непосредственное наблюдение за потемкинцами в Галаце вел помощник начальника БГЖУ на пограничном пункте в городе Измаиле и в Измаильском уезде подполковник М.С. Афанасьев¹⁹.

Берег Дуная в окрестностях Измаила и Рени была, пожалуй, самым трудным участком работы для чинов БГЖУ. В Рени располагалась главная промежуточная база экспедиции Веселкина, которая была объектом особых усилий вражеских агентов. Румынская граница в этих местах наблюдалась достаточно слабо. К примеру, в 3–4 верстах от Рени находился Усть-Прутский пограничный пункт, который не входил в ведение жандармского надзора из Рени, а обслуживался всего двумя таможенными чиновниками. Этой дорогой издавна пользовались революционеры — она даже получила название «эсеровского пути». Многие другие участки границы из-за слабого контроля также были удобны для нелегального перехода²⁰.

В июне 1915 г. жандармское управление Одессы передало агента Крюка управлению полковника Нордберга, поскольку сама Одесса не была местом активной деятельности украинских революционеров. С июля Крюк состоял на службе БГЖУ, получая 50 руб. в месяц²¹. После передачи Калюжный практически перестал давать ценную информацию. Жандармские органы полагали, что причина могла заключаться в неумелом руководстве им со стороны помощника Нордберга, ротмистра Васильева. Впрочем, 24 января 1916 г. Калюжный дал точные сведения о подготовке неприязтельными агентами диверсии на русской территории. По его данным, 21 января в Галац прибыли Рудольф Финклер (временно находившийся во главе австрийского разведывательного бюро в Бухаресте), его сожительница Аннета Бухольцан и Мечислав Славинский, бежав-

ший из Варшавы. Они привезли с собой взрывчатку с целью взрыва трех транспортов в Одесском порту, железнодорожного моста через Днестр у Бендер, станционных сооружений Жмеринки, Троянова Вала и других станций, а также двух подводных лодок и стоявших в Рени пароходов. Для предотвращения этого ротмистр Васильев, временно исполнявший должность начальника БГЖУ, лично выехал в Галац и при помощи русского консульства передал сведения румынским властям. 31 января австрийская диверсионная группа была арестована; у них обнаружили в двух чемоданах 32 кг экразита (австрийское название пикриновой кислоты, или тринитрофенола, мощного бризантного взрывчатого вещества). Выяснилась причастность австрийского и германского консульств, однако власти Румынии приняли все меры к сохранению дела в тайне и недопущению публикаций о нем в прессе²².

И все же к весне 1916 г. у Нордберга практически не осталось сомнений в двурушничестве сотрудника Крюка. Были установлены его контакты со служащими австрийского и германского консульств в Галаце и Бухаресте; причем Васильеву он рассказывал далеко не обо всех из этих встреч. Материальное положение Калюжного резко и без видимых причин улучшилось, хотя от русских жандармов он получал всего 50 руб. в месяц. Этим небольшим заработком он явно не дорожил и тратил намного больше. Считая вероятным подкуп Калюжного немцами, Нордберг принял решение о его аресте в случае попытки въехать в Россию²³.

Это решение было оправданно, так как агентурные сведения, которые имела военная контрразведка, подтверждали, что Калюжный широко и энергично занимался организацией военного шпионажа против России, ввозом динамита и подрывной литературы. Одновременно с БГЖУ за деятельностью потемкинцев в Галаце наблюдала и контрразведка штаба 7-й армии, которой помогали местные пограничники. Особую энергию проявлял командир Колибашского отряда (пост Колибаши) 1-го отдела Измаильской бригады 5-го округа Отдельного корпуса пограничной стражи ротмистр Лев Филиппович Курганов. К августу 1915 г. в группу потемкинцев был внедрен агент Курганова — болгарин Георгий Константинов Бритков, владевший бакалейной лавкой в селе Брынзы Измаильского уезда и домом в Болграде. Ему удалось узнать, что немцы поручили Пустякову и Калюжному организовать взрыв железнодорожного моста между станциями Жмеринка и Винница, для чего требовалось заблаговременно поселить там своего человека и устроить ему знакомство с охраной моста. Для диверсии было заготовлено 50 кг динамита. Его переправку заговорщики предполагали поручить Парамону Лефтерову, он же Матвеев, русскому старообрядцу,

старшему над рыбаками в правительственных плавнях в районе Колибаши—Брынза. Этот последний на самом деле также был агентом ротмистра Курганова²⁴.

В конце августа потемкинцы в Галаце познакомили Бриткова с неким Адамом Шмидтом, который предложил ему добывать для немцев сведения военного характера. Довольно скоро Бритков вошел в доверие к потемкинцам, стал регулярно встречаться с ними на румынском берегу Прута и передавать им дезинформационные сведения, которые готовились в штабе 7-й армии. Выяснились интересные подробности отношений между потемкинцами и заказчиками их шпионской работы. Шмидт обманывал бывших моряков; те, в свою очередь, дурачили Бриткова, говоря, что немецкие хозяева были недовольны качеством его информации. Сам Бритков заметил, что Пустяков и Калюжный неплохо наживались на его донесениях — они заметно приоделись со времени их последней встречи. Бывшие моряки боялись ходить для разведки на русский берег Прута и предпочитали давать поручения другим лицам. Бриткову они советовали сообщать больше конкретных сведений, пусть даже вымышленных, лишь бы это принесло деньги. Главное — «замазать ему глаза» (Шмидт по национальности был евреем) и получить более важную и высокооплачиваемую работу по переправке в Россию динамита и нелегальной литературы, говорили потемкинцы Бриткову²⁵.

Вскоре бывшие моряки решили прекратить сотрудничать со Шмидтом и установить связь непосредственно с австро-венгерской разведкой. На встречу с ними в Сучаву на автомобиле специально приехал из Черновиц капитан австрийской армии. Он сообщил, что все сведения от Бриткова были весьма хороши и что Шмидт передал ему фальшивую расписку от Калюжного в получении 600 руб. для Бриткова. Также австрийский разведчик дал задание по организации взрывов адских машин на железнодорожном узле в Жмеринке²⁶. То, что австрийцы высоко оценили сведения от Бриткова, было хорошим знаком для русской контрразведки, которая с сентября 1915 г. развернула целую операцию по дезинформации противника и прикрытию истинных планов Ставки на черноморско-балканском направлении.

Однако вскоре над работой агентуры ротмистра Курганова на румынском берегу Прута нависла угроза. В январе 1916 г. Бриткова призвали в армию, хотя прежде он был освобожден от призыва как сотрудник разведки. Пришлось обратиться за содействием к начальнику контрразведывательного подразделения штаба Одесского военного округа подполковнику В.М. Якубову, которому удалось отстоять Бриткова²⁷. А в марте 1916 г. 22-ю Измаильскую пограничную бригаду, в которой служил Курганов, отправили

на реформирование, и ему пришлось отправиться с ней. В письме к Якубову он высказывал сожаление о том, что ему приходилось бросить оперативную работу по группе потемкинцев. Ротмистр-пограничник сообщал также, что у него возникли подозрения в отношении собственного агента Парамона Лефтерова, который, вероятно, брал деньги и у Курганова, и у Калюжного, помогая ему водить за нос агента Бриткова. Тем не менее именно Бриткову ротмистр Курганов был вынужден поручить все начатое им агентурное дело, перспективы которого теперь были более чем туманны²⁸.

Любопытно, что Григорий Калюжный, который, как вражеский агент, был одним из главных объектов наблюдения и разведки ротмистра Курганова, докладывал своему начальству в БГЖУ о непрофессиональных и провокационных действиях самого Курганова. Так, Калюжный сообщил, что однажды в его присутствии совершенно незнакомый человек сделал Пустякову предложение переправлять динамит из Румынии в Россию. Это предложение от неизвестного человека показалось настолько странным, что в нем сразу же заподозрили русского агента, а позже выяснилось, что этим человеком был сам ротмистр Курганов²⁹.

Несмотря на убежденность Курганова, что ему удастся полностью отслеживать работу потемкинцев по ввозу динамита, последние успешно продолжали эту деятельность. В целом история заговорщиков из Галаца Пустякова и Калюжного и их попыток доставить динамит в Россию могла бы стать сюжетом отдельного авантюрного романа. Но операция эта так и не была осуществлена, хотя разговоры о ней длились около полугода, причем все действующие лица продолжали обманывать друг друга и наживаться за счет австрийской разведки. И за всем этим пристально следили секретные службы России.

Как докладывала в декабре 1915 г. агентура БГЖУ в Румынии, потемкинец Пустяков вместе с товарищем примерно один раз в неделю доставлял из Бухареста на станцию Барбош близ Галаца небольшие партии динамита, шпионскую корреспонденцию и революционную литературу. Все эти лица получали жалованье из германской миссии. Их пособниками были румынские рыбаки-липоване, которые при помощи товарищей-рыбаков с русского берега переправляли груз в Россию. По данным агентуры, в перевозке динамита и мазепинской литературы участвовали румынский подданный Григорий Сова (т.е. Калюжный), проживавший в Рени и содержавший там кузнечную лавку, а также семья шорных мастеров Ивановых, проживавшая в Рени и Галаце³⁰.

Именно в приграничном дунайском порту Галаце находился главный центр подготовки вражеских диверсий. Одну из групп

возглавлял содержатель шинка Маки Мелисаратос, в нее входили также два рыбака и несколько рабочих с фабрики «Гетц». Однако из-за возникших денежных недоразумений рыбаки донесли на Мелисаратоса. В конце ноября 1915 г. он был подвергнут обыску; у него обнаружили склад динамита и «аппараты для производства взрывов». Мелисаратос и несколько его сообщников были арестованы³¹. Однако работа врагов в Галаце продолжалась. В марте 1916 г. в штабе Одесского военного округа были получены сведения, что главным местом сбора мелких агентов австрийского шпионажа была пекарня грека Элефтерия Ставро. Там собиралась «шайка» из 25 человек разных национальностей, в том числе все тот же Григорий Калюжный. Сам пекарь Ставро почти каждую неделю приезжал парохомом в Рени, где проживал его зять, шорный мастер Иванов³².

Как видим, бессарабские жандармы были неплохо осведомлены о неприятельской шпионской и подрывной деятельности близ русской границы на нижнем Дунае. Ценную информацию об этом сообщал еще один агент БГЖУ в Румынии — конторщик русско-Дунайского пароходства в Галаце Антон Зимос, он же Григорий Парфенти. Сведения о контрабанде динамита передавали агенты Рыбаков, Окунь и Ерш, по всей видимости, из числа местных рыбаков³³. Антон Зимос состоял на службе с 1 апреля 1913 г.; как и Калюжный, до войны он освещал деятельность Союза черноморских моряков, затем был перенацелен на наблюдение за контрабандой динамита и революционной литературы. Он подчинялся помощнику Нордберга в Измаиле подполковнику Афанасьеву, который вел переписку с этим агентом через лоцмана парохода «Адмирал Кашерининов» Афанасия Бенитатоса³⁴. Зимос сотрудничал с ротмистром пограничной стражи С.М. Пайзанским, которому передавал данные о передвижениях румынских войск в Галацком корпусном округе³⁵.

У агента «Парфенти» не сложились отношения с помощником Нордберга на пограничном пункте в Рени подполковником Ральцевичем, который обвинял его в передаче ложных сведений и финансовых махинациях. Зимосу ставилось в вину, что он присвоил себе несколько тысяч франков выручки за партию брусничного листа, принадлежавшего его родственнику. Затем Зимос якобы начал запугивать потерпевшего обвинением в шпионаже, оговаривал других невиновных людей. Наконец, «Парфенти» обвинялся в бесцензурной доставке писем через границу для австрийской экспортной конторы «Блау и К^о», подозревавшейся в шпионаже; были и анонимные сведения о его шпионаже в пользу сигуранцы³⁶. Сложно сказать, насколько эти сведения соответствовали действительности. Как показывает опыт работы русского политического сыска того времени, среди его

тайных осведомителей практически не было идейных и чисто плотных в делах людей. Однако даже в этом случае такие агенты могли поставлять ценную информацию, при наличии кураторства, а с этим у секретных служб России были большие проблемы.

Вопреки мнению Нордберга, его подчиненный Ральцевич добился от адмирала Веселкина перевода агента «Парфенти» из Галаца в главную контору Дунайского пароходства в Одессе с 1 января 1916 г. В результате БГЖУ лишилось своей агентуры в Галаце. По следам этих неудач жандармские офицеры начали грызться между собой. С 15 декабря 1915 г. деятельность всех чинов БГЖУ в Измаильском уезде была по приказу главного начальника Одесского военного округа генерала М.И. Эбелова объединена в руках подполковника Н.И. Шамшева, бывшего начальника Гродненского губернского жандармского управления, назначенного помощником Нордберга в Рени³⁷. Шамшев, как чужак, пришелся не ко двору у местных жандармов. В мае 1916 г. Нордберг обвинил его в отказе поддерживать связь с агентурой в Галаце (до которого из Рени было всего два часа пути на пароходе по Дунаю). Шамшев отвечал, что не против работать с галацкой агентурой, но при эвакуации его управления из Гродно потерял все имущество, включая штатское платье. На обзаведение он просил деньги у Нордберга, но тот отказал³⁸. В конце концов приказом М.М. Веселкина № 1987 от 11 октября 1916 г. Шамшев был назначен заведующим контрразведкой экспедиции особого назначения³⁹. К сентябрю 1916 г. Нордберг был переведен в Одессу, а на смену ему в Кишинев был назначен его прежний оппонент Ральцевич.

Старая Россия и ее органы политического сыска близилась к своему трагическому и бесславному концу, и заграничная деятельность БГЖУ не увенчалась сколько-нибудь значительными достижениями. Впрочем, она изначально была ориентирована лишь на относительно неширокую полосу вдоль границы Румынии, а ее цели не выходили за рамки традиционной для политической полиции деятельности по предупреждению проникновения в Россию враждебных лиц и опасных грузов. Опыт работы русской контрразведки и политической полиции в Бессарабии в годы Первой мировой войны показывает, что внутренняя ситуация в Днестровско-Прутском междуречье, несмотря на усилия противника, вплоть до крушения монархии в России оставалась достаточно спокойной и в целом контролировалась имперскими властями. Однако после Февральской революции и слома прежней системы государственной безопасности уже ничто не могло предотвратить разгул националистического сепаратизма, подготовивший почву для оккупации Бессарабии королевской Румынией.

- ¹ РГВИА. Ф. 1837. Оп. 1. Д. 667. Л. 69—69 об.
- ² Там же. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1947. Л. 9—13 об.
- ³ Ронге М. Разведка и контрразведка. М., 1939. С. 80.
- ⁴ РГВИА. Ф. 1837. Оп. 10. Д. 583. Л. 6—7.
- ⁵ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1914 г. Д. 1. Ч. 8. Лит. Д. Л. 2—3 об.
- ⁶ Там же.
- ⁷ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1915 г. Д. 1. Ч. 8. Лит. Д. Л. 57.
- ⁸ Там же. Л. 59—60.
- ⁹ Там же. 1916 г. Д. 50. Ч. 8. Л. 1.
- ¹⁰ Там же. Л. 26—27 об.
- ¹¹ Там же. Л. 9—9 об.
- ¹² Там же. Л. 21—21 об.
- ¹³ Там же. 1915 г. Д. 1. Ч. 8. Лит. Д. Л. 56—56 об.
- ¹⁴ Там же. 1914 г. Д. 200. Л. 4—5, 32.
- ¹⁵ РГВИА. Ф. 1837. Оп. 10. Д. 590. Л. 3—4, 12—12 об., 14 об.
- ¹⁶ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1915 г. Д. 1. Ч. 8. Лит. Д. Л. 11—12 об.
- ¹⁷ Там же. Л. 10—10 об.
- ¹⁸ Там же. Л. 31—32.
- ¹⁹ РГВИА. Ф. 1837. Оп. 10. Д. 590. Л. 23—23 об.
- ²⁰ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1913 г. Д. 51. Ч. 8. Л. 16—17 об.
- ²¹ Там же. 1916 г. Д. 50. Ч. 8. Л. 7—7 об.
- ²² Там же. 1915 г. Д. 1. Ч. 8. Лит. Д. Л. 25—27, 53; РГВИА. Ф. 2000. Оп. 16. Д. 337. Л. 32—32 об.
- ²³ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1915 г. Д. 1. Ч. 8. Лит. Д. Л. 29—29 об.
- ²⁴ РГВИА. Ф. 1837. Оп. 10. Д. 590. Л. 25—26 об.
- ²⁵ Там же. Л. 30—32, 39, 52—53 об., 66—68 об.
- ²⁶ Там же. Л. 75—79, 90—93.
- ²⁷ Там же. Л. 145—147.
- ²⁸ Там же. Л. 181—182 об.
- ²⁹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1915 г. Д. 1. Ч. 8. Лит. Д. Л. 25—27.
- ³⁰ РГВИА. Ф. 1837. Оп. 10. Д. 590. Л. 115—115 об.; Ф. 2000. Оп. 16. Д. 337. Л. 27—27 об.; ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1915 г. Д. 1. Ч. 8. Лит. Д. Л. 31—32.
- ³¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 16. Д. 337. Л. 26—26 об.
- ³² Там же. Л. 35.
- ³³ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1915 г. Д. 1. Ч. 8. Лит. Д. Л. 32 об.
- ³⁴ Там же. Л. 36—37 об., 40—43.
- ³⁵ Там же. Л. 36—37 об.
- ³⁶ Там же. Л. 19—22 об., 40—48.
- ³⁷ Там же. Д. 50. Ч. 8. Л. 30—31.
- ³⁸ Там же. Д. 1. Ч. 8. Лит. Д. Л. 59—60, 66—66 об.
- ³⁹ Там же. 1916 г. Д. 50. Ч. 8. Л. 33.

Андрей ГАНИН,
доктор исторических наук

«ТЕПЕРЕШНИЕ СОБЫТИЯ НАДО ВЗВЕШИВАТЬ В МАСШТАБЕ ДЕСЯТИЛЕТИЙ, СТОЛЕТИЙ...»

Офицер в революции (по дневникам штабс-капитана Василия Цейтлина)*

История Первой мировой войны широкому кругу читателей известна, в основном, по воспоминаниям крупных военачальников или выдающихся политических деятелей, которые оставили свидетельства глобального противостояния с высоты занимаемого ими положения. Однако читателю намного ближе и понятнее «окопная правда», изложенная простыми участниками событий — рядовыми или младшими офицерами. К сожалению, таких свидетельств сохранилось крайне мало, поэтому каждое из них представляет особую ценность.

В архиве Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (АВИМАИВиВС) в Санкт-Петербурге автору этих строк посчастливилось ознакомиться с уникальным дневником штабс-капитана русской армии Василия Михайловича Цейтлина, посвященным эпохе 1914—1918 гг. На долю этого офицера выпало стать свидетелем переломных событий Первой мировой войны, революционного 1917 года и войны Гражданской. Материалы его дневника — уникального документа эпохи — охватывают события с августа 1914 г. по май 1918 г. и приближают нас к пониманию того, чем жил обыкновенный человек, попавший в водоворот глобальных исторических перемен и вынесший на своих плечах все тяготы походной жизни мировой войны. Благодаря дневнику, становится понятным, как такие люди восприняли приход революции и перемены в стране, и почему они оказались у истоков Красной армии.

Наша справка. Василий Михайлович Цейтлин (2 августа 1888 — 28 июня 1933) — сын коллежского советника, уроженец Гродненской губернии. Окончил Суворовский кадетский корпус, Александровское военное училище по 1-му разряду (1908), курс двух классов при Николаевской военной академии (1918). Последний чин в русской императорской армии — штабс-капитан. Участник Первой мировой войны. Принимал участие в боях под Августовым, на реках Бзуре и Равке, на Стоходе и Западной Двине. Получил шесть боевых орденов. В качестве военного специалиста поступил на службу в Красную армию. Участник обороны Петрограда от немцев в 1918 году. Участник Гражданской войны. Занимался вопросами организации военной разведки. Штатный преподаватель Военной академии РККА. В период советско-польской войны был начальником оперативной связи Западного фронта. Помощник начальника связи Красной армии. Организовывал военную связь частей Красной армии во время борьбы с Врангелем и подавления антоновского восстания. Крупный теоретик и практик военной связи. Автор ряда научных трудов, в том числе книги «Связь» (М., 1925), удостоенной премии им. М.В. Фрунзе. Умер в Москве от сыпного тифа.

Дневник В.М. Цейтлина представляет собой машинописный текст с внесенной авторской правкой. Рукопись дневника, по всей видимости, утрачена. По неизвестным причинам в тексте содержится немало пропусков. Возможно, в связи с неразборчивостью рукописи, в которой, насколько можно судить, автор прибегал к стенографированию.

Из документов архива Цейтлина следует, что уже в 1920-е гг. автор изучал различные свидетельства участников событий для корректировки своего дневника (в частности, конспектировал «Очерки русской смуты» генерала Антона Деникина). Можно предположить, что дневник содержит какие-то последующие правки. Об этом косвенно свидетельствует высокая степень зрелости суждений автора дневника, нетипичная для современника, впервые сталкивающегося с событиями такого масштаба и допускающая «послезнание».

Дневник написан живым языком, содержит многочисленные зарисовки фронтового быта и будней революционного Петрограда. Большая часть дневника посвящена Первой мировой войне, повсед-

В.М. Цейтлин в чине подпоручика 7-й артиллерийской бригады. 1908—1910 гг. АВИМАИВиВС. Публикуется впервые.

невной боевой жизни тех частей, в которых довелось служить автору. Однако, пожалуй, наиболее интересна заключительная часть документа, в которой зафиксированы события революции в Петрограде и начинавшаяся в стране Гражданской войны. Автор дневника тогда обучался на ускоренных курсах Николаевской военной академии.

Цейтлин, еще молодой человек, оставил удивительное описание переломных для страны и для него лично событий. На страницах дневника он рассуждает о происходящем, высказывает свое отношение к Временному правительству, выступлению генерала Лавра Корнилова, приходу к власти большевиков и многим другим событиям, которыми была так богата революционная эпоха. Материалы дневника позволяют проследить эволюцию взглядов офицера, дают возможность разобраться в причинах его перехода в Красную армию, погрузиться во внутренний мир одного из представителей военной элиты страны — а Цейтлин, пусть и по сокращенной программе², но получил высшее военное образование в Николаевской военной академии (к началу 1918 г. генштабисты составляли

* Исследование осуществлено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта № 14-31-01258а2 «Русский офицерский корпус на изломе эпох (1914—1922 гг.)».

В.М. Цейтлин (второй слева) в группе кадет Суворовского кадетского корпуса. АВИМАИВиВС. Публикуется впервые.

только около 1% русского офицерского корпуса).

Революция и последовавшая Гражданская война привели к невиданному прежде расколу русского общества, стали сложнейшими жизненными испытаниями для офицерства. В условиях взаимного ожесточения сторон от выбора офицеров зависел исход вооруженной борьбы, а, следовательно, и дальнейший путь развития страны. Как и все население бывшей империи, офицерство оказалось расколотым между красными, белыми и сторонниками национальных государств. Некоторая его часть предпочла уклониться от вовлечения в братоубийственную войну и заняла нейтральную позицию.

В своих наблюдениях Цейтлин критически оценивал реалии старой России. Сказывалась специфика мировоззрения фронтовика — на фронте всегда болезненно воспринимаются любые тыловые неурядицы. 13 июля 1916 г. он записал: «Тяжелых снарядов все нет, на орудие самые пустяки. Кругом видишь сплошное воровство под разным соусом, десятки паразитов, ничего не делающих, и получающих бездну денег»³. А вот запись от 29 августа 1916 г.: «Теперь, приглядевшись, я понимаю, почему настолько бездарна и лишена инициативы общая масса офицеров Генерального штаба. В академии, а потом на маленьких должностях их каждый старается задержать, оскорбить, пользуясь тем, что почти всегда в Генер[альный] штаб и вот человек терпит, переносит всякие обиды, глотает оскорбления лишь бы добраться до своей цели»⁴.

13 октября 1917 года о Главном штабе он отозвался как об авгиевых конюшнях, в которых «давно пора произвести фундаментальную чистку»⁵. Не будет преувеличением отнести автора дневника к группе реформистски настроенных молодых генштабистов, стремившихся к кардинальным переменам в военном руководстве страны.

Период с середины ноября 1916 г. по конец мая 1917 г. в дневнике почему-то пропущен. Однако многие важные оценки касательно деятелей этого периода можно почерпнуть из последующих записей. Пришедшее к власти в стране Временное правительство Цейтлин оценивал отрицательно, считал разрушительным для страны. Надо сказать, что подобная оценка была распространена в офицерской среде. Военного министра А.Ф. Керенского Цейтлин откровенно презирал, не скрывал взглядов от товарищей и не стеснялся в выражениях, именуя жалким, истеричным адвокатской прохвостом и фигляром⁶.

Определенной вехой идейной эволюции автора дневника стали события 3–5 июля в Петрограде, воспринимавшиеся как попытка большевиков захватить власть в столице. В этой связи 6 июля 1917 г. Цейтлин записал: «С большевиками шутить не приходится, а надо действовать очень энергично»⁷. Восприятие большевиков офицером в этот период было резко негативным.

Узнав о том, что их лидеры попали в Россию через Германию, по которой ехали в запломбированных вагонах, Цейтлин 8 июля записал: «Это сообщение просто придавило своей тяжестью, мне до сих пор

В.М. Цейтлин — юнкер Александровского военного училища. 1907–1908 гг. АВИМАИВиВС. Публикуется впервые.

не верится, чтобы Ленин мог быть агентом герман[ского] Ген. штаба, они его могут использовать в своих целях, он может быть оказался игрушкой в руках германской активной контрразведки. Но не за деньги же, и не на немецкие деньги.

Что тут замешаны агенты германского Генерального штаба — нет сомнений и много немецких шпионов работает под флагом большевиков, есть, вероятно, среди них

негодяи, в этом нет сомнений. Также нет сомнения, что в смысле агитации, даже самым идейным большевикам по одному пути с герман[ским] Ген. штабом. И тем и другим нужен хаос в тылу, кабак на фронте и свержение Временного правительства»⁸.

Перемены в стране, развал армии, преследование офицеров как контрреволюционеров вселяли тревогу. По словам Цейтлина, офицеры революционной армии — это «какие-то бесправные отщепенцы с массой обязанностей»⁹. Между тем, как отмечал автор дневника, «масса армейского офицерства крайне демократична, и если с кадетских лет и была воспитана «самодержавнейшим и благочестивейшим», то русско-японская война, революция 1904–05 года (так в тексте. — А.Г.), распутинщина и разгромы в течение нынешней войны, особенно отход 15-го года, заставили многих призадуматься. Только необходимость продолжения войны, абсолютная необходимость сохранить фронт, давят сверху, сдерживая от личных выступлений.

Не будь войны, надо думать многие из офицеров сами активно выступили бы за Госуд[арственную] Думу, за ответственное министерство и за республику.

Ведь в сущности, чем армейский офицер, получающий гроши и не имевший никаких привилегий, был связан с царской властью, и чем ему было бы хуже при другом образе правления... Только лучше.

Но революция сразу приказом №1 озлобила офицерство, натравила на него солдатскую массу. Офицеры растерялись, потеряли почву под ногами, особенно, когда к революции стали подыгрывать такие генералы, как Брусилов и другие»¹⁰.

Офицерство утратило единство. Сохранялись прежние противоречия между гвардейцами и армейцами, усугублявшиеся политическими разногласиями. Цейтлин, безусловно, выражал интересы вторых. Гвардейцы же, по свидетельству автора дневника, были склонны к революционному карьеризму — раньше пресмыкались перед императором, а теперь проявили приспособленчество по отношению к новым властям. Все это создавало почву для раскола офицерского корпуса, произошедшего в Гражданскую войну.

Наиболее реалистичным части командного состава армии казался силовой вариант выхода из кризиса. Предпринимались попытки тайной самоорганизации офицерства для спасения страны¹¹. В конечном итоге это привело к вооруженному выступлению Верховного главнокомандующего генерала Л.Г. Корнилова против Временного правительства. Впрочем, попытка путча успехом не увенчалась.

После «корниловских дней» солдаты и вовсе возненавидели офицеров.

Штабс-капитан В.М. Цейтлин с орденом Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом и знаком 5-й батареи 7-й артиллерийской бригады. 1916 год. Надпись на обороте: «Милому Мусику на добрую память. 14 июля 1916 года». АВИМАИВВС.

«Возле избы, где живем. Сняли, когда я и не подозревал. Записывал, что надо сделать». Деревня Черенки Виленской губернии. 22 сентября 1915 года. АВИМАИВВС. Публикуется впервые.

В дневниковой записи от 2 сентября 1917 г. отмечено: «Армия до корниловского выступления уже дошла до предела развала и держалась по инерции на плечах офицеров, а сейчас и эта последняя опора выбита.

Надо сознаться, что настал физический конец войне, воевать с немцами никто больше не будет, нет такой силы, которая бы заставила солдат идти на смерть и гибнуть. За что?.. За кого?..

Надо заставить союзников мириться, пока мы все же числимся армией с таким-то количеством корпусов, чем дальше, тем будет хуже»¹². Цейтлин высказал идею заключения сепаратного мира, которая вызывала отторжение у многих его сослуживцев.

Положение офицерства оставалось затруднительным не только в моральном, но и в материальном отношении. 9 октября прибывший в академию Цейтлин записал: «Живи, как хочешь, сейчас каждый дворник получает гораздо больше меня, а жить ему легче и живет он, конечно, проще. Придется голодать...»¹³. Давила и окружающая обстановка. 10 октября в дневнике записано: «В сущности, если вдуматься сейчас

в положение России... то оно безнадежно, и нет никаких оснований на что-либо надеяться¹⁴. Незадолго до большевистского переворота Цейтлин описал свое настроение: «Апатия положительно ко всему, ничего не хочется делать, ни во что не веришь...»¹⁵.

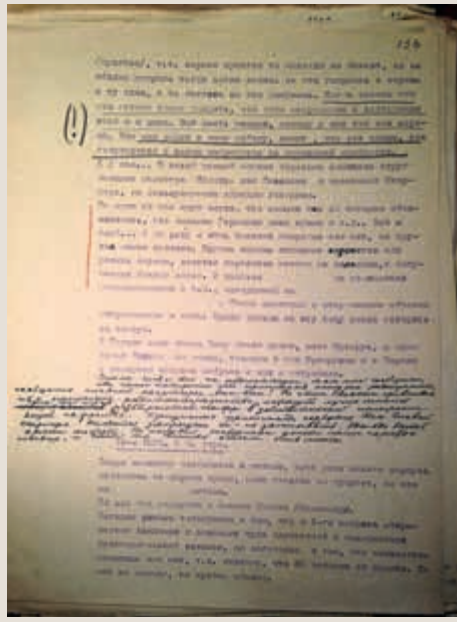
Солдатские массы жаждали скорейшего окончания войны. Но у Временного правительства и офицерских кругов эти настроения понимания не встречали. Чайниями фронтовиков воспользовались большевики. На предложение военного министра А.И. Верховского заключить сепаратный мир с Германией Цейтлин откликнулся 21 октября: «Конечно, Верховский, во многом, предал русскую армию из-за карьеры, и тайно заключать мир подло и глупо, но я держусь того мнения, что сепаратный мир надо заключить возможно скорее и объявив об этом заранее союзникам. Если же союзники не пожелают заключить мир, то плевать на них... Немедленно сепаратный мир с немцами и борьба с большевиками. А достаточно заключить мир, и главный козырь большевиков выбивается у них из-под ног.

Массы идут за ними из-за «мира»¹⁶. В академии подобные взгляды разделяли лишь несколько слушателей, большинство же оставалось за войну до победы.

22 октября Цейтлин зафиксировал другое важное наблюдение о том, что настал удачный момент для восстания большевиков. При этом он сомневался в том, что захват власти поддержат в стране¹⁷. Неумолимо приближался исторический день 25 октября 1917 г. Накануне в городе были разведены мосты, не ходили трамваи, в полках шли митинги и производилась выдача боеприпасов. Было понятно, что силовой захват власти начнется в ближайшие часы. 24 октября Цейтлин записал: «Разбирая вопрос со шкурной точки зрения, страшен не захват власти Лениным, Троцким и др. идейными культурными большевиками, а страшны произвол, грабежи и убийства разнузданной, пьяной солдатской массы, которые, очевидно, сегодня начнутся, а может быть, и уже начались. Особенное озлобление, конечно, будет как всегда против нас»¹⁸.

Слушатели академии решили не уезжать из Петрограда и не вмешиваться в события, а автор дневника обзавелся штатским костюмом, поскольку офицеры уже не могли свободно ходить по городу, не опасаясь эксцессов¹⁹. Цейтлин, как и прежде, сильнее всего возмущался Керенским, принесшим, по его мнению, огромный вред России. Теперь же этот неудачливый политик лишь пассивно ждал выступления большевиков.

ПОЖАЛУЙ, САМЫМ ЦЕННЫМ СВИДЕТЕЛЬСТВОМ ДНЕВНИКА ЦЕЙТЛИНА ЯВЛЯЕТСЯ ПОДРОБНЕЙШЕЕ ОПИСАНИЕ ДНЯ 25 ОКТЯБРЯ 1917 Г. В ПЕТРОГРАДЕ. В ТОТ ДЕНЬ АВТОР ДНЕВНИКА ОКАЗАЛСЯ В САМОЙ ГУЩЕ СОБЫТИЙ. ДО СИХ ПОР ЭТО ОПИСАНИЕ НЕ БЫЛО ИЗВЕСТНО НИ ШИРОКОМУ КРУГУ ИНТЕРЕСУЮЩИХСЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИЕЙ, НИ СПЕЦИАЛИСТАМ.

Страница дневника. АВИМАИВИВС. Публикуется впервые.

В 17 часов Цейтлин записал: «Начальник академии сказал удивительную речь, суть ее в том, что «академия, дескать, вне партии и политики», а поэтому надо беречь свое здоровье, нервы и продолжать заниматься, выжидая положение. По сообщению Андогского, Керенский с Временным правительством осаждены в Зимнем дворце, защищают Зимний дворец юнкера и женский батальон. Министру Кишкину даны диктаторские полномочия по водворению порядка. Но вот при помощи чего водворять — этого никто не говорит.

В борьбу с большевиками решено не ввязываться...

На Суворовском [проспекте] полный порядок, встретил много солдат и красногвардейцев с ружьями, как группами, так и в одиночку. Никто не задел, даже шашку не пробовали отыгать.

По Суворовскому прошло много матросов, говорят, приехали из Кронштадта. Раз эта публика — «краса и гордость революции» — приехала, значит, будет кровь...²⁰.

Затем, в 2 часа ночи с 25 на 26 октября, в дневнике появилось новое описание: «Зимний дворец взят. Сейчас я только вернулся с Невского, по которому бродил в своем импровизированном штатском костюме. Риск был большой, т.к. удостоверение у меня офицерское и, если бы выяснили, что офицер в штатском, могли бы тут же прикончить.

Вышел из дому около 8 часов вечера, на улицах большое оживление, много грузовых автомобилей с вооруженными матросами и красногвардейцами, толпами бродят солдаты, но настроение у них не воинственное, и что самое при-

ятное не хулиганское, как, напр., после первых дней во время февральской революции...

Изредка встречались офицеры, все без оружия.

На Знаменской площади несколько митингов, я как штатский вошел в толпу, а приятель остался на тротуаре ждать. Говорили о большевиках, восстании. Какой-то солдат кричал, что Ленин берет власть в свои руки, заключит мир с немцами, отдаст землю крестьянам и, словом, будет рай на земле.

Следующий оратор, видимо, с[оциалист]-р[еволюционер], говорил, что захват власти неправильный, что, дескать, даже 2-й съезд [Советов] против, что надо было бы ждать решения Учредительного собрания.

Настроение толпы было против большевиков, но вообще очень умеренное.

На Невском патрули из солдат и красной гвардии, народу много. К приятелю стали подходить и спрашивать, есть ли оружие, какой части, я посоветовал ему идти домой, обещав зайти все рассказать, а сам пошел далее.

В толпе узнал, что Зимний дворец осажден Красной гвардией и солдатами, а с Невы крейсером «Аврора». Около 9 часов раздались пушечные выстрелы и вслед за тем ружейная трескотня, говорили, что начался штурм дворца. Обойдя несколько патрулей, пошел далее. На пути видел несколько арестов как офицеров, так и, видимо, каких-либо важных лиц и правительства, двоих сняли с извозчика. Настроение толпы было определено враждебное к арестованным и можно было ожидать самосуда, правда, большей частью в толпе были солдаты. Офицеров далее на Невском уже совсем не было видно. У редакции «Вечернего времени» толпа. В ней настроение противобольшевистское, но весьма нерешительное, вступают в споры с проходящими патрулями, доказывая им бесцельность кровопролития. У Гостиного двора толпа еще больше. Ружейные выстрелы слышны сильнее. Говорят идет перестрелка юнкеров и женского батальона, которые забаррикадировались во дворце. Керенский руководит обороной дворца. Патруль из матросов привел несколько арестованных офицеров, хорошо я в штатском, да еще в пролетарском. Хуже всего попасть к этим зверям, убьют просто ради удовольствия... С красногвардейцами можно говорить, объяснить, а это какие-то садисты-бандиты...

Дошел до Мойки, дальше не пускали. Ружейная стрельба все продолжалась. Слухи самые разноречивые. По одним сведениям, Зимний дворец взят, по другим, только ворвались в первый этаж с одной стороны.

Подъезжают броневики, подходят новые отряды солдат. По моим наблюдениям, наибольший порядок в отрядах Красной гвардии.

Юнкерам, защищающим Зимний дворец, предъявили ультиматум сдаться.

Решил было идти домой, но рассудил, что здесь, пожалуй, самое безопасное место и остался ждать дальнейших событий, хотя промерз и проголодался вдребезги.

Вероятно, около 12 часов ночи, может быть немного позже, снова раздались оружейные выстрелы и ружейная трескотня, я был около Гостиного двора, все двинулись к Морской и Зимнему.

Стреляли с Авроры и из Петропавловской крепости. У Морской стояли красногвардейцы и солдаты, дальше не пускали. Дворец был уже взят, юнкера сдались, правительство арестовано, так сообщил какой-то большевистский комиссар...

Керенский оказался себе верным до конца и в решительный момент рано утром бежал из дворца. Жаль, что этого прохвоста не поймали»²¹.

Следующую запись Цейтлин сделал в 19 часов 26 октября: «После вчерашней ночи долго не мог заснуть и потому проснулся поздно около 12 часов.

Пока что какое-то дикое положение. В общем спокойно, вышли все газеты, как буржуазные, так и другие, на улицах все спокойно. Грабежей и погромов, кажется, совсем не было, солдаты, пожалуй, даже подтянулись, не видно вечных торгашей папиросами. Видимо, патрули подтягивают...

Как говорят, вчера при штурме дворца жертв было не так много, но возмутительно, что взятых в плен женщин-ударниц отвели в Павловские казармы и на «Аврору», где всех изнасиловали, а матросы потом всех раздели донага и топили в Неве.

Сколько честной и хорошей молодежи погибло из-за этого негодяя Керенского. И как глупо погибло среди полного разгильдяйства и нерешительности.

Керенский удрал и, вероятно, постарается при помощи войск с фронта взять Петроград, только кто пойдет за этим фигляром. Теперь поздно...»²².

Многое удивляло Цейтлина: «Все министры сидят арестованными... большевики хотели захватить генерала Алексеева, но он, слава Богу, скрылся...

Самое странное, что на улице полный порядок. Солдаты ведут себя прилично. Сегодня в трамвае один уступил мне место, я настолько обалдел, что сразу сел. О грабежах во всяком случае ничего не слышно. Объявлены в газетах телефоны комиссаров военно-революционного комитета, по которым надо звонить в случае грабежей или налетов.

Надо сказать беспристрастно, что порядок в такое тяжелое время прямо образцовый. На долго ли только, вот вопрос...»²³.

На этих тревожных нотках описание исторического дня 25 октября 1917 г. в дневнике заканчивается.

Удостоверение В.М. Цейтлина. 1917 год. АВИМАИВиВС. Публикуется впервые.

Выборы в Учредительное собрание в ноябре Цейтлин встречал уже с усталым безразличием. Сказывалось сильнейшее нервное переутомление. Из последующих записей видно, что в перспективе форума офицер не верил, справедливо полагая, что собрание будет существовать ровно столько, сколько позволит новая власть²⁴.

12 ноября в дневнике отмечено: «Народ безмолвствует, интеллигенция боится.

Как сильными людьми Лениным и Троцким можно восхищаться. Можно их ненавидеть, не соглашаться, но это дела не меняет.

Определенно, открыто, от самого начала и до конца идут к своей цели, иногда, быть может и не стесняясь средствами.

Ну разве они одни только считают, что цель оправдывает средства. А в общем власть их — безусловная сила»²⁵.

Перед нами очевидная трансформация взглядов офицера. Стоявший прежде на резко антибольшевистских позициях офицер увидел в новой власти ту силу, которая способна прекратить хаос в стране. Он по-прежнему иронично воспринимал утопизм и идеализм большевиков, но их разумные инициативы (например, введение института гражданского бракосочетания вместо церковного) оценивал по достоинству.

В это время в стране уже разгоралась Гражданская война, не чувствовать приближения которой военные профессионалы не могли. 27 ноября Цейтлин записал: «Мне лично сейчас Россия представляется громадной степью и на всем протяжении, насколько видит глаз бараны, бараны, бараны и так до бесконечности, сливаясь с горизонтом вокруг»²⁶.

Практически с первых дней существования новой власти выявилась ее антиофицерская направленность. Офицеров огульно считали контрреволюционерами, относились к ним подозрительно, по стране прокатилась волна бессудных расправ. Очередным ударом по офицерству стал декрет от 16 декабря 1917 г. «Об уравнивании всех военнослужащих в правах», по которому были упразднены погоны и воинские звания. Погоны всегда были символом офицерской чести и принадлежности к корпорации. До революции их срезали только с провинившихся. Тем оскорбительнее была эта мера, ударявшая по традиционному офицерскому мировоззрению и системе ценностей. По мнению Цейтлина, теперь офицеры приобрели «вид дикий» или «очень глупый»²⁷.

Брестский мир, положивший конец участию России в Первой мировой войне, Цейтлин именовал не только похабным, но и «препохабным», позорным для страны, при том, что осенью 1917 г. был активным сторонником мирных переговоров. Цейтлин не сомневался в необходимости выхода России из войны, но был убежден в том, что необходимо создавать новую армию и готовиться к отражению будущих внешних угроз. Неудивительно, что в дальнейшем он поддерживал идею создания Красной армии.

Отметим, что в это время среди слушателей появились и те, для кого ненависть к большевикам оказалась сильнее любви к родине — кто ждал победы Германии и надеялся на ликвидацию большевизма при помощи немцев. 3 марта Цейтлин рассуждал в дневнике о таких своих товарищах: «Как слепы или, вернее, близоруки многие, бла-

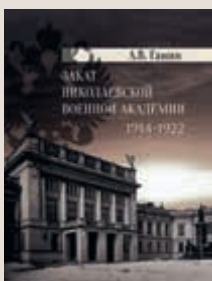

В.М. Цейтлин в Красной армии. АВИМАИВиВС. Публикуется впервые.

годаря озлоблению против большевиков — страшно желают прихода немцев. Какой толк, ведь только для того, чтобы ему, мне было лучше на время моей жизни и, пожалуй, это будет. Но ведь теперешние события надо взвешивать в масштабе десятилетий, столетий, для этого надо сосредоточиться спокойно без злобы уйти от всех ужасных подробностей. И у меня часто бывали мысли, пусть уж лучше немцы... Но теперь я все же пришел к заключению. Пусть лучше вся Россия будет советской республикой, лишь бы ее не рвали по частям, и не попала она под немецкое ярмо»²⁸. Эти слова кажутся значимыми и вне своего временного контекста.

Наконец, в феврале — марте 1918 г. выпускники курсов получили назначения в части зарождавшейся Красной армии. Дневник Цейтлина обрывается на событиях мая 1918-го и сомнениях в успехе создания Красной армии. Однако будущее показало, что новую армию как раз и создали, благодаря знаниям и опыту таких, как Цейтлин, бывших офицеров, принявших революцию и именовавшихся теперь военными специалистами.

К столетию начала Первой мировой войны в издательстве «Книжница» (Москва) увидела свет новая книга А.В. Ганина «Закат Николаевской военной академии 1914—1922», в которой на основе прежде неизвестных документов российских и зарубежных архивов подробно освещаются события, зафиксированные В.М. Цейтлиным в его дневнике.

¹ Материалы дневника уже привлекали внимание исследователей (впрочем, в публикации дневник почему-то назван мемуарами): Жарский А.П., Михайлов А.А. Первая мировая война в неопубликованных воспоминаниях В.М. Цейтлина, офицера Российской императорской и Красной армий // Первая мировая война и Европейский Север России. Архангельск. 2014. С. 114—121; Жарский А.П., Михайлов А.А., Шептура В.Н. Первая мировая война в неопубликованных воспоминаниях В.М. Цейтлина, офицера Российской императорской и Красной армий // Вестник архивиста. 2014. № 3. С. 92—110.

² Подробнее см.: Ганин А.В. «Недоноски»? Выпускники ускоренных курсов Императорской Николаевской военной академии в годы Первой мировой войны // Родина. 2014. № 8. С. 62—66.

³ АВИМАИВиВС. Ф. 13р. Оп. 1. Д. 2. Л. 136.

⁴ Там же. Л. 153.

⁵ Там же. Л. 249.

⁶ Там же. Л. 199, 213, 226, 260.

⁷ Там же. Л. 199.

⁸ Там же. Л. 204.

⁹ Там же. Л. 208.

¹⁰ Там же.

¹¹ Врангель П.Н. Воспоминания. Южный фронт (ноябрь 1916 г. — ноябрь 1920 г.). Ч. 1. М., 1992. С. 45—47; Деникин А.И. Очерки русской смуты. Кн. 2. Т. 2. Борьба генерала Корнилова август 1917 г. — апрель 1918 г. М., 2003. С. 26—30.

¹² АВИМАИВиВС. Ф. 13р. Оп. 1. Д. 2. Л. 229.

¹³ Там же. Л. 248.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. Л. 252.

¹⁶ Там же. Л. 255.

¹⁷ Там же. Л. 256.

¹⁸ Там же. Л. 258.

¹⁹ Там же. Л. 260.

²⁰ Там же. Л. 261—262.

²¹ Там же. Л. 262—264.

²² Там же. Л. 264—265.

²³ Там же. Л. 266.

²⁴ Там же. Л. 270, 274.

²⁵ Там же. Л. 270—271.

²⁶ Там же. Л. 274.

²⁷ Там же. Л. 277.

²⁸ Там же. Л. 283.

Алла УСАНОВА,
кандидат искусствоведения

КРЕСТЬЯНСКАЯ САГА

Алтайское крестьянство в картинах художника-самоучки Дмитрия Галанина

Дмитрий Александрович Галанин (1915—1990) родился в селе Алтайское, в большой крестьянской семье. Жизнь села в первой четверти XX века — это типичная история хлебопашцев из числа переселенцев, которые своим трудом способствовали росту и процветанию сибирских деревень. «В 1893 г. в селе Алтайском было 519 дворов, 3082 жителя, волостное правление, две церкви (православная и единоверческая), сельское училище,

церковно-приходская школа, 9 мельниц, 3 маслобояных и 2 кожевенных завода, винный склад и 7 торговых лавок. В 1926 г. в селе Алтайском насчитывалось 1557 хозяйств и 7595 жителей».

Традиционный уклад жизни зажиточной сибирской деревни, вольно раскинувшейся в живописных предгорьях вдоль старого Чуйского тракта, был разрушен трагическими событиями 1930-х гг. В официальных докумен-

тах о проведении коллективизации на Алтае особенно страшные цифры приходятся именно на 1930—1932 гг. По «Списку кулаков Алтайского района 1932 года» статистика была следующей: Алтайский сельсовет — 79, Нижне-Каянчинский — 28, Верх-Айский — 3, Сарасинский — 17, Нижнекаменский — 84, Нижне-Комарский — 26, Верх-Устюбинский — 18, Айский — 34, Макарьевский — 1, Казандинский — 10, Лежановский — 7, Куячинский — 12, Куяганский — 15, Никольский — 22, Тоуракский — 21, Россошинский — 59, Старо-Белокурихинский — 116. Среди самых зажиточных сел района было и Алтайское².

Из воспоминаний односельчанки Дмитрия Галанина, Серафимы Михайловны Некрасовой: «Моего отца, Тупикина Михаила Федоровича арестовали в 1930 году. Мне было тогда три года. Срок он отбывал на поселении. Дом и все имущество отца конфисковали. Вернулся он больным, сильно на него подействовало то, что дом его был отдан под поливочный цех. Вскоре после прибытия отца отправили в психическую больницу»³.

Коллективизация, раскулачивание, арест отца органами НКВД, высылка семьи в еще более суровые края — крепко до мельчайших подробностей врезались в память подростка. В скупых строчках воспоминаний вдовы художника В.Е. Галаниной изложена биография «сына раскулаченного», во многом похожая на судьбы сотен тысяч людей того поколения: невозможность получить образование, вместо действующей армии, куда рвался в годы войны молодой парень, запасная дивизия (не доверяли). Способности к рисованию, проявившиеся еще в детстве («картинки», нарисованные мальчиком, были единственным украшением родительского дома), позволили Галанину найти работу в родном селе, чтобы прокормить семью. Наглядная агитация — столь необходимые в советское время лозунги, «диаграммы роста производительности труда и благосостояния сельских тружеников» и в маленьких деревенских конторах, клубах, и в столичных учреждениях на долгие годы стали единственной возможностью заработка и доказательством лояльности и человека с «нечистой» анкетой. К 40-й годовщине Октябрьской революции, 7 ноября 1957 г. Галанин по просьбе сельчан создал памятник борцам, павшим за Советскую власть, а в 1961 г. по его инициативе был установлен обелиск покорителям космоса.

Интенсивно заниматься живописью он начал после ухода на пенсию в конце

В Нарым. 1930 год. 84x130 см. 1988.

В лесу. 60x90 см. 1986.

Первый прокос. 75x100 см. 1987.

1970-х — 1980-х гг., когда появилось свободное время. До 1990 г. им написано около 50 картин. Благодарность односельчан, уважение к дарованию «своего» деревенского художника, выразились в том, что, не рассуждая о «художественности и высоком предназначении искусства», они бережно сохранили его картины в районном краеведческом музее села Алтайское.

Творчеству художника присущи большие темы, в которых условно можно выделить три сюжетные линии: автобиографические сюжеты — воспоминания автора о жизни села и трагических событиях прошлого — «Страда» (1987), «Осень в деревне» (1987), «Клубника горькая» (1988), «В Нарым. 1930» (1988), «1930 год. В Нарыме» (1988); сюжеты с общественно-политическим звучанием, во многом перекликающиеся с предыдущими работами — «Как жить дальше?» (1988), «Колоски» (1988), и третья линия — лирические мотивы родной природы.

Одной из ключевых тем в произведениях Галанина, всегда сложных по замыслу, но пронзительно простых по сюжету, является тема коллективизации и раскулачивания. Не выболевшие за давностью лет воспоминания воплотились в серию из семи картин.

Сюжетом первой работы цикла «В Нарым» (1988) является сцена высылки, библейского исхода из мира, соприродного русской крестьянской душе в мялки и жернова грядущей перековки. В сизой дымке осеннего утра змеится вереница подвод с обреченными и отринутыми людьми. На первой подводе, въезжающей на мост через извилистую речку, художник изобразил себя и свою семью. Вожжи в руках «мрачного Харона», приневоленного односельчанина. Мост как некий символический рубеж фигурирует в воспоминаниях еще одного уроженца села Алтайского, ныне москвича В.Н. Покровского, как будто озвучивая немую сцену исхода: «Простучали копыта по деревянному настилу моста через речку Каменку, проскрипели колеса на кру-

1930. В Нарыме. 60x90 см. 1988.

том спуске на черную разбитую дорогу под обнаженным склоном крутой горы с осыпями серого щебня»⁴.

Продолжение крестьянской саги в сюжете картины «1930 год. В Нарыме» (1988) — переход с баржи (вновь по мосткам), группы высланных на поселение «кулацких элементов» на берег.

Многофигурная композиция четко по диагонали полотна поделена художником на планы. Передний план — край баржи, далее черная полоса воды с мостками и дальний берег с длинным рядом условно обозначенных шалашей на опушке леса. Колонна прибывших на поселение — женщины, дети, старики — является смысловым центром композиции. Пятьдесят прошедших лет не стерли в памяти художника горькую сцену, он пишет стоящую на коленях женщину с младенцем (мама и брат), нехитрую поклажу (деревянный короб — чемодан, корзина, немасштабная детская бутылочка и т. д.). Воссоздавая образы ушедших близких ему людей, Галанин стремится к максимальной достоверности, скрупулезно выписывая детали одежды (пуговицы на хлястиках, бахрому платка), лица прибывших (преимущественно в профиль), пытается передать эмоциональное состояние, и даже, смешивая цвета, моделирует объемы фигур и предметов. В то же время изображения конвоиров условны, лица как бы стертые (особенно у тех, что на берегу), а темными точками («тычок» кисти) обозначены глаза и раскрытый рот. Сумрачный, холодный колорит, выбранный художником, усиливает ощущение неприветливости даже по сибирским меркам северного края. Стоит отметить, что вопреки законам пространственного построения в пейзаже Галанин не пишет даже фрагмента неба, дальний план — сплошная, беспросветная, коричнево-зеленая стена тайги.

При всем реалистическом наборе изобразительных средств — использование линейной перспективы, старательное моде-

Колоски. 66x98 см. 1988.

Как жить дальше? 60x80 см. 1988.

Но, но, Буренка! 65x93 см. 1987.

Страда. 75x100 см. 1987.

лирование формы, сложный цвет, стремление к передаче динамики и свето-воздушной среды картина производит впечатление замкнутого и статичного изображения. Однако именно эти черты, фотографическая застылость, монументальная замкнутость, признаки неопытности живописца в сочетании с художественным талантом и огромным чувством, возводят наивную живопись Галанина в ранг горькой крестьянской летописи, обостряя образную выразительность произведения без изощренных иносказаний и профессиональных приемов.

В сюжетах некоторых картин художник прибегает к прямому высказыванию, «лобовому» решению темы. Эта черта свойственна

наивной жанровой живописи. В таких случаях язык его произведений приобретает плакатное звучание. В работах «Колоски» (1988), «Как жить дальше» (1988), «Но-но, Буренка» (1988) личная история жизни Галанина отражает историю колхозного крестьянства в СССР 1930-х гг. Трагедия сибирских землепашцев, изложенная сухим языком нормативных документов 1930-х гг. («о трех колосках», о неурожайном 1939 году) обретает зримое воплощение в образах и красках произведений, создаваемых художником на склоне лет.

Характерной особенностью картин сельского художника-самоучки является смысловой контекст его произведений — проявление бессознательного дуализма: величественная

и беспристрастная природа в его картинах как воплощение добра противопоставляется человеку, творящему зло. Это крестьянское мироощущение отчетливо проступает в работах автора «Первый прокос» (1988), «Страда» (1988). Земля-кормилица и труд на ней, лес, река и даже животные прописаны с огромной любовью и тщанием.

В феврале 2003 года в зале Государственного художественного музея Алтайского края состоялась открытие краевой выставки художников-самоучек. В экспозиции впервые отдельным блоком, как скорбная летопись алтайского крестьянства начала XX века, были представлены картины Дмитрия Александровича Галанина.

Журнал «Родина» входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК МОН РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

В соответствии с требованиями ВАК МОН РФ «Родина» публикует контактную информацию о наших авторах и ключевые слова к их статьям*.

НАШИ АВТОРЫ

АНДРЕЕВ Николай (nikandreev@bk.ru), журналист, работал в «Комсомольской правде», «Известиях». В.С. Высоцкий, Великая Отечественная война, поэзия.

АННИНСКИЙ Лев, критик, литературовед, обозреватель журнала «Родина». Советская литература, С.А. Алексиевич, ГУЛАГ.

БОЖКО Константин (ikon61@yandex.ru), предприниматель, музыкант, рыбак. Охота, тайга, Л. Киприянова.

БУШЕВ Александр (bush@rg.ru), сотрудник «Российской газеты». Великая Отечественная война, ветераны, Центральный архив Министерства обороны.

ВОЛОДИХИН Дмитрий (volodih@yandex.ru), доктор исторических наук, профессор ИГУ им. М.В. Ломоносова. Опричнина, Иван IV Грозный, Малюта Скуратов.

ГАНИН Андрей (andrey_ganin@mail.ru), доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН, редактор журнала «Родина». Революция, Первая мировая война, офицерский корпус, Генеральный штаб.

ДОЛГОПОЛОВ Николай (dolgopolov@rg.ru), заместитель главного редактора «Российской газеты». Нюрнбергский процесс, семейная история, «Известия».

ИРТЕНИНА Наталья (irtenina@yandex.ru), член Союза писателей России. Арктика, экспедиция, хронология.

КАШИРИН Василий (vbkashirin@mail.ru), кандидат исторических наук, заместитель директора — руководитель научных программ Днестровско-Прутского информационно-аналитического центра Российского института стратегических исследований. Контрразведка, Бессарабия, жандармы, Первая мировая война.

КОЛОСКОВА Елена (archivfoto@mail.ru), начальник отдела РГАКФД. Великая Отечественная война, фотографии, освобождение Венгрии. Крым, Новый Свет, Сапун-гора.

ЛЕПСКИЙ Юрий (Lepsky@rg.ru), первый заместитель главного редактора «Российской газеты». Михайловское, А.С. Пушкин, Псковская область.

МИРОНЕНКО Сергей (rodinainfo@rg.ru), доктор исторических наук, директор Государственного архива Российской Федерации. Архивное дело, генеалогия, мемуаристика.

ОНУФРИЕНКО Галина (onufrienko@inbox.ru), ведущий научный сотрудник научно-исследовательского центра культуры и искусства Российской государственной библиотеки. Журналистика, газеты, пресса.

ОСТРОВСКАЯ Наталья (primoret@list.ru), сотрудник газеты «Комсомольская правда». Б. Бринер, Владивосток, предпринимательство.

ТИМОШЕНКО Михаил (mtimoshenko1946@mail.ru), полковник в отставке. Аляска, «холодная война», Севморпуть.

УСАНОВА Алла (alla_leo@mail.ru), кандидат искусствоведения. Алтайский государственный университет, Барнаул. Раскулачивание, крестьянство, художник-самоучка, алтайское село

ХОРОШИЛОВА Ольга (farseto@gmail.com), кандидат искусствоведе-

ния, доцент Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Военный костюм, мода, Александр II.

ХОХЛОВ Александр (hoh61@mail.ru), военный журналист. И.М. Смонтуновский, Великая Отечественная война, награды.

ЧЕРКАШИН Николай (brest409@mail.ru), писатель-маринист, капитан 1-го ранга, подводник. Фотографии, архив, А.В. Колчак.

ШЕВАРОВ Дмитрий (shevarov@rg.ru), журналист, член Союза писателей Москвы. Переписка, исторический источник.

ЭКШТУТ Семен (semenekshtut54@gmail.com), доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, заместитель шеф-редактора журнала «Родина». Николай II, Дом Романовых, ГАРФ, философия истории.

ЭРЛИХМАН Вадим (erlichman@mail.ru), кандидат исторических наук, заместитель главного редактора издательства «Молодая гвардия». Первая мировая война, революционное движение, А.Л. Парвус.

* Более подробную информацию, включая требования к публикуемым статьям, см. на сайте «Родины» в Интернете: www.rodina.rg.ru.

РОДИНА

КАК ПОДПИСАТЬСЯ НА ЖУРНАЛ «РОДИНА»?

1. В почтовых отделениях связи РФ по каталогам:
  - «Роспечать» — индекс 73325,
  - «Почта России» — индекс 63436,
  - «Пресса России» — индекс 40687.
2. В альтернативных подписных агентствах, действующих в вашем регионе.
3. В редакции (тел.: 8(800) 100-11-13 — звонок бесплатный для всех регионов РФ), 8(499) 257-53-91).

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ И ПОДПИСЧИКИ!

Обращаем ваше внимание, что теперь вы можете оформить подписку в редакции с доставкой до почтового ящика или с получением заказной бандеролью.

ПОРЯДОК И СПОСОБЫ ОФОРМЛЕНИЯ ПОДПИСКИ В РЕДАКЦИИ:

- ✓ Зайти на сайт <http://rg.ru/subs/> выбрать журнал «Родина», вид доставки и оплатить подписку любым предложенным способом.
- ✓ Заполнить квитанцию формы ПД-4 (ниже на странице) с указанием количества заказанных изданий, периода подписки и полного адреса, по которому будет осуществляться доставка, и оплатить заказ в любом отделении Сбербанка.

СТОИМОСТЬ ПОДПИСКИ НА 2015 ГОД, А ТАКЖЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНУЮ ИНФОРМАЦИЮ, СМОТРИТЕ НА ОБОРОТЕ КВИТАНЦИИ

ИЗВЕЩЕНИЕ	ЗАО «Издательство «Российская газета» ИНН 7714010896 КПП — 771401001 Р/с 40702810000000101580 Банк: ОАО АКБ «Лесбанк» БИК — 044579694 К/С 30101810500000000694	ФОРМА № ПД-4
	Сумма платежа _____ руб. _____ коп.	
Кассир	Наименование платежа: Подписка на журнал «Родина» ☐ с доставкой заказной бандеролью ☐ до почтового ящика	
	Период подписки _____	
	ФИО подписчика _____	
	Адрес доставки: _____	
	_____	
	_____	
	Индекс, город, населенный пункт, улица, дом, корпус, квартира	
	Подпись: _____	Дата: _____ 2015 г.
ИЗВЕЩЕНИЕ	ЗАО «Издательство «Российская газета» ИНН 7714010896 КПП — 771401001 Р/с 40702810000000101580 Банк: ОАО АКБ «Лесбанк» БИК — 044579694 К/С 30101810500000000694	
	Сумма платежа _____ руб. _____ коп.	
Кассир	Наименование платежа: Подписка на журнал «Родина» ☐ с доставкой заказной бандеролью ☐ до почтового ящика	
	Период подписки _____	
	ФИО подписчика _____	
	Адрес доставки: _____	
	_____	
	_____	
	Индекс, город, населенный пункт, улица, дом, корпус, квартира	
	Подпись: _____	Дата: _____ 2015 г.
	подтверждение оплаты по тел. 8(800) 100-11-13 /звонок бесплатный для всех регионов РФ/, 8(499) 257-53-91	

ГДЕ КУПИТЬ ЖУРНАЛ «РОДИНА»?

В МОСКВЕ:

- ✓ **Фирменный киоск ООО «Компания «Родина-Пресс»**, вестибюль станции метро «Пушкинская».
- ✓ **Московский Дом книги**, ул. Новый Арбат, 8.
- ✓ **Дом книги «Молодая гвардия»**, ул. Б. Полянка, 28 (станция метро «Полянка»).
- ✓ **Пункт продаж Издательства «Российская газета»**, ул. Правды, д. 24, стр. 4.
Время работы пункта продажи с 17-00 до 22-00, с понедельника по четверг.
Пункт продажи расположен на внешней стороне здания, слева от центрального входа.

В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ:

- ✓ **Станция метро «Маяковская»**, пер. Поварской, д. 11, магазин «Солдатики».
Тел. (812) 404-66-27.

За дополнительной информацией по вопросам приобретения журнала «Родина» обращайтесь в отдел подписки к Бусуёк Светлане Михайловне по тел. (499) 257-53-91 или по электронной почте: busuek@rg.ru

Вид доставки	Стоимость подписки за 1 месяц				
	1 зона*	2 зона*	3 зона*	4 зона*	5 зона*
до почтового ящика	132,00 р.	137,00 р.	142,00 р.	155,00 р.	190,00 р.
заказная бандероль	187,00 р. (для всех тарифных зон)				

СРОКИ ОПЛАТЫ ПОДПИСКИ В РЕДАКЦИИ:

- ✓ **с доставкой до почтового ящика** – за 25 календарных дней, до начала месяца выхода номера для г. Москвы и за 40 календарных дней, до начала месяца выхода номера для всех остальных Регионов России.
Внимание! Этот вид подписки оформляется только строго в указанные сроки.
- ✓ **с доставкой заказной бандеролью** – без ограничения по срокам.

ВНИМАНИЕ:

Подписка с доставкой до почтового ящика и заказной бандеролью, оплаченная через отделения Сбербанка, может быть активирована только после получения информации о содержании заказа (срок подписки, адрес доставки) и подтверждения факта оплаты по телефону (499) 257-53-91 или по электронной почте busuek@rg.ru.

*ТАРИФНЫЕ ЗОНЫ:

- 1 ЗОНА:** г. Москва, Московская область, г. Санкт-Петербург, Ленинградская область, Республика Адыгея, Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Марий Эл, Республика Мордовия, Республика Северная Осетия-Алания, Чувашская Республика, Астраханская область, Белгородская область, Брянская область, Владимирская область, Волгоградская область, Воронежская область, Ивановская область, Калининградская область, Калужская область, Костромская область, Краснодарский край, Курская область, Липецкая область, Нижегородская область, Новгородская область, Орловская область, Пензенская область, Псковская область, Ростовская область, Рязанская область, Самарская область, Саратовская область, Смоленская область, Ставропольский край, Тамбовская область, Тверская область, Тульская область, Ульяновская область, Ярославская область, Чеченская Республика, Республика Татарстан.
- 2 ЗОНА:** Республика Калмыкия, Республика Башкортостан, Республика Карелия, Удмуртская Республика, Вологодская область, Кировская область, Курганская область, Оренбургская область, Пермский край, Свердловская область, Тюменская область, Челябинская область, Алтайский край, Республика Бурятия, Республика Коми, Республика Тыва, Республика Хакасия, Архангельская область, Иркутская область, Красноярский край, Новосибирская область, Омская область.
- 3 ЗОНА:** Приморский край, Кемеровская область, Томская область, Забайкальский край, Республика Алтай, Амурская область, Мурманская область, Еврейская АО, Хабаровский край, Ханты-Мансийский АО.
- 4 ЗОНА:** Магаданская область, Республика Саха (Якутия), Сахалинская область, Ненецкий АО, Ямало-Ненецкий АО, Камчатский край.
- 5 ЗОНА:** Чукотский АО.